
В. ф. БЕРГЪ
ПОСЛѢДНІЕ ГАРДЕМАРИНЫ
ИЗДАНІЕ ВОЕННО-МОРСКОГО СОЮЗА

В. ф.-БЕРГЪ

ПОСЛѢДНІЕ ГАРДЕМАРИНЫ

(МОРСКОЙ КОРПУСЪ)

ТРИЛОГІЯ

Съ 17 фотографіями на мѣловой бумагѣ

Парижъ
1931

Вице-адмиралъ **М. А. Кедровъ.**

Контръ-Адмиралъ **Н. Н. Машуковъ.**

(Клише «Часового»).

Вице-Адмиралъ **М. А. Кедровъ** среди чиновъ штаба въ Бизертѣ. Кап. 1-го ранга **В. И. Дмитріевъ,** Контръ-Адмиралъ **Беренсъ,** Контръ-Адмиралъ **Тихменевъ.**

Учебное судно «Морякъ».

ОТКРЫТІЕ МОРСКОГО КОРПУСА ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ ВЪ 1919 ГОДУ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Темная, теплая, южная ночь нѣжила въ своихъ объятіяхъ море, горы и, мирно спавшій на ихъ склонахъ, городъ Севастополь.

Съ далекаго темнаго неба смотрѣли ласковыя звѣзды въ черную глубину Сѣверной бухты, блѣднымъ свѣтомъ играя въ волнѣ, омывавшей участокъ Морского корпуса. На широкой деревянной пристани стоялъ высокій, кряжистый старикъ Селезневъ, съ длинной сѣдой бородою, подпоясанный подсумкомъ, съ винтовкой за плечами.

Онъ мечтательно смотрѣлъ на море, на маленькую желтую шлюпку, плавно качавшуюся у пристани на короткой цѣпи.

Страстный рыбакъ по профессіи, вольнонаемный сторожъ корпуса, онъ съ радостью вскочилъ бы въ шлюпку и забросилъ удочку или сѣть въ темную воду залива; а тутъ сторожи мертвый участокъ горы съ недостроеннымъ зданіемъ корпуса и офицерскими, почти никѣмъ необитаемыми флигелями.

Но пересиливъ искушеніе, онъ поправилъ подсумокъ и ружье и медленнымъ шагомъ пошелъ съ пристани на бѣлое шоссе, ведущее съ пристани къ главному зданію громаднаго бѣлаго дворца — корпуса.

Медленно поднимался старикъ на гору, медленно изъ-за горъ поднималась навстрѣчу луна и серебристымъ своимъ свѣтомъ заливала гору, высокія, бѣлыя колонны, галлереи въ недоконченной постройкѣ и ниже у берега моря бѣлые, уже готовые флигеля.

Переложилъ ружье на другое плечо и зашагалъ вдоль главнаго зданія между высокими штабелями кирпичей, бѣлыхъ глыбъ Инкерманскаго камня, бута, желѣзныхъ балокъ и бѣлыхъ ямъ негашеной извести, сіявшихъ при лунѣ, какъ молочныя озера.

Дальше лежали бревна, брусья, доски, сколоченныя въ рамы, чтобы ни одна изъ нихъ не могла пропасть.

Въ одномъ изъ крыльевъ высокаго зданія громоздились штабеля дубоваго паркета, кафели для печей, изразцы пола и черепицы для крыши.

Старикъ заглянулъ въ пустыя, длинныя залы, прислушался: никого... тихо. Пошелъ дальше своимъ дозоромъ и, дойдя до лѣваго крыла большого зданія, услышалъ мой свистокъ.

Въ этомъ году, я, какъ бывшій командиръ Роты Его Высочества этого корпуса, былъ назначенъ завѣдующимъ всѣмъ имуществомъ и зданіями Морского Корпуса и Начальникомъ его охраны.

Жилъ я въ своей квартирѣ въ бѣломъ флигелѣ на берегу Сѣверной бухты Чернаго моря. Здѣсь, подъ крыломъ Божьей милости, сохранилось въ цѣлости все мое гнѣздо.

Въ эту тихую лѣтнюю ночь вышелъ я изъ своего флигеля на очередную провѣрку дозорныхъ и услышалъ отвѣтный свистокъ Селезнева. Я поднялся на звукъ, по тропинкѣ, къ сторожкѣ, подошелъ къ старику. Онъ взялъ винтовку къ ногѣ и приподнялъ шапку.

— Все благополучно, Селезневъ? — спросилъ я.

— Все благополучно, Владимиръ Владимировичъ.

— Ну, пойдемъ вмѣстѣ, — сказалъ я. Мы спустились въ подвалы и нижніе этажи флигелей, гдѣ у меня хранились дорогія стекла для оконъ громаднаго зданія, и мѣдные приборы къ окнамъ и дверямъ. Убѣдившись въ цѣлости замковъ и складовъ, мы обошли четыре офицерскихъ флигеля на берегу.

Съ моря дулъ предразсвѣтный вѣтерокъ.

Луна скрылась за черной водою. На востокѣ протянулась розовая полоса.

Ясное утро лѣтняго дня. Подъ звуки мѣдныхъ горновъ и звонъ рындъ на судахъ поднимаются Андреевскіе флаги и начинается живая, суетливая работа офицеровъ и команды.

Въ порту давно прогудѣлъ гудокъ, тамъ стучатъ молотки и шипятъ горны, тысячи рабочихъ копошатся въ мастерскихъ и докахъ.

По рейду пробѣгаютъ катера, ялики подъ парусами съ базарнымъ людомъ; на авіаціонномъ плато шумятъ и гудятъ пропеллеры, готовые къ отлету; шумитъ, просыпается городъ Севастополь, бредутъ его граждане на службу и работу.

Только на участкѣ Морского Корпуса тихо и безлюдно. Не слышно на немъ радостныхъ звуковъ жизни, ни суеты работы, ни строевыхъ командъ, ни голоса преподавателей, ни музыки строевыхъ ученій.

Тихо. Безлюдно, какъ на забытомъ кладбищѣ.

Бѣлый высокій дворецъ тянетъ свои стройныя колонны въ голубое утреннее небо, какъ бы прося у него пощады, спасенія отъ неминуемой гибели разрушенія.

Корпусъ! Гдѣ твой Директоръ?.. Гдѣ твои кадеты, гдѣ учителя?

Забытый, недостроенный, опустошенный! Скелетъ безъ тѣла, безъ души!

Скажи, кто оживитъ тебя, кто вольетъ въ твои сосуды живую, горячую кровь?

Морской корпусъ, рожденный Царями, убитый революціей. Скажи, ты погибъ навсегда, или явится сильный и смѣлый и кровью сердца своего, любящаго Родину, вольетъ въ тебя жизнь?

Такъ думалъ я въ это утро, сидя у себя въ бѣлой столовой за дубовымъ прадѣдовскимъ столомъ, накрытымъ камчатской скатертью, и пилъ изъ Севрскаго фарфора съ гербами Прибалтійскихъ рыцарей ячменный кофе съ ситнымъ хлѣбомъ.

Со стѣнъ смотрѣли на внука портреты предковъ въ овальныхъ золоченыхъ рамахъ. Солнце заглядывало въ комнату и

шаловливыми зайчиками бѣгало по хрусталю, серебру и никкелю журчащаго самовара, по шкапу, краснаго дерева, съ дорогой старинной посудой.

Ярко сверкалъ паркетъ, крѣпко натертый воскомъ.

Въ продолженіи шестнадцати лѣтъ прослужилъ я въ Морскомъ корпусѣ въ Петербургѣ и въ Севастополѣ, начавъ воспитательскую дѣятельность еще въ мичманскомъ чинѣ при адмиралѣ Чухнинѣ. Я видѣлъ своими директорами адмираловъ Римскаго-Корсакова, Воеводскаго, Русина, Карцова и Ворожейкина. Всѣ зимы училъ и воспитывалъ кадетъ и гардемаринъ въ стѣнахъ родного мнѣ корпуса; а каждое лѣто уходилъ въ плаваніе со своими воспитанниками на судахъ отряда Морского Корпуса въ своихъ и заграничныхъ водахъ.

За эти 16 лѣтъ я прошелъ черезъ всѣ офицерскія должности въ корпусѣ до ротнаго командира включительно. Корпусъ украсилъ мундиръ мой всѣми орденами до Св. Владимира включительно; баловалъ меня приказами, наградами, дарилъ счастье, высокую честь и полное духовное удовлетвореніе въ служеніи родному флоту, воспитывая и образовывая для него славныхъ, доблестныхъ морскихъ офицеровъ.

Сколько сотенъ такихъ прошло черезъ мои руки, и какъ безконечно дорога мнѣ ихъ благодарная память!

Вотъ я въ Севастополѣ — Командиръ роты Его Высочества; въ этой ротѣ долженъ былъ воспитываться Наслѣдникъ Цесаревичъ. — Апогей мечты всякаго воспитателя! И вдругъ... грянула революція... Закрыли любимый корпусъ. Разлетѣлась золотая мечта.

Я вновь въ Петроградѣ — начальникомъ строевой части и командиромъ гардемаринской роты у адмирала Фролова.

По той же причинѣ, только позже закрыли Отдѣльные Гардемаринскіе Классы и Петроградское Морское Училище... Я вновь въ Севастополѣ.

Кто я? — Завѣдующій зданіями морского корпуса, хранитель его богатствъ, его священныхъ традицій, морского духа, его памяти, его реликвій.

Это все, что досталось мнѣ за 16 лѣтъ педагогическаго труда, самой высокой, искренней, горячей любви къ Корпусу и къ его дѣтямъ-воспитанникамъ.

Взглянувъ въ окно, я вдругъ увидѣлъ, что съ моря, мимо каменнаго форта, идетъ небольшой изящный пароходъ подъ Андреевскимъ флагомъ, по типу похожій на яхту.

Яхта подъ военнымъ флагомъ вышла уже на рейдъ, и стала на якорь. Вскорѣ у праваго трапа закачался полированный катеръ.

Въ него вошли три человѣка, и катеръ отвалилъ отъ борта, взявъ курсъ на Морской корпусъ..

Я всталъ съ кресла и, не отрываясь, смотрѣлъ въ бинокль.

— Что это за судно? — подумалъ я, — и кто на немъ?.. А вѣдь они къ намъ!

Катеръ быстро поглощалъ пространство.

Спускаюсь я изъ флигеля по дорожкѣ на пристань, съ тяжелой связкой ключей.

Ѣдутъ гости; иду ихъ встрѣчать. Кого только не встрѣчалъ я на этой пристани: и Государя Императора Николая II, и Наслѣдника Цесаревича, и адмирала Колчака, и министра генералъ-адъютанта Григоровича, и адмираловъ Русина и Карцева, и множество другихъ... Кого-то Господь посылаетъ теперь и что привезутъ эти люди съ собою? А они уже у пристани, и всѣ трое выходятъ ко мнѣ.

Впереди идетъ молодой офицеръ, въ черной тужуркѣ, съ погонами старшаго лейтенанта, съ угломъ изъ ленты русскаго національнаго флага на рукавѣ. Стройный, небольшого роста, плотно и крѣпко сложенный, съ открытымъ русскимъ лицомъ, въ рамкѣ черныхъ волосъ, подстриженныхъ бархатнымъ ежикомъ, надъ большимъ, широкимъ лбомъ, упорнаго и сильнаго характера. На вискахъ чуть-чуть серебрятся густые черные волосы. Энергичный ротъ подъ щеткой черныхъ усиковъ, «а ля америкэнъ», сіяетъ мнѣ навстрѣчу бѣлыми зубами, сердечно-радостной улыбкой.

На лицѣ обвѣтренномъ и загорѣломъ, подъ дугой черныхъ бровей, блестятъ энергіей и волей, полные жизни, темнокаріе глаза.

Онъ протянулъ мнѣ руку и громкимъ, бодрящимъ голосомъ сказалъ:

— Здравствуйте, Владимиръ Владимировичъ! Не узнаете своего бывшаго воспитанника?

— Машуковъ! Николай Машуковъ? — воскликнулъ я радостно, — узнаю, конечно, узнаю! — и горячо пожалъ его руку.

И передъ моимъ духовнымъ взоромъ протянулся длинный рядъ желтыхъ, полированныхъ конторокъ, въ большомъ ротномъ залѣ Петербургскаго Морского Корпуса; за одной изъ нихъ, въ синей голландкѣ съ бѣлыми погончиками, сидѣлъ прилежный, кропотливый кадетикъ, разбираясь въ книгѣ флотовъ всего міра, составляя таблицы сравнительныхъ боевыхъ силъ артиллеріи, брони, судового состава, изучая національные флаги и сигналы. Точный, исправный, религіозный съ чистой душой и горячимъ сердцемъ, въ тѣ юные еще года уже такъ пламенно любившій Русскій Флотъ и свою великую Родину.

— Еще бы не помнить! Вы и тогда уже выдѣлялись среди кадетъ, — сказалъ я и еще разъ крѣпко пожалъ его руку. — Уже старшій лейтенантъ, плаваете, гдѣ? на чемъ?

Онъ повернулся къ морю, указалъ рукою на стоявшую на рейдѣ яхту: — Вотъ мой корабль. Я командиръ вспомогательнаго крейсера «Цесаревичъ Георгій», доставилъ въ Севастополь Его Превосходительство генерала Ставицкаго. — Онъ представилъ мнѣ одного изъ своихъ спутниковъ, — и полковника англійской службы Юнгъ, — указалъ онъ на другого.

Мы представились другъ другу. Затѣмъ Машуковъ объяснилъ мнѣ цѣль ихъ пріѣзда.

Русскій генералъ и англійскій полковникъ попросили меня показать имъ всѣ зданія и кладовыя корпуса; я повелъ ихъ для осмотра.

Машуковъ слѣдовалъ за нами.

Гости мои долго, добросовѣстно осматривали флигеля, склады и главное зданіе корпуса на горѣ, записывали данныя. переговаривались между собою.

Оказалось, что они пріѣхали искать свободныя зданія подъ боевое снаряженіе армій, дѣйствующихъ на Югѣ Россіи, и предполагали отдать Морской Корпусъ Красному Кресту.

4-ая рота во главѣ съ Директоромъ Корпуса и г.г. Преподавателями.
(Клише «Часового»).

Гардемарины 1-ой роты.

Командиръ — Старшій Лейтенантъ ф.-**Брискорнъ** и Старшій Лейтенантъ **Помаскинъ**.

Послѣ осмотра я проводилъ комиссію на пристань.

По пути Н. Н. Машуковъ спросилъ меня: «какъ вы думаете, Владимиръ Владимировичъ, можно было бы теперь открыть корпусъ?»

Вздохнувъ, я ему отвѣтилъ:

— Эхъ, Николай Николаевичъ! Столько сюда пріѣзжало людей и комиссій, чтобы открывать «пріютъ для бѣженцевъ», «симферопольскій университетъ», разные «склады», теперь «Красный Крестъ» или Морской Корпусъ, но до сихъ поръ еще никому ничего здѣсь открыть не удалось.

Зданій и матеріаловъ на многіе милліоны; все сохранено въ полномъ порядкѣ, есть чѣмъ работать, да некому поднять это большое, трудное дѣло.

Конечно, было бы великое счастье, если-бъ Морской Корпусъ снова ожилъ на этой, нынѣ мертвой, горѣ, но пока — это всего лишь мечта.

Сверкнувъ на меня темнокарими глазами, Машуковъ сказалъ:

— Я попробую осуществить эту мечту!

— Въ такомъ случаѣ торопитесь, дорогой Николай Николаевичъ, не дайте уйти Корпусу отъ родного флота! — сказалъ я ему. Миссія простилась. Вошли въ катеръ и онъ, застучавъ моторомъ, въ бѣлой пѣнѣ волны, быстро уходилъ отъ корпусной пристани.

Ст. лейт. Машуковъ привѣтливо помахалъ мнѣ рукою, привѣтъ былъ и Морскому Корпусу, который онъ принялъ въ свое сердце въ эту минуту и жизненной силой своей захотѣлъ и его вернуть къ жизни. Волшебный корабликъ, принесшій на борту своемъ судьбу Морского Корпуса, судьбу, которая вошла въ сердце его командира и водила его рукою, волей и умомъ, былъ пароходомъ общества «Ропита» (Русское Общество Пароходства и Торговли) «Цесаревичъ Георгій». Онъ былъ взятъ бѣлымъ командованіемъ для военныхъ дѣйствій по освобожденію Родины отъ краснаго разрушенія. Его вооружили тремя 75 м. м. пушками, и Андреевскій флагъ взвился за его кормою.

Матросами этого корабля были казаки, юнкера, гимназисты и реалисты Армавирской, Екатеринодарской, Керчен-

ской и Ялтинской гимназій, словомъ, вся та пылкая и честная молодежь, которая не могла спокойно взирать на то, какъ терзали ихъ Родину-Мать злобныя, разрушительныя силы; та бѣлая молодежь съ различныхъ фронтовъ, которая не жалѣла ни молодой жизни своей, ни горячей крови, для спасенія Родины. Они работали на палубѣ и у пушекъ, и въ машинѣ, въ кочегаркѣ и трюмахъ, подъ руководствомъ опытныхъ офицеровъ. Ст. лейт. Новиковъ былъ старш. офицеромъ. Ст. лейт. Павловъ — артиллерійскимъ оф. Кап. 1 ранга Даниленко -- ст. механикомъ. Мичманъ Денисовъ — мл. механикомъ. Ст. лейт. Цингеръ — штурманскимъ оф. Лейт. Гросицкій — ревизоромъ. Мичманъ Богдановъ — вахтеннымъ начальникомъ и ротнымъ командиромъ.

И не прійди этотъ корабль въ тотъ годъ, и въ тотъ день въ Севастополь, не было бы Морского Корпуса ни въ этомъ городѣ, ни въ Бизертѣ; и тѣ славные и милые юноши и мальчики, которые сейчасъ имѣютъ высокую честь быть мичманами, гардемаринами и кадетами Русскаго Флота, остались бы гражданами самой страшной, кошмарной республики, которой нѣтъ подобной на всемъ земномъ шарѣ.

Спустя нѣсколько дней Н. Н. Машуковъ пріѣхалъ снова ко мнѣ въ гости уже запросто.

Я созвалъ свою семью и познакомилъ его съ нею.

Н. Н. Машуковъ долгіе часы говорилъ, и съ жадностью слушали мы всѣ его живые, славные разсказы о побѣдоносной защитѣ Юга Россіи, Кавказа, Украины, Крыма; но жаднѣе всего слушали мы его мечты, его широкіе планы и смѣлые проэкты объ открытіи родного намъ и любимаго всей семьей моей, Морского Корпуса.

Передъ тѣмъ, какъ уѣхать, Н. Н. еще разъ прошелъ со мною по зданіямъ корпуса; по пути обсуждая размѣщеніе кадетъ, штаты, и откуда брать оборудованіе мебелью и книгами, которыя Ликвидаціонная Комиссія Корпуса въ 1918 году сдала во временное пользованіе училищамъ города Севастополя.

Обсудивъ все подробно, дошли мы до пристани и моторный катеръ унесъ моего дорогого гостя на его корабль.

Вечеромъ «Цесаревичъ Георгій» снялся съ якоря и пошелъ въ Новороссійскъ.

11 іюля 1919 года. Рейдъ города Новороссійска. Стоитъ на якорѣ «Цесаревичъ Георгій». Въ своей командирской каютѣ, за письменнымъ столомъ, сидитъ ст. лейт. Машуковъ и быстрыми, ловкими пальцами бьетъ по клавишамъ пишущей машинки. Бѣгутъ печатныя строчки, скрипитъ бумага, звонитъ колокольчикъ. Брови командира сдвинуты, на лбу между ними глубокая складка, темные глаза серьезны, бѣгаютъ по строчкамъ. На лицѣ волненіе. Сердце горитъ.

Онъ пишетъ рапортъ по начальству объ открытіи Морского Корпуса и вкладываетъ въ каждую строчку всю свою душу, всю горячую любовь свою къ флоту и всѣ надежды, что его поймутъ, оцѣнятъ его мысли и дадутъ средства воплотить мечту. Проходитъ часъ, проходитъ другой. Рапортъ готовъ. Вотъ, что писалъ Машуковъ:

Доношу Вашему Превосходительству, что, сопровождая двѣ миссіи, изъ которыхъ одна возглавлялась Начальникомъ Новороссійской базы генералъ-маіоромъ Ставицкимъ, а другая англійская съ полковникомъ Юнгъ, имѣвшія своей цѣлью осмотръ всѣхъ свободныхъ складовъ и зданій въ городахъ Севастополѣ и Ѳеодосіи на предметъ занятія ихъ подъ боевое снабженіе армій, дѣйствующихъ на Югѣ Россіи, и подъ канцеляріи и жилыя помѣщенія служебнаго персонала, узналъ я что для этой цѣли были предназначены къ осмотру и зданія Севастопольскаго Морского Корпуса.

Въ разговорѣ ген.-маіоръ Ставицкій съ полк. англійской службы Юнгъ высказывали свои взгляды, что совершенно необходимо зданія Морского Корпуса передать Красному Кресту. Самый фактъ, что зданія Морского Корпуса были включены въ число тѣхъ сооруженій, которыя предполагалось использовать не по своему прямому назначенію, меня глубоко поразилъ.

Въ моментъ, когда въ самомъ интенсивномъ порядкѣ, напрягаются всѣ силы патріотически настроенныхъ гражданъ для возстановленія Великой Россіи и ея военной мощи, поднимается вопросъ объ использованіи зданій единственной

Морской Школы, которой мы въ настоящее время располагаемъ, не по назначенію.

Въ этомъ я вижу вліяніе общественной мысли, существовавшей у насъ вполнѣ естественно до начала двадцатаго вѣка и, какъ ни странно, до первыхъ дней революціи, полагая, что не встрѣчу возраженій, если возьму на себя смѣлость утверждать, что въ Школахъ нашихъ и гражданскихъ и военныхъ никогда не внушалось сознаніе, что величіе нашей Родины лежитъ и на моряхъ. Можно ли послѣ этого удивляться, что школьники, сдѣлавшись со временемъ государственными людьми, не могутъ судить о значеніи флота, а, значитъ, и о тѣхъ требованіяхъ, которыя ему можно предъявлять. И это послѣ Русской-японской войны, когда вся надежда была на эскадру вице-адмирала Рождественскаго, гибель которой не замедлила привести Россію къ Портсмутскому миру. И это послѣ того, какъ единственно оставшіеся у насъ послѣ Русско-Японской войны корабли въ 1909 году были заперты въ Кильской бухтѣ германскимъ флотомъ и Россія подписала актъ аннексіи Босніи и Герцеговины.

Было ли бы это возможно при наличіи у насъ сильнаго флота и особенно въ славныя времена адмирала Сенявина? Ни отъ кого не секретъ, что въ Русско-германскую войну правый флангъ нашихъ армій опирался на Флотъ и неуспѣхи Флота немедленно влекли за собою неуспѣхи и Арміи (Либава, Рига, Моонзундъ, Ревель, Ганге-Уддъ) и т. д. Смогли ли бы удержать Петроградъ при отсутствіи Флота? Неужели успѣхи нашей Кавказской Арміи въ Закавказьѣ были бы столь значительны, если бы нашъ флотъ не владѣлъ бассейномъ Чернаго моря? Добровольческая Армія до взятія союзниками Дарданеллъ и Босфора получала боевое снабженіе, снаряженіе только моремъ и т. д.

Но этихъ всѣхъ примѣровъ, видимо, недостаточно, если производится покушеніе на нашу единственную Морскую Школу. Армія, въ самомъ срочномъ порядкѣ, учреждаетъ въ Екатеринодарѣ три военныхъ училища, функціонируетъ кадетскій корпусъ; а что же дѣлается для возсозданія личнаго состава флота?

Политическія событія растутъ съ грандіозной быстротой,

и кто можетъ указать, «гдѣ» и «противъ кого» прійдется выступать нашему флоту, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ.

Неужели намъ нужны еще большія потрясенія, дабы вывести насъ изъ состоянія равнодушія, дабы вспомнить объ урокахъ и правдѣ, которыми поучаютъ насъ исторія и опытъ?

Въ тѣ минуты обдумывать и соображать будетъ поздно!

Для воспитанія офицеровъ Арміи необходимъ значительно болѣе краткій срокъ времени, нежели для воспитанія офицеровъ Флота, для каковой цѣли необходимо минимумъ три года, при соотвѣтствующихъ плаваніяхъ.

Наличіе же однихъ: желаній, мужества и геройства не смогутъ вполнѣ замѣнить незнанія въ морскихъ вопросахъ и того высокаго сочувствія чести Отечества, которое обязаны поддерживать и развивать въ личномъ составѣ (вѣрнѣе въ народѣ) правительственные органы.

Недостаточность такого воспитанія и позднее открытіе спеціальныхъ школъ во Флотѣ проявляется лишь въ моментъ несчастія.

Все вышеизложенное заставляетъ меня мыслить, что во главѣ правительственныхъ учрежденій должны стоять люди лишь имѣющіе ясное представленіе о сущности военно-морскихъ дѣлъ.

Я считаю, что первой задачей правительства въ морскихъ вопросахъ является созданіе личнаго состава, — а, значитъ, Морского Училища и спеціальныхъ школъ.

Все же, что ведетъ не къ этой цѣли, нужно сознаться, есть палліативы, создающіе лишь «хлѣбныя мѣста».

Даже держава Украинская за время своего недолговременнаго существованія, отдавая должное флоту въ судьбѣ государства, и та открыла Морское Училище въ гор. Николаевѣ, куда собирались всѣ бывшіе воспитанники Морского Корпуса и Гардемаринскихъ Классовъ.

Въ настоящее время, по пути къ главной цѣли, мы сдѣлали лишь одинъ шагъ: это попытка созданія радіотелеграфной школы.

Мизерныя средства, минимальные оклады содержанія инструкторовъ привели къ тому, что мы не можемъ взять въ

Школу нужныхъ намъ людей на вакансіи инструкторовъ; а условія жизни таковы, что большинство учениковъ прилагаютъ всѣ усилія, чтобы покинуть Школу, несмотря на то, что пошли они туда по собственному желанію.

Любая стратегія, въ своей главѣ о личномъ составѣ, учитъ: личный составъ всякаго флота есть фундаментъ, на который опирается все веденіе войны.

Изрѣченіе Фаррогута: «Желѣзныя сердца на деревянныхъ судахъ», являющееся непреложной истиной, требуетъ поясненія въ томъ смыслѣ, что «желѣзное сердце» не изобрѣтается, а его нужно воспитать во времени.

Куропаткинъ говоритъ: «одни суда еще не составляютъ флота и не представляютъ собою той твердой руки, которая нужна государству.

Могущество націи заключается не въ бронѣ, пушкахъ и минахъ; но въ знаніи и мужествѣ тѣхъ людей, которые стоятъ за этими предметами».

Посему, мнѣ кажется, что, если мы желаемъ стать на вѣрную и реальную почву цѣлесообразнаго строенія государства, мы должны, не жалѣя средствъ, теперь же обратить вниманіе на созиданіе личнаго состава флота, и заставить съ осени уже этого года функціонировать Морское Училище, памятуя, что плоды этой работы мы увидимъ не раньше, чѣмъ черезъ три года.

Имѣя прекрасный личный составъ, мы будемъ имѣть и флотъ, который въ случаѣ нужды государство сможетъ и отремонтировать, и построить, и купить въ болѣе короткій срокъ.

Личный же составъ не купишь ни за какія деньги.

Каждый потерянный день ставитъ государство все въ болѣе и болѣе тяжелое положеніе и, особенно, относительно того момента, когда оно найдетъ нужнымъ возстановить свои поруганныя честь и достоинство, и имѣть вѣсъ въ международномъ масштабѣ.

На моральныя качества личнаго состава должны вліять высшіе начальники, почему на эти должности необходимо ставить только лицъ, обладающихъ выдающимися свойствами духа и сердца. Во главѣ Морского Корпуса долженъ быть

теперь же поставленъ адмиралъ, энергія и работоспособность котораго и по сіе время общеизвѣстны.

Воспитателями и руководителями въ означенный корпусъ должны идти не случайные офицеры, а лишь лучшіе; для осуществленія чего, списокъ кандидатовъ долженъ составляться общей баллотировкой всего личнаго состава Флота ежегодно, и лишь изъ этого списка начальство выбираетъ наиболѣе достойныхъ. Весь офицерскій составъ обязательно долженъ участвовать, означенной баллотировкой, въ воспитаніи своихъ будущихъ подчиненныхъ, преемниковъ и соплавателей.

Воспитатели должны быть обставлены такъ, и имѣть такія преимущества по службѣ, чтобы могли гордиться своею дѣятельностью.

Все вышеизложенное приведено мною на тотъ предметъ, дабы дать возможность Вашему Превосходительству ознакомить съ мыслями рядового плавающаго морского офицера Добровольческой Арміи, всѣхъ тѣхъ лицъ, стоящихъ у кормила власти, кои судьбою призваны въ настоящее время вести наше отечество по пути возрожденія; а также и тѣхъ руководителей государственной казны, которые въ порывѣ государственнаго патріотизма, сберегая деньги, не знаютъ, что для перваго лишь выпуска морскихъ офицеровъ, нужно минимумъ три года. Потому, каждый день промедленія вызываетъ излишнее торможеніе въ ростѣ государственной мощи; а, значитъ, и отдаляетъ моментъ, когда Родина наша займетъ подобающее ей мѣсто среди другихъ державъ Европы.

Старшій Лейтенантъ **Машуковъ.**

Во дворцѣ на Екатерининской улицѣ города Севастополя, въ большомъ кабинетѣ Командующаго Черноморскимъ Флотомъ, за письменнымъ столомъ сидѣлъ сухощавый, бронзовый отъ загара, брюнетъ, съ энергичнымъ лицомъ, смѣлый и прямой контръ-адмиралъ Саблинъ и разбиралъ рапорты и бумаги.

Утреннее солнце, сквозь желтыя шелковыя занавѣски, золотило всю комнату янтарнымъ полусвѣтомъ, и вносило радостное, бодрое настроеніе въ душу адмирала. Въ эту сча-

стливую минуту, по докладу молодого флагъ-офицера, былъ приглашенъ въ кабинетъ Ст. Лейт. Машуковъ, только что прибывшій изъ Таганрога.

— Здравствуйте, Николай Николаевичъ, чѣмъ могу быть вамъ полезенъ? — спросилъ его Командующій Флотомъ.

— Ваше Превосходительство! — отвѣтилъ Машуковъ, — вы любите Морской Корпусъ и желали бы его открытія?

— Да, я очень люблю Морской Корпусъ и для него готовъ на все. Что же нужно для его открытія?

— Деньги, Ваше Превосходительство.

— Много?

— Такъ точно, много! Надо застеклить одно крыло главнаго зданія, настлать паркетъ, навѣсить двери, провести освѣщеніе, водопроводъ, отопленіе и установить динамо-машины.

— Много я не могу, — отвѣтилъ адмиралъ Саблинъ, — у меня въ распоряженіи всего сто тысячъ рублей, но все, чѣмъ я располагаю, я отдаю вамъ на Морской Корпусъ.

И, не теряя ни минуты времени, онъ взялъ бланкъ Командующаго, написалъ предписаніе казначею порта о выдачѣ ст. лейт. Машукову 100.000 рублей. Радостный и довольный благодарилъ Машуковъ Адмирала, а затѣмъ продолжалъ: «Есть еще одна просьба, В. П-во. Такъ какъ пріемъ долженъ быть срочный, а достраивать корпусъ будутъ сравнительно долго, то помѣстить гардемаринъ и кадетъ придется сперва въ офицерскихъ флигеляхъ.

Тамъ будутъ ихъ классы и спальни, а столоваться имъ ужъ негдѣ.

Такъ я полагаю просить, В. П-во, не найдете ли возможнымъ уступить корпусу во временное пользованіе личную вашу резиденцію — дачу «Голландію», въ которой мы устроили бы столовую и кухню для питанія двухъ ротъ и служащихъ, которымъ негдѣ было бы столоваться».

Адмиралъ Саблинъ взялъ другой бланкъ, написалъ приказъ, что лѣтняя дача Командующаго Черноморскимъ Флотомъ съ садомъ и службами переходитъ во временное пользованіе Морскому Корпусу. И, подписавъ его, передалъ Машукову.

— Вотъ, — сказалъ онъ, — для Морского Корпуса мнѣ

ничего не жалко, ему я готовъ отдать все; вотъ вамъ деньги, дача, орудуйте и желаю вамъ успѣха.

Машуковъ сердечно поблагодарилъ, откланялся и, окрыленный радостнымъ порывомъ творчества, полетѣлъ въ казначейство, гдѣ получилъ 100.000 рублей, оттуда въ Портъ къ главному строителю Севастопольскаго Порта полковнику Заборовскому. Передалъ ему всѣ эти деньги, просилъ теперь же составить смѣту на всѣ, нужныя Корпусу, работы и спѣшно начать ихъ.

Плещется волной Азовское море о сваи Таганрогскихъ пристаней. Черные грузчики нагружаютъ баржи богатствомъ Донецкаго бассейна.

Кипитъ Таганрогъ живою бодрою жизнью. Побѣдоносные орлы Бѣлыхъ Армій охватили своими крыльями весь Югъ Россіи отъ Петровска на Каспійскомъ морѣ, Новороссійска на Черномъ, Таганрога на Азовскомъ, Ростова на Дону, Керчи, Севастополя, Харькова, Одессы. Все дальше и дальше освобождаютъ родную землю бѣлые орлы изъ лапъ краснаго дракона.

Съ Кубани, изъ Екатеринодара перенесъ свою Ставку генералъ Деникинъ въ Таганрогъ. А гражданское управленіе помѣстилъ въ Ростовѣ-на-Дону.

Днемъ и ночью между этими городами ходили туда и обратно поѣзда-экспрессы синихъ и желтыхъ вагоновъ. Денно и нощно пробѣгали телеграммы, трещали и звонили телефоны, радіо и почта въ этомъ сердцѣ бѣлаго движенія.

На перекресткѣ двухъ длинныхъ улицъ, наискосокъ деревяннаго дома, въ которомъ скончался Императоръ Александръ I Благословенный, присмотрѣли конные квартирьеры большой, удобный домъ купца — торговца макаронами. Домъ заняли подъ канцелярію Главнокомандующаго и начальниковъ его штабовъ.

Въ одно іюльское утро 1919 года изъ Новороссійска, со своимъ рапортомъ, прибылъ въ Таганрогъ ст. лейт. Машуковъ. Съ портфелемъ, туго набитымъ проэктами, расчетами, смѣтами и донесеніями, шелъ онъ бодрой, молодой походкой по улицамъ Таганрога и, дойдя до перекрестка, вошелъ въ

домъ — канцелярію Главнокомандующаго. Тамъ его обступили контръ-адмиралъ Тихменевъ — помощникъ Начальника Морского Управленія, кап. 2 ранга Пилипенко — по финансовой части и Пашкевичъ — Начальникъ Оперативной части. Всѣ очень сочувственно отнеслись къ Машукову, къ его мечтѣ — открыть Корпусъ въ Севастополѣ, обѣщали свое содѣйствіе и просили обождать очереди его доклада.

Когда часъ насталъ, Машуковъ всталъ, приготовилъ бумаги къ докладу, постучалъ въ дверь кабинета вице-адмирала Герасимова — Начальника Морского Управленія.

За дверью послышался увѣренный и твердый басокъ: «Да, да!».

Дверь отворилась, и Машуковъ вошелъ. Въ просторной комнатѣ, на стулѣ за столомъ, сидѣлъ высокій, ширококостный, крѣпкій сибирякъ, одѣтый въ защитнаго цвѣта рубаху-гимнастерку, со вшитыми на плечахъ золотыми погонами съ двумя черными орлами. Талія охвачена широкимъ желтымъ кожанымъ поясомъ, на немъ кобура съ револьверомъ.

Высокій бѣлый лобъ, въ рамкѣ сѣдѣющихъ, коротко стриженныхъ волосъ, бѣлѣлъ надъ черными бровями и загорѣлымъ лицомъ. Темные, щеткой, усы лежали надъ мягкими, но властными губами.

Золотымъ пенснэ онъ вооружилъ свой крупный, характерный носъ, и накрылъ стеклами темный бархатъ умныхъ, выразительныхъ глазъ. Онъ поднялъ голову на вошедшаго. Искорки недовѣрчивой ироніи блеснули на собесѣдника въ его черныхъ зрачкахъ.

— Ну, что вы тамъ опять придумали? — спросилъ адмиралъ Герасимовъ.

— Разрѣшите, Ваше Превосходительство, представить вамъ свой рапортъ объ открытіи теперь же, въ срочномъ порядкѣ Морского Корпуса въ Севастополѣ, — отвѣтилъ Машуковъ, положивъ свой длинный, обстоятельный рапортъ передъ начальникомъ. — Я прошу, В. П-во, ознакомившись съ моимъ рапортомъ, доложить его Главнокомандующему.

Въ Севастополѣ Командующій Флотомъ к.-адм. Саблинъ далъ мнѣ уже 100.000 рублей, деньги эти мною переданы строителю порта полковнику Заборовскому.

— Въ такое время открывать корпусъ?! — мелькнулъ въ глубинѣ глазъ адмирала и вопросъ и удивленіе.

Но на челѣ его высокомъ, ни во взорѣ нельзя было прочесть его глубокихъ думъ.

Ознакомившись съ докладомъ Машукова, адмиралъ снялъ пенснэ и, посмотрѣвъ на докладчика, сказалъ:

— Дѣлайте, что хотите, только меня не подведите.

— Ваше Превосходительство! — воскликнулъ обиженно Машуковъ, — да когда же я васъ подводилъ?.. Подвелъ я васъ въ чемъ нибудь?.. За что такое недовѣріе!?. — И, взявъ свой докладъ, портфель и бумаги, Машуковъ откланялся, быстро вышелъ изъ кабинета. Сердце билось, въ ушахъ шумѣло, было обидно, больно и страшно досадно; руки опускались. Мечта разлеталась, какъ дымъ.

— Ну ихъ совсѣмъ! Брошу эту затѣю!

Трудишься, ночи не спишь, ѣздишь, хлопочешь, считаешь, а тутъ...

Нѣтъ, не хочу! Брошу все!

Какъ молніей пронеслось въ мозгу. Но твердая и упорная воля, закаленная въ трудныхъ, тяжелыхъ бояхъ, смирила самолюбивыя, буйныя мысли, и, уже нѣсколько успокоенный, вошелъ онъ въ пріемный залъ. Тамъ его обступили тѣ же офицеры. Разспросивъ въ чемъ дѣло, они хоромъ начали утѣшать, ободрять его, говоря: «Полноте, полноте, Николай Николаевичъ, да Богъ съ вами, съ чего вы обидѣлись? Вы не знаете нашего адмирала. Это — умнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, только онъ очень любитъ подтрунить и подшутить надъ людьми.

Это онъ, шутя, сказалъ вамъ: «не подводите меня». — «Онъ, конечно, вѣритъ вамъ и цѣнитъ васъ».

— Давайте вашъ рапортъ! — сказалъ контръ-адмиралъ Тихменевъ. — Я его снова доложу. Капитанъ 2-го ранга Пашкевичъ обѣщалъ Машукову все свое содѣйствіе по доставкѣ Николая Николаевича на суда, въ города, порты и въ различныя вѣдомства, а кап. 2 р. Пилипенко обѣщалъ помочь провести финансы на достройку зданій и открытіе Корпуса. Утѣшенія эти были не словами, а дѣлами: знаменитый, принадле-

жащій нынѣ исторіи Морского Корпуса, рапортъ стар. лейтенанта Машукова дошелъ до генерала Деникина, былъ имъ утвержденъ. Финансы были проведены въ срочномъ порядкѣ. Машуковъ уѣхалъ въ Севастополь.

Наладивъ дѣло въ порту, Н. Н. Машуковъ примчалъ опять ко мнѣ въ бѣлый флигель и, радостно волнуясь, разсказалъ мнѣ всѣ свои удачи и труды по открытію корпуса. Показалъ мнѣ приказъ Главнокомандующаго о томъ, что онъ — ст. лейт. Машуковъ, — назначается Завѣдующимъ Дѣлами Морского Корпуса въ Севастополѣ, съ оставленіемъ въ должности командира всп. крейсера «Цесаревичъ Георгій».

Вся работа по открытію Морского Корпуса возлагалась персонально на Н. Н. Машукова. Семья моя радостно привѣтствовала Н. Н., поздравляла его съ такимъ блестящимъ успѣхомъ; привѣтствовала, какъ спасителя Корпуса, дававшаго ему новую жизнь, вырвавшаго его достояніе изъ чуждыхъ Флоту рукъ.

Въ этотъ день мы опять пошли въ обходъ по всѣмъ зданіямъ Корпуса, намѣчая, гдѣ и какъ размѣстить гардемаринъ, кадетъ, воспитателей и служителей. Обошли также дачу Командующаго Флотомъ въ цвѣтущемъ саду «Голландіи», перешедшей во владѣніе Корпуса.

Закончивъ подробный осмотръ и распредѣленіе, мы спустились на пристань, гдѣ поджидалъ его моторный катерокъ. На пристани ст. лейт. Машуковъ сказалъ мнѣ: «зная васъ, дорогой Владимиръ Владимировичъ, за достойнѣйшаго и опытнѣйшаго воспитателя Морского Корпуса, я и теперь надѣюсь, что вы не откажетесь взять въ командованіе одну изъ ротъ, открываемаго мною, Корпуса?». Я искренно пожалъ протянутую мнѣ руку и отвѣтилъ:

— Дорогой Николай Николаевичъ, вся жизнь моя, силы, опытъ и знанія были всегда посвящены Морскому Корпусу и судамъ его отрядовъ, на которыхъ я плавалъ со своими воспитанниками-гардемаринами и кадетами, и я, съ величайшимъ удовольствіемъ, возобновлю мною любимую, насильно прерванную, дѣятельность и службу, съ радостью буду вновь служить Морскому Корпусу до послѣднихъ силъ.

Желалъ бы даже, чтобъ въ концѣ моей жизни мой гробъ несли бы тоже мои кадеты.

— Благодарю васъ, Вл. Вл., я такъ и былъ увѣренъ, что вы не откажетесь, — отвѣтилъ Машуковъ.

— Какую же изъ ротъ вы желали бы взять, гардемаринскую или кадетскую?

— Я воспитывалъ и тѣхъ, и другихъ, Ник. Ник., предпочитаю взять кадетскую, какъ молодой, свѣжій матеріалъ, какъ мягкій воскъ, удобный къ обработкѣ.

— Хорошо, — отвѣтилъ Машуковъ, — тогда гардемаринскую я предложу Ивану Васильевичу Кольнеру, моему глубокоуважаемому преподавателю въ артиллерійскихъ классахъ.

Затѣмъ надо подумать о директорѣ.

У меня есть хорошіе кандидаты: вице-адмиралъ Ненюковъ — рыцарь духа и чести, горячо любящій дѣтей. Контръ-адмиралъ Зеленецкій, бывш. командиръ Императорской яхты «Штандартъ». Сейчасъ пойду на яхтѣ «Колхида» въ Таганрогъ къ вице-адмиралу Герасимову хлопотать о директорѣ.

Мы простились, катеръ отвалилъ отъ пристани.

Спустя два дня ст. лейт. Машуковъ опять на докладѣ у Начальника Главнаго Морского Управленія.

Онъ представляетъ списокъ кандидатовъ въ директора Морского Корпуса, проситъ разрѣшенія предложить всѣмъ начальникамъ губерній и городовъ Юга Россіи, занятыхъ Бѣлой Арміей, дать въ газетахъ своихъ объявленія о пріемѣ этой осенью воспитанниковъ въ гардемаринскую и кадетскую роты М. К.

6-го сентября 1919 года разлетѣлись по всему южному краю Россіи объявленія о пріемѣ въ Корпусъ на 260 вакансій юношей и мальчиковъ.

Этими объявленіями ст. лейт. Машуковъ связалъ себя и своихъ начальниковъ нравственными обязательствами по отношенію къ Морскому Корпусу; сдѣлалъ это умышленно, чтобы не было путей къ отступленію.

И съ этой минуты два съ половиной мѣсяца днемъ и ночью, не покладая рукъ, работалъ Н. Н. Машуковъ, носясь изъ Таганрога въ Новороссійскъ, оттуда въ Севастополь, въ

Одессу, въ Земскій Союзъ, въ Дамскій комитетъ, въ Красный Крестъ, прося, уговаривая, настаивая и требуя средствъ на пропитаніе, обмундированіе и обученіе будущихъ гардемаринъ и кадетъ.

Хлопочетъ онъ о возвращеніи изъ гимназій Севастополя классной мебели, учебной библіотеки, взятой во временное пользованіе изъ Мор. Корпуса.

Училищные совѣты сопротивляются; требуютъ бумагу изъ Ростова-на-Дону. Машуковъ несется въ Ростовъ и возвращается съ предписаніемъ.

Мебель и книги спасены.

Ночью, въ каютѣ своего корабля онъ составляетъ смѣты и вычисляетъ необходимыя суммы, количество бѣлья, одежды, обуви, вооруженія; а днемъ простаиваетъ въ долгой очереди въ комиссіи по просмотру и сокращенію штатовъ: комиссіи изъ девяти генераловъ, не сочувствующихъ старшему лейтенанту.

— Въ штатѣ корпуса есть «барабанщики». Зачѣмъ вамъ барабанщики? — спрашиваютъ генералы. — Будите кадетъ голосомъ.

— Два ротныхъ командира? Зачѣмъ? Справится и одинъ!

И такъ отъ статьи къ статьѣ и все къ сокращенію.

Упорный, терпѣливый и выносливый, много дней подрядъ выстаиваетъ Н. Н. Машуковъ въ комиссіи девяти генераловъ.

— Явитесь къ предсѣдателю генералу Вязьмитинову и просите Его Превосходительство написать на вашемъ докладѣ: «Изъ срочныхъ срочное», тогда мы проведемъ ваши штаты.

Ст. лейтенантъ Машуковъ стучитъ въ дверь сосѣдней комнаты. Дверь отворилась и передъ нимъ грозный генералъ.

Въ присутствіи одного изъ директоровъ сухопутнаго корпуса выслушиваетъ Вязьмитиновъ докладъ о Морскомъ Корпусѣ и грозно вскрикиваетъ:

— Что у меня мало дѣла и безъ вашего Корпуса?! Вотъ директоръ уже существующаго корпуса и я ничѣмъ не могу ему помочь, а вы нашли время открывать еще Морской Корпусъ!

Не понимаете вы этого? Что вы, ребенокъ?

И, сунувъ Машукову въ руку его докладъ, генералъ властно указалъ ему на дверь. Старшій лейтенантъ вышелъ... чтобы на другое утро стать въ очередь къ девяти часамъ.

Капля воды долбитъ камень.

Терпѣніе и трудъ все перетрутъ.

На одиннадцатый день своего терпѣливаго стоянія, Н. Н. Машуковъ добился своего желаннаго «штата».

Генераламъ стало стыдно; они его просмотрѣли и утвердили.

На засѣданіи у генерала Деникина въ Таганрогѣ самъ Главнокомандующій предложилъ ст. лейт. Машукову возглавить открытый имъ Морской Корпусъ и хотѣлъ назначить его директоромъ Корпуса.

Но честный, деликатный и скромный Н. Н. Машуковъ наотрѣзъ отказался отъ этого почетнаго мѣста, доложивъ, что на такомъ посту стоялъ всегда опытный и уважаемый Флотомъ адмиралъ, а что онъ еще слишкомъ молодъ и не имѣетъ опыта для воспитанія юношей. Генералъ Деникинъ оцѣнилъ его скромность и обѣщалъ разсмотрѣть списокъ кандидатовъ-адмираловъ.

Н. Н. Машуковъ предполагалъ стать инспекторомъ классовъ М. К.

Вскорѣ затѣмъ онъ появился опять въ Севастополѣ, гдѣ хлопоталъ у адмирала Саблина крейсеръ «Память Меркурія», который хотѣлъ поставить у берега Морского Корпуса, чтобы его динамо-машиной освѣщать зданія корпуса и предоставить само судно для лѣтняго жилья кадетамъ и гардемаринамъ и въ помощь изученію морского дѣла.

Этотъ проэктъ не прошелъ, такъ какъ Севастопольскій портъ нашелъ возможность поставить на участокъ М. К. маленькую электрическую станцію, которая и освѣтила флигеля.

Отъ Командующаго Флотомъ Машуковъ поѣхалъ въ портъ торопить полковника Заборовскаго съ началомъ работъ въ Корпусѣ. Отъ него пріѣхалъ ко мнѣ и передалъ приказы о назначеніи ротными командирами капитана 2-го ранга Кольнера — гардемаринской, а меня кадетской ротами. Сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія о пріемѣ присылаемыхъ имъ

для воспитанниковъ англійскаго и французскаго обмундированій, бѣлья отъ Краснаго Креста, одѣялъ и простынь отъ комитетовъ и Земскаго Союза. Просилъ принимать ихъ и дѣлить, по-братски между гардемаринами и кадетскимъ цейхгаузами.

Просилъ меня взять на себя преподаваніе морского дѣла, какъ въ гардемаринской, такъ и въ кадетской ротахъ, говоря, что эта наука самая важная, родная и близкая всякому моряку, должна преподаваться съ дѣтства, чтобы внушить кадетамъ любовь къ родному флоту и морю. Я, конечно, съ радостью согласился, т. к. любимымъ дѣломъ моимъ было преподавать, да и «Морское дѣло» мнѣ было хорошо знакомо, какъ преподававшему эту науку въ Петроградскомъ М. Корпусѣ въ теченіе многихъ лѣтъ.

Затѣмъ Н. Н. Машуковъ поручилъ мнѣ, до пріѣзда новаго завѣдующаго хозяйственной частью, начать наемъ прислуги корпуса, согласно утвержденнымъ штатамъ. Пробѣжавъ еще разъ по всѣмъ зданіямъ корпуса, который для него становился «роднымъ дѣтищемъ»» и дорогой, неусыпной, отеческой заботой, Николай Николаевичъ снова уѣхалъ на свой корабль, которымъ онъ такъ доблестно помогалъ Бѣлымъ Орламъ бороться противъ краснаго дракона.

О чемъ краснорѣчиво гласилъ приказъ генерала Деникина:

«Командиру вспомог. крейсера «Цесаревичъ Георгій», ст. лейт. Машукову Добровольческая Армія обязана рядомъ цѣнныхъ услугъ (21 мая 1919 г.)».

100.000 рублей, данные съ такимъ добрымъ желаніемъ к.-адм. Саблинымъ, стали превращаться въ работу, а мертвый участокъ Морского Корпуса началъ, потихоньку, снова оживать.

Стукъ молота, визгъ пилы зазвучали на горѣ въ главномъ зданіи.

Каменщики проламывали дверь въ бѣлой стѣнѣ, ограждавшей «Голландію» отъ Корпуса.

Къ пристани стали подходить баржи на буксирахъ съ мастеровыми и матерьялами изъ порта. Пріѣзжалъ полковникъ Заборовскій.

Въ бѣлый флигель ко мнѣ стали пріѣзжать просители наниматься на разныя должности въ корпусъ.

Свѣтлая радость быть снова командиромъ роты, преподавать любимое дѣло, видѣть родныхъ кадетъ на строевой площадкѣ между флигелями разбудила во мнѣ вновь былую энергію созиданія и бодрость жизни, и я носился по участку, наблюдая за новой жизнью и работой, принимая на пристани людей и матеріалы.

Такъ бѣжали дни за днями.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ ко мнѣ Н. Н. Машукова, по его просьбѣ, далъ я ему прекрасную фотографію «Морского Корпуса въ Севастополѣ».

Это былъ высокій, длинный, съ бѣлыми колоннами и астрономическимъ куполомъ дворецъ на высокой горѣ, сходящій сотнями ступеней къ берегу моря.

Эту прекрасную фотографію еще недостроеннаго корпуса Н. Н. Машуковъ развернулъ на столѣ въ каютѣ «Цесаревича Георгія» передъ генераломъ Деникинымъ и воскликнулъ: «Ваше Превосходительство, вотъ какое дивное зданіе пропадаетъ! Помогите его достроить — это Морской Корпусъ!»

Главнокомандующій залюбовался этимъ зданіемъ и спросилъ Машукова:

— Много вамъ надо денегъ на его достройку и пріемъ воспитанниковъ?

— 17.000.000 (семнадцать милліоновъ), Ваше Превосходительство! — отвѣтилъ Машуковъ.

— Я вамъ вѣрю. Давайте бумагу. Я вамъ дамъ, — сказалъ генералъ Деникинъ и подписалъ поданную ст. лейт. Машуковымъ «смѣту на достройку Корпуса».

Н. Н. былъ въ полномъ восторгѣ. Темно-каріе глаза его ликовали; за спиной развертывались сильныя орлиныя крылья, руки были развязаны, свободна была творческая воля. Громадныя, сильныя деньги были въ рукахъ, а въ нихъ жизнь любимаго дѣтища. Хотѣлось выбѣжать на палубу и, обратясь лицомъ къ Севастополю, прокричать громкимъ ликующимъ голосомъ: «Ура! Да здравствуетъ Морской Корпусъ!!! Ура!...»

И многоголосымъ эхомъ отвѣтили бы ему старые, сѣдые холмы Севастополя, Малаховъ Курганъ, бѣлыя скалы Инкермана и Братское кладбище: «Ура! Машукову! Да здравствуетъ Машуковъ!» И бронзовый памятникъ адмирала Нахимова одобрительно кивнулъ бы навстрѣчу своимъ строгимъ взоромъ. Славный адмиралъ, столь горячо любившій Флотъ и колыбель его — Морской Корпусъ.

---

14 октября 1919 года къ часу доклада и пріема у Главнокомандующаго въ Таганрогѣ въ пріемной комнатѣ собрались офицеры штаба. Разговоръ коснулся открываемаго Морского Корпуса, которымъ теперь интересовался весь флотъ.

Сегодня рѣшался выборъ директора Корпуса, который все еще не былъ назначенъ. Среди присутствующихъ звучали имена адмираловъ Ненюкова, Зеленецкаго, Остелецкаго и Евдокимова.

Въ залъ выходили двѣ двери. Одна вела въ кабинетъ вице-адмирала Герасимова, другая — къ генералу Деникину.

Первая дверь отворилась и на порогѣ появился адмиралъ Герасимовъ, держа въ рукѣ докладъ и приказы по Морскому вѣдомству. Офицеры штаба стали просить адмирала о назначеніи директоромъ Ненюкова или Зеленецкаго. За золотымъ пенснэ янтарной искоркой блеснули на нихъ темно-бархатные глаза и властныя губы еле замѣтно улыбнулись. Адмиралъ прошелъ во вторую дверь.

Въ пріемной водворилась тишина ожиданія.

Черезъ четверть часа дверь изъ кабинета генерала Деникина отворилась и въ пріемную вышелъ Адмиралъ Герасимовъ.

Хлопнувъ широкой загорѣлой рукой по докладу, онъ сказалъ: «Готово. Директоръ назначенъ». Офицеры встали и съ любопытствомъ обступили его. — «Кто же, кто?» — послышалось со всѣхъ сторонъ: «Зеленецкій или Ненюковъ?»

— Контръ-адмиралъ Ворожейкинъ, — отвѣтилъ Начальникъ Главнаго Морского Управленія и янтарекъ опять заигралъ въ бархатѣ глазъ.

— Какъ?.. Почему? — спросили офицеры.

— Онъ дѣтей любитъ, пусть ихъ и воспитываетъ, —

отвѣтилъ адмиралъ Герасимовъ и, улыбнувшись доброй улыбкой, прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, оставивъ въ пріемной удивленныхъ офицеровъ, безмолвно смотрѣвшихъ другъ на друга.

Въ тотъ же день былъ изданъ приказъ о назначеніи директора Морского Корпуса и копія этого приказа срочною почтою полетѣла въ Севастополь контръ-адмиралу С. Н. Ворожейкину; и, когда она попала ему въ руки, бывшій директоръ Морского Корпуса снова пріѣхалъ на родной ему участокъ и начатую имъ великую постройку и, встрѣченный мною на знакомой ему пристани, вошелъ вновь въ свою прежнюю директорскую квартиру, прошелъ всѣ, пустыя еще комнаты, вышелъ со мною на балконъ съ бѣлыми колоннами.

Въ ту же минуту на сосѣдней горѣ Братскаго кладбища ударилъ колоколъ пирамидальнаго храма.

— Ваше Превосходительство, ваше возвращеніе въ Корпусъ свершается подъ звонъ колоколовъ, — сказалъ я адмиралу.

Голосомъ полнаго удовлетворенія и совершенной справедливости адмиралъ отвѣтилъ: — «Да, Владимиръ Владимировичъ, вотъ какова судьба: я снова директоръ. Дай Богъ, чтобы здѣсь жилось и работалось хорошо». — Онъ посмотрѣлъ добрыми, голубыми глазами на высокій крестъ Братскаго храма и розовыя полныя щеки его горѣли въ золотѣ заходящаго солнца.

Оно привѣтствовало директора своей прощальной улыбкой и окунулось въ Черное море.

Долетѣлъ приказъ о назначеніи директора Морского Корпуса и до Машукова и задумался онъ надъ нимъ глубоко. Вспомнилась далекая Одесса. Радостная, ликующая и нарядная въ дни освобожденія отъ большевиковъ.

Благодарная своему освободителю, она устраиваетъ генералу Деникину торжественную встрѣчу; праздникъ въ честь его и вечеромъ парадный спектакль въ большомъ театрѣ. Блестящій залъ переполненъ нарядной публикой, хрустальныя люстры льютъ снопы радужнаго свѣта на партеръ и переполненныя ложи.

Въ Царской ложѣ самъ Главнокомандующій, а рядомъ въ сосѣднихъ — его свита. Капельмейстеръ взмахнулъ палочкой, люстры погасли, зажглась рампа и медленно поднялся бархатный занавѣсъ съ золотыми шнурами.

Волны могучей русской музыки полились по залу, поднимаясь по ярусамъ къ высокому потолку. Шла опера: «Князь Игорь».

Во время перваго антракта, въ аванъ-ложѣ свитской ложи сидѣли на бархатномъ диванѣ два вице-адмирала Герасимовъ и Ненюковъ, тутъ же находился и Н. Н. Машуковъ. Разговоръ шелъ о назначеніи директора Морского Корпуса.

— Сходите въ партеръ, Николай Николаевичъ, и поищите контръ-адмирала Зеленецкаго и уговорите его принять постъ директора, — сказали адмиралы ст. лейт. Машукову.

Онъ съ радостью бросился въ залъ, гдѣ среди блестящей публики отыскалъ адмирала Зеленецкаго и, послѣ недолгаго уговора, добился его согласія.

Вернувшись въ свитскую ложу, доложилъ о результатѣ пославшимъ его адмираламъ.

Поздно ночью, по окончаніи оперы, проѣзжая на судно по иллюминованному городу, все радовался, что «его кандидатъ» прошелъ въ директора, открываемаго имъ корпуса... и вдругъ теперь... такая неожиданная перемѣна!..

Тѣмъ-же приказомъ Главнокомандующаго отъ 14 октября 1919 года ст. лейт. Машуковъ былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга за громадные труды, положенные имъ на открытіе Морского Корпуса, а благодарный Флотъ сдѣлалъ его командиромъ крейсера «Алмазъ».

Въ новыхъ погонахъ явился на участокъ Морского Корпуса молодой капитанъ 2-го ранга. Вошелъ въ свою канцелярію завѣдывающаго дѣлами Мор. Корпуса, гдѣ писались уже списки новыхъ гардемаринъ и кадетъ.

Втроемъ, директоръ Корпуса, Н. Н. Машуковъ и я — командиръ роты, обошли мы всѣ работы, зданія и дачу «Голландію». Работы шли полнымъ ходомъ и должны были бы порадовать сердце ихъ основателя; но капитанъ 2-го ранга Машуковъ былъ настроенъ печально въ этотъ пріѣздъ свой. Не прошли въ Корпусъ его кандидаты въ директоры, и это такъ

(Клише «Часового»).

Гардемарины 2-ой роты.
Инспекторъ Классовъ Капитанъ 1-го ранга **Н. Н. Александровъ,** Помощникъ Директора Капитанъ 1-го ранга **М. А. Китицынъ,** Командиръ роты Капитанъ 1-го ранга **И. В. Кольнеръ** и Мичманъ **Д. Д. Парфеновъ.**

Гардемарины 3-ей роты.
Во главѣ: Командиръ — Лейтенантъ **Мейреръ**.

огорчило самолюбивое и гордое сердце молодого организатора, что онъ отказался отъ инспекторства и, простившись съ нами, возвратился вновь на свой крейсеръ «Алмазъ».

Прощаясь съ нимъ на корпусной пристани, я просилъ Н. Н. Машукова рекомендовать хорошихъ офицеровъ — воспитателями кадетъ ввѣренной мнѣ роты.

Николай Николаевичъ выполнилъ это блестяще изъ любви къ Корпусу и доброй памяти о своемъ воспитателѣ.

Въ корпусъ были назначены прекрасные офицеры.

Вскорѣ въ одной изъ залъ дворца Командующаго, гдѣ я имѣлъ свиданіе съ Машуковымъ, встрѣтилъ я капитана 2-го ранга И. В. Кольнера — командира гардемаринской роты, только-что прибывшаго изъ Новороссійска.

Николай Николаевичъ познакомилъ меня съ нимъ. Это былъ крѣпкій, бравый офицеръ, бывшій преподаватель офицерскаго артиллерійскаго класса, написавшій извѣстные труды по артиллеріи.

Пріѣхавъ на участокъ Морского Корпуса, мы принялись съ нимъ, по-братски, дѣлить обмундированіе, бѣлье, обувь, книги, парты и всякое имущество ротъ, распредѣляя ихъ поровну на гардемаринскую и кадетскую роты.

Каптенармусы складывали вещи въ цейхгаузы, служителя разставляли парты и столы, устраивали спальни.

Къ пристани цѣлый день подходили баржи, груженыя имуществомъ Корпуса. Цѣлые дни мы устраивали свои роты, чтобы ко дню пріѣзда воспитанниковъ принять ихъ въ совершенно готовыя и оборудованныя помѣщенія.

Классы и спальни своей роты я украсилъ коллекціями фотографій изъ жизни флота и кадетъ въ Петроградскомъ Корпусѣ. Вокругъ этихъ картинъ и фотографій были скрещенныя весла, спасательные круги, якоря, канаты, тросы, анкерки, словомъ, все, что могло имъ дать понятіе о службѣ и жизни моряковъ и вселить интересъ къ кораблю и морю.

Выйдя однажды на балконъ своей квартиры, я увидѣлъ, что съ пристани по дорожкѣ къ флигелямъ поднимается пожилой человѣкъ, — сутулый, въ сѣромъ штатскомъ костюмѣ, съ трудомъ идущій въ гору.

Онъ остановился, чтобы передохнуть и, поднявъ голову,

посмотрѣлъ на мой балконъ. Я увидѣлъ бѣлое лицо съ сѣдоватой клинушкомъ бородкой и усами. Я сбѣжалъ къ подъѣзду и, подойдя къ господину въ штатскомъ, вдругъ узналъ генералъ-маіора Завалишина.

Александръ Евгеньевичъ поздоровался со мной дружелюбно, какъ съ долголѣтнимъ сослуживцемъ по Петербургскому Морскому Корпусу и сообщилъ мнѣ, что ѣздилъ въ Таганрогъ и имѣетъ изъ Ставки назначеніе Завѣдующимъ Хозяйственной Частью Корпуса.

Со слѣдующаго дня, я, по распоряженію Н. Н. Машукова, сталъ сдавать генералу Завалишину зданія, склады имущества и служителей, и изъ хранителя и завѣдующаго Корпусомъ вновь превращался въ ротнаго командира.

А. Е. Завалишинъ, бывшій много лѣтъ опытнымъ начальникомъ громаднаго хозяйства богатѣйшаго корпуса въ Петроградѣ, сразу осмотрѣлся на новомъ мѣстѣ. Появился бѣлый китель, золотые погоны, крестъ Св. Владимира и золотой орелъ морской академіи; бодрый видъ, быстрыя и рѣшительныя распоряженія.

Создалась хозяйственная канцелярія, появился смотритель-казначей, молотки и пилы зазвучали бодрѣе; въ «Голландіи» появилась хозяйка — уважаемая старушка госпожа фонъ-Брискорнъ.

Появились утки, куры, коровы, овцы и поросята.

Жизнь забила ключемъ и струилась изъ всѣхъ дверей и оконъ бѣлыхъ зданій, поджидая тѣхъ юношей и мальчиковъ, для которыхъ и строились эти зданія, стучали молотки и пилы и была вся эта суета и работа.

Пріѣхалъ съ семьею и поселился во флигелѣ инспекторъ классовъ — академикъ, капитанъ 2-го ранга Н. Н. Александровъ, младшій врачъ Тихоміровъ, старшій врачъ Н. М. Марковъ вновь устроилъ образцовый лазаретъ и аптеку.

Прибылъ законоучитель и настоятель церкви корпуса — протоіерей отецъ Александровъ. И начали съѣзжаться молодые офицеры — воспитатели со своими семьями и заселять всѣ флигеля.

Преподавателями были приглашены учителя мѣстныхъ гимназій и реальнаго училища. Спеціально морскіе предметы

преподавали Александровъ, Кольнеръ и я. Первый — высшую математику, второй — артиллерiю и я — морское дѣло въ обѣихъ ротахъ.

Наконецъ, труды двухъ ротныхъ командировъ были закончены и ротныя помѣщенiя приведены въ полный порядокъ.

За день до открытiя корпуса изъ разныхъ городовъ Юга Россiи съѣхались, наконецъ, эти желанные молодые гости на участокъ Морского Корпуса; съѣхались, чтобы въ немъ получить свое образованiе и черезъ него прiобщиться къ великой и славной семьѣ русскихъ военныхъ моряковъ и сродниться съ Корпусомъ, какъ съ родной матерью, воспитавшею ихъ.

Прiѣхавшихъ быстро переодѣли въ форменное платье (къ сожалѣнiю оно не было, ни по цвѣту сукна, ни по выкройкѣ, русскимъ). Оно было зеленое, военно-англiйское и синее — морское французское; но, все же, это была «форма» и форма — военная, съ великимъ трудомъ добытая Н. Н. Машуковымъ въ тѣ тяжелыя для Россiи времена.

Наступило утро торжественнаго дня 17 октября 1919 года.

Къ 11 часамъ утра изъ Севастополя и его окрестностей къ пристани Морского Корпуса стали съѣзжаться родители и близкiе вновь принятыхъ кадетъ и гардемаринъ.

Они прибывали на паровыхъ катерахъ Корпуса и на частныхъ яликахъ подъ веслами и парусами.

На военныхъ моторныхъ катерахъ подходили приглашенные офицеры Черноморскаго Флота и новый Командующiй Флотомъ — вице-адмиралъ Ненюковъ, и Главный Командиръ Портовъ Чернаго и Азовскаго морей — контръ-адмиралъ Саблинъ.

Всѣ прибывшiе гости двинулись по бѣлому шоссе на гору къ главному зданiю Морского Корпуса и, поднявшись, входили во временную церковь, разукрашенную живыми цвѣтами и свѣжими зелеными гирляндами лавра и туи.

Между листвой и цвѣтами мерцали лампады и золотые огоньки восковыхъ свѣчей. Передъ Царскими вратами въ праздничныхъ ризахъ стоялъ епископъ Веньяминъ, митрофорный протоiерей отецъ Георгiй Спасскiй, настоятель церк-

ви корпуса от. Александровъ и другіе священники севастопольскихъ церквей.

Командующій флотомъ занялъ свое мѣсто, рядомъ съ нимъ всталъ директоръ Морского Корпуса контръ-адмиралъ С. Н. Ворожейкинъ, за ними адмиралы и офицеры Флота и Корпуса.

Справа и слѣва передъ иконостасомъ стояли во фронтѣ гардемарины и кадеты. За ними родные и близкіе.

Началась торжественная литургія. Красиво и торжественно пѣлъ хоръ севастопольскаго собора.

Передъ самымъ концомъ обѣдни мы — командиры ротъ вывели гардеминъ и кадетъ изъ церкви и спустили ихъ по шоссе на строевую площадку между флигелями. Тамъ построили ихъ передъ аналоемъ. На горѣ окончилась обѣдня.

По бѣлому шоссе съ крестомъ, хоругвями, духовенствомъ, пѣвчими и гостями спускался крестный ходъ.

Онъ шелъ къ ожидавшимъ его внизу кадетамъ и гардемаринамъ.

Священники и пѣвчіе подошли къ аналою. Офицеры, дамы, гости, дѣти замкнули каре на строевой площадкѣ. Въ часъ дня начался молебенъ.

На широкій просторъ голубого неба и синяго моря понеслась горячая молитва въ сладкихъ звукахъ пѣснопѣнья и ароматъ ладана изъ серебряной кадильницы душистыми волнами стлался по строевой площадкѣ.

Молились священники, вновь принятые питомцы, молились ихъ воспитатели; но горячѣе всѣхъ была молитва родителей, привезшихъ этихъ юношей и мальчиковъ.

Оторвавъ ихъ отъ своего сердца и отчаго дома, они отдавали ихъ подъ кровлю корпуса на руки офицеровъ-воспитателей. Сверху обнималъ ихъ голубой куполъ неба, снизу, подъ горой плескалось синее море. Молитвы смѣнялись молитвами. Засверкало́ золотомъ святое Евангеліе. И вновь пѣснопѣнія и «многая лѣта» защитникамъ Родины, оберегавшимъ землю, на которой стоялъ этотъ Корпусъ и творцу этого корпуса и его молодымъ питомцамъ.

Къ кресту потянулось начальство, офицеры, гардемарины, кадеты, за ними приложились родные и близкіе.

Духовенство обошло флигеля, гдѣ находились ротные классы и спальни и окропило ихъ св. водою.

На площадкѣ грянула музыка севастопольскаго полуэкипажа.

Ротные командиры повели свои роты въ главное зданіе корпуса, гдѣ въ единственной пока достроенной залѣ были накрыты столы къ торжественому обѣду. Большой гастрономъ и тонкій знатокъ кулинарнаго искусства, прекрасный хозяинъ — устроитель пиршествъ — генералъ-маіоръ Завалишинъ сумѣлъ въ столь краткій срокъ соорудить столы, накрыть ихъ скатертями, украсить вазами съ цвѣтами, уставить явствами и винами во славу Корпуса и Флота.

Флотъ, Корпусъ и гости -родители размѣстились за длинными столами въ бѣлой и свѣтлой залѣ.

Старшій священникъ благословилъ трапезу; зашумѣли скамьи, ложки, вилки, ножи и веселый, шумный говоръ наполнилъ залъ.

Въ сосѣдней галлереѣ игралъ оркестръ вальсы и марши.

Послѣ второго блюда наполнились виномъ стаканы и начались тосты и здравицы за великую, единую, недѣлимую Россію, за генерала Деникина — Главнокомандующаго Бѣлой Арміи, за доблестныхъ защитниковъ Крыма, за командующаго флотомъ, за создателя 3-го Морского Корпуса капитана 2-го ранга Н. Н. Машукова.

Громкое ура оглашало большое бѣлое зало и неслось по галлереямъ, обвивая высокія колонны. Бодрящій «тушъ» игралъ оркестръ послѣ каждаго чествованія.

Наконецъ, всталъ самъ виновникъ торжества капитанъ 2-го ранга Машуковъ и, поднявъ высоко бокалъ вина, голосомъ браваго командира произнесъ свое привѣтственное слово во славу вѣкового корпуса и его юныхъ питомцевъ.

Онъ закончилъ свою рѣчь словами:

— Знаете-ли вы, гардемарины и кадеты, знаете ли вы, уважаемые родители этихъ юношей, кому вы обязаны открытіемъ Морского Корпуса, въ которомъ ваши дѣти получатъ высшее спеціальное образованіе и станутъ доблестными офицерами славнаго Русскаго Флота? Вы обязаны этимъ счастьемъ контръ-адмиралу Саблину, который въ бытность свою

Командующимъ Флотомъ, не задумываясь, далъ мнѣ всѣ имѣющіяся у него средства и мѣсто его личнаго отдыха — дачу «Голландію» для открытія горячо имъ любимаго Корпуса.

Пью за здоровье контръ-адмирала Саблина!

— Ура!!! — громовое ура пронеслось по заламъ и радостный «тушъ» музыкантовъ «вѣнкомъ славы» обвился вокругъ этихъ криковъ. Сотни рукъ со стаканами вина потянулись къ адмиралу. Но онъ, скромный и тронутый, перебросилъ этотъ «вѣнецъ славы и чести» открытія Морского Корпуса на голову Н. Н. Машукова.

И подъ грохотъ трубъ и барабановъ, при крикахъ могучаго «ура», капитана 2-го ранга Машукова качали офицеры флота, подбрасывая высоко къ бѣлому потолку.

Мечта осуществилась:

Умиравшее зданіе получило новую плодотворную жизнь.

Загорѣлое лицо Машукова горѣло румянцемъ счастья и темные глаза изливали радость достигнутой цѣли.

Такъ былъ открытъ Морской Корпусъ.

Обѣдъ оконченъ. Гости встали. Благодарили Завѣдующаго Хозяйственной Частью за великолѣпный обѣдъ, угощенія и, распростившись съ хозяевами, стали спускаться съ горы по шоссе къ берегу моря. Молоденькія, кудрявыя акаціи стояли шпалерами по обѣимъ сторонамъ шоссе, какъ стройные часовые. Катера, вельботы, моторы развозили гостей по домамъ.

Я задержалъ свою роту въ галлереѣ главнаго зданія и въ присутствіи ихъ родителей сказалъ имъ вступительное слово командира о жизни, обычаяхъ, ученіи, поведеніи и товариществѣ кадетъ Морского Корпуса.

По окончаніи моей рѣчи, родители двинулись ко мнѣ. Впередъ выступили отецъ и мать одного кадета.

Благообразный старикъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

«Отъ имени собравшихся здѣсь родителей позволяю себѣ сказать, глубокоуважаемый командиръ, что никто изъ насъ не зналъ васъ до этой минуты, теперь же, выслушавъ ва-

ше обращеніе къ ввѣреннымъ вамъ питомцамъ, я скажу, что мы знаемъ кому отдаемъ своихъ дѣтей, въ чьи руки вручаемъ ихъ воспитаніе. Теперь мы со спокойнымъ сердцемъ можемъ уѣхать по домамъ. Желаемъ вамъ, командиръ, полнаго успѣха въ вашемъ высокомъ дѣлѣ воспитанія юношества въ такое тяжелое время..

Я поблагодарилъ родителей за довѣріе и сказалъ имъ, что уже нѣсколько вѣковъ для всѣхъ моряковъ Морской Корпусъ былъ всегда доброй, любящей и заботливой матерью и, гдѣ бы потомъ ни находились эти моряки, они всюду и всю жизнь вспоминали свою Alma-Mater съ глубокой и сердечной благодарностью.

Н. Н. Машуковъ, поставивъ Морской Корпусъ на твердыя ноги, уѣхалъ снова на Бѣлый фронтъ въ Азовское море.

Тамъ, подъ Николаевскимъ брейдвымпеломъ, свершалъ онъ свои блестящіе подвиги, помогая флотомъ генералу Слащеву въ его защитѣ Крыма. И только изрѣдка пріѣзжалъ онъ въ Морской Корпусъ, ибо тянуло его къ своему дѣтищу.

22 февраля 1920 года онъ былъ уже въ чинѣ капитана 1-го ранга; въ приказѣ Главнокомандующаго его отмѣтили за боевыя отличія, какъ блестящаго офицера и командира.

А 10-го августа того же года его произвелъ въ контръ-адмиралы новый Главнокомандующій генералъ Врангель за отличную храбрость и неизмѣнную доблесть второго отряда судовъ, котораго онъ былъ душою и начальникомъ.

За блестящія операціи и высадку многотысячной арміи въ тылъ непріятелю, осаждавшему Крымъ, Н. Н. Машуковъ былъ награжденъ орденомъ Св. Николая Чудотворца.

Къ октябрю того же года молодой контръ-адмиралъ Машуковъ былъ уже начальникомъ штаба Командующаго Черноморскимъ Флотомъ и такъ блестяще способствовалъ спасенію родного корпуса отъ краснаго лютаго ига.

Пріѣзжая ко мнѣ въ бѣлый флигель, ст. лейт. Машуковъ удивлялъ и радовалъ меня быстрой смѣной своихъ погонъ.

Съ наполеоновской быстротой продвигался онъ по службѣ.

Появились два просвѣта и три звѣздочки, вскорѣ отпали звѣздочки... и вотъ уже черный двуглавый орелъ украсилъ золотые погоны молодого, тридцатилѣтняго контръ-адмирала.

И все это за одинъ годъ жизни открытаго имъ Морского Корпуса.

ЖИЗНЬ МОРСКОГО КОРПУСА ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

«ШАХМАТНАЯ ДОСКА» МОРСКОГО КОРПУСА

«Перстами нѣжными, какъ сонъ...», ибо, какъ сонъ, проходятъ всѣ событія жизни, складываясь въ памяти, какъ пестрый калейдоскопъ, въ которомъ цвѣтныя стеклышки, слагаясь въ комбинаціи, создаютъ причудливые рисунки; соединяются люди въ общества въ различныхъ соотношеніяхъ другъ къ другу и создаютъ калейдоскопъ человѣческой жизни, гдѣ люди переставляются, какъ цвѣтныя стеклышки, мѣняя взаимоотношенія и свое положеніе и все пройденное кажется сномъ. — «Какъ сонъ прожила я жизнь свою», — говоритъ старуха мать своему сыну; а его сонъ только начинается. Какъ сонъ прошелъ годъ жизни Морского Корпуса на берегу Чернаго Моря и сложился пестрымъ калейдоскопомъ въ моей памяти.

«Перстами нѣжными, какъ сонъ...»

Незримыми, но властными перстами подняла Судьба съ земной шахматной доски нѣкоторыя фигуры и переставила ихъ на квадраты участка Морского Корпуса въ городѣ Севастополѣ.

Тамъ они приняли живое участіе въ игрѣ жизни, не вѣдая ни дня, ни часа, въ которые незримыя уста произнесутъ имъ роковые: «шахъ и матъ» и властные пальцы выбросятъ съ доски уже ненужныя фигуры.

Такъ переставили персты Судьбы изъ Одессы — Ворожейкиныхъ, изъ Симферополя — Завалишиныхъ, изъ Новороссійска — Кольнеровъ, изъ Харькова — Котовскихъ, оставили на мѣстѣ Берговъ, не тронули ни Воробьевыхъ, ни Марковыхъ.

Всѣ эти фигуры соединились въ одну большую семью: король съ королевой, башни, кони, офицеры и пѣшки на квадратахъ морского участка, и размѣстились въ шести бѣлыхъ флигеляхъ корпуса, гдѣ начали свою учебно - воспитательскую дѣятельность.

Оберъ-офицеры распредѣлялись по ротамъ. За годъ существованія Морского Корпуса 1919-20 годъ служили и воспитывали кадетъ моей роты: лейтенантъ Галанинъ, ст. лейт. Иваненко, ст. лейт. ф.-Брискорнъ, ст. лейт. Помазкинъ, лейт. Куфтинъ, мичманъ Богдановъ, поручикъ Тарасовъ.

Служили и воспитывали гардемаринъ роты капитана 1-го ранга Кольнера: ст. лейт. баронъ Элленбогенъ, лейт. Глотовъ, ст. лейт. Запольскій, кап. 2 ранга Подашевскій и лейт. Галанинъ, командовавшій ея яхтой «Забава».

Всѣ эти офицеры въ этотъ трудный для всей Россіи черный годъ отдали свои силы, знанія, опытъ, чтобы вложить въ душу, въ сердце, и въ голову этихъ 260 юношей и мальчиковъ любовь къ морю, увлеченіе морскимъ спортомъ, искреннюю привязанность къ родному флоту, сознаніе дисциплины, строевую выправку и морское образованіе и сдѣлать изъ нихъ хорошихъ кадетъ и гардемаринъ Морского Корпуса, ни въ чемъ не уступающихъ старшему брату своему С. Петербургскому, 200-лѣтнему Морскому Корпусу — Альма Матеръ всѣхъ офицеровъ Россійскаго Императорскаго Флота.

И, если бы враги внутренніе не разрушили великаго царства, достойными и доблестными «офицерами-потомками» великихъ адмираловъ вошли бы они на суда могучаго Русскаго Флота.

Но съ шахматной доски Русской жизни сошли короли и королевы, сошли башни, кони, сошли офицеры; красныя пѣшки завладѣли доской и мудрые шахматы обратились въ шашки, Россійское Царство стало Совдепіей.

Здѣсь, въ бѣлыхъ флигеляхъ Морского Корпуса, въ Севастополѣ, охраняемомъ бѣлымъ отрядомъ судовъ, подъ командой кап. 1 ранга Машукова, въ родномъ Крыму, который отстаивали герои Бѣлыхъ армій, Корпусъ, его офицеры, его дамы и дѣти, воспитанники и служителя могли еще жить,

хоть и трудной, но все же нормальной человѣческой, интеллигентной жизнью.

Рано утромъ по трубѣ горниста, изъ нагрѣтыхъ за ночь кроватей выскакивали гардемарины и кадеты, умывались, надѣвали зеленое защитное англійское обмундированіе и становились во фронтъ передъ зданіемъ своей роты, въ присутствіи своихъ командировъ и дежурнаго офицера, пѣли утреннюю молитву и шли фронтомъ мимо флигеля Директора, адмирала С. Н. Ворожейкина, по дорожкѣ въ садъ «Голландію», гдѣ на дачѣ Командующаго Флотомъ была ихъ столовая.

Госпожа фонъ-Брискорнъ — бодрая, энергичная, румяная старушка — хозяйка оглядывала столы матерински-заботливымъ взглядомъ.

По сигналу, кадеты и гердемарины садились за свои столы и пили горячій утренній чай съ бѣлымъ хлѣбомъ.

Затѣмъ выходили изъ столовой на гимнастику. Послѣ нея, проснувшись окончательно и разогрѣвшись на утреннемъ воздухѣ, свѣжіе и бодрые, садились за парты въ классахъ. Къ 9 ч. утра на утреннемъ катерѣ пріѣзжали преподаватели и читали имъ науки до полдня.

Въ 12 ч. опять игралъ горнистъ и снова фронтъ гардемаринъ и кадетъ уходилъ въ «Голландію» на завтракъ. Послѣ краткаго отдыха шли снова въ классы, гдѣ продолжались уроки (по 5 въ день). Послѣ уроковъ, на строевой площадкѣ, офицеры обучали строю, отданію чести, церемоніальному маршу, иногда подъ музыку флотскаго полуэкипажа.

Въ 6 ч. вечера снова фронтомъ шли въ садъ обѣдать. Послѣ обѣда катались на шлюпкахъ, играли въ городки, въ футболъ, читали газеты и журналы, писали письма роднымъ.

Наташи, Ниночки, Шуриньки, Мостики и Володьки — дѣти офицеровъ рѣзвились тутъ же, играя въ мячъ и наблюдая за играми кадетъ.

Вечеромъ во фронтѣ пѣли молитву и расходились по спальнямъ на ночной отдыхъ.

Жизнь боевого флота, морской авіаціи, минной стан-

ціи была у нихъ всегда на глазахъ и пріобщала ихъ къ морскому и военному дѣлу и долго, по вечерамъ, велись у нихъ нескончаемые разговоры на эти полезныя и дорогія сердцу моряка темы. А вѣдь они считали себя уже настоящими моряками и любили Флотъ.

Инспекторъ классовъ капитанъ 1-го ранга Н. Н. Александровъ, небольшого роста, аккуратно сложеный, бѣлолицый блондинъ съ голубыми глазами и длиннымъ прямымъ носомъ надъ тонкими и плотно сжатыми губами, обладалъ исключительной энергіей и геніальной изобрѣтательностью и организаторскою способностью.

Ученый математикъ, онъ рѣшалъ и задачи жизни быстро, точно и рѣшительно приводилъ въ дѣйствіе задуманную творческую мысль. За нѣсколько мѣсяцевъ онъ привелъ классную часть въ идеальный порядокъ, денно и нощно добывая изъ порта, съ судовъ, экипажескихъ магазиновъ, по требованію, по службѣ, по просьбѣ, по дружбѣ необходимые предметы и инструменты; онъ создалъ физическій, химическій, электротехническій, артиллерійскій и минный кабинеты и даже ухитрился добыть учебныя мины Уайтхеда и загражденій.

Барометры, хронометры, психрометры, часы, календари, таблицы, формулы, кривыя заполнили бѣлыя стѣны его служебнаго кабинета и не было, кажется, такого предмета, который Н. Н. Александровъ не зналъ бы гдѣ и какъ раздобыть. Электрическія лампы, провода, звонки, телефоны, амперметры наполняли его столъ, покрывая бумаги дифференціальныхъ и интегральныхъ исчисленій.

Вся эта ученость не мѣшала вазѣ съ живыми цвѣтами украшать его дѣловой столъ и бумажной розѣ — абажуръ его лампы.

Красота, поэзія и наука сжились въ душѣ ученаго артиллериста, какъ лучшія подруги въ институтѣ. Тонкій силуетъ его мелькалъ по всему участку Корпуса и во всѣ дѣла, службы и детали онъ любилъ проникать любопытнымъ взоромъ своихъ голубыхъ и властныхъ глазъ. Таковъ былъ инспекторъ.

ГИБЕЛЬ ЛЕЙТЕНАНТА ГЛОТОВА

Былъ теплый лѣтній вечеръ.

Отдыхая отъ дневныхъ строевыхъ и классныхъ занятій, сидѣлъ я на открытомъ балконѣ и пилъ вечерній чай въ кругу семьи своей и старшаго врача Н. М. Маркова.

Мирно бесѣдовали мы, вспоминая былыя плаванія на военныхъ судахъ, наслаждались ароматной теплотою вечера и любовались видомъ заходящаго солнца надъ темнѣющей водой.

Погасъ послѣдній алый огонекъ въ синей пучинѣ моря. Торжественно спустились Андреевскіе флаги на судахъ Черноморскаго Флота и флаги на судахъ иностранныхъ. Въ Инкерманскомъ проливѣ зажглись огни на кадетскихъ миноносцахъ и на шхунѣ «Яковъ», стоявшей на якорѣ недалеко отъ пристани. На бочкахъ покачивались гардемаринскіе катера.

Послѣ шумнаго дня пріятная тишина водворилась на участкѣ Корпуса.

На пустынной пристани стояла молодая женщина. Красный шелковый платокъ плотно обнималъ ея черные волосы.

Черные, какъ мокрыя вишни, красивые влажные глаза ея ласково и весело сверкали на ея смугломъ овальномъ лицѣ.

Она съ наслажденіемъ вдыхала ароматъ мимозы, этотъ нѣжный и пряный запахъ, который по вечерамъ приносилъ намъ сѣверный вѣтеръ изъ сосѣдняго парка «Голландіи».

Вслушивалась въ трели соловья, пѣвшаго на дубѣ адмирала Чухнина и вглядывалась въ темную даль своими прекрасными глазами, не увидитъ ли милый силуетъ яхты «Забава», которой командовалъ ея мужъ.

Хорошенькій мальчикъ съ кудрявой головкой поминутно тянулъ ее за руку и тягучимъ голоскомъ кричалъ: «Мама, мама, когда же «Забава» прійдетъ? Мама... мама, когда же папа прійдетъ? Мама!»

— Должно быть, скоро, мой мальчикъ, — отвѣчала молодая мать, склоняясь надъ сыномъ и гладила его по курчавой головкѣ.

— «Забава» скоро прійдетъ и папа домой вернется. Будемъ вмѣстѣ ужинать и чай пить.

Бодрымъ, веселымъ голосомъ успокаивала Галина Васильевна безпокойнаго сына; а сама въ душѣ еще больше безпокоилась и съ усиліемъ всматривалась въ темно-синій горизонтъ, надъ которымъ спускалась бархатная завѣса ночи.

Еще такъ недавно на этой самой яхтѣ погибъ ея прежній командиръ — лейтенантъ Глотовъ, сбитый гикомъ въ волны моря.

Еще такъ свѣжа была печаль его молодой вдовы, жившей въ тѣхъ же бѣлыхъ офицерскихъ флигеляхъ. Въ тихой молитвѣ за мужа поднялись глаза стоявшей на пристани и съ теплымъ довѣріемъ остановились на бархатѣ неба, въ которомъ уже сверкали чудные глаза - звѣзды.

Онѣ успокоили молодую женщину и она перевела глаза свои на море.

Въ этотъ моментъ могучій, яркій лучъ голубымъ мечемъ разсѣкъ черную воду и темно-синее небо и въ этомъ сверкающемъ лучѣ появилась яхта съ высокими мачтами и большими парусами, казавшаяся въ лучахъ прожектора вылитой изъ серебра.

Это была «Забава» подъ командою лейтенанта Ивана Валеріевича Галанина, въ лучахъ англійскаго миноносца «Карадокъ», входившая на рейдъ города Севастополя.

— Вотъ она! — вскричала обрадованная мать и запрыгалъ возлѣ нея по пристани радостно сынъ. Точно видѣніе изъ нѣжной сказки, приближалась яхта къ нашей пристани, гонимая сѣвернымъ вѣтромъ въ надутые серебряные паруса. На штурвалѣ стоялъ Афоня (гардемаринъ Афанасьевъ) фартовый боцманъ и лихой рулевой.

Черезъ четверть часа, она развернулась носомъ къ спящему саду «Голландіи» и, спустивъ свои бѣлые паруса, встала на якорь.

Черная лакированная на черной водѣ.

На черномъ стальномъ ея штагѣ загорѣлся янтарный огонекъ.

Крошечный тузикъ на двухъ веслахъ доставилъ ея командира на мирную пристань.

Тамъ онъ обнялъ свою красавицу жену и расцѣловалъ своего сына.

Кадеты 5-ой роты.
Во главѣ: Командиръ — Старшій Лейтенантъ **Кругликъ-Ощевскій.**
Мичмана **Парфеновъ** и **Аксаковъ.**

Кадеты 6-ой роты.
Во главѣ: Командиръ — Капитанъ 1-го ранга **В. Бергъ.**

Надъ темными горами, изогнувшись серебрянным рогомъ, всплывала молодая луна и въ ея блѣдномъ, тускломъ сіяніи поднялись эти трое къ себѣ по бѣлому и длинному шоссе въ далекіе родные флигеля.

Слѣва, внизу, въ кустахъ сирени заливались соловьи и прянымъ ароматомъ дышали золотыя мимозы.

Пришедшая съ моря яхта «Забава» напомнила намъ трагическую гибель ея прежняго командира. На балконъ вынесли лампу и поставили на столъ. Мохнатыя ночныя бабочки носились хороводомъ вокругъ ея желтаго свѣта, изрѣдка обжигая свои нѣжныя крылышки.

Я разсказывалъ Николаю Македоновичу о гибели лейтенанта Глотова и о его черной яхтѣ.

Красивая, изящная, съ прелестными обводами яхта «Гіацинтъ», крытая чернымъ каретнымъ лакомъ съ лазоревой подводной частью, съ бѣлоснѣжной палубой, уютными помѣщеніями для командира и команды, съ большими бѣлыми парусами и бѣгучимъ такелажемъ дорогого манильскаго троса; она принадлежала до войны богатому нѣмцу въ городѣ Новороссійскѣ.

Во время войны, за выѣздомъ хозяина въ Германію, была реквизирована и причислена къ броненосцу «Ростиславъ», гдѣ ею вѣдалъ въ 1918 году ст. лейтенантъ Иваненко.

Годъ спустя по открытіи Морского Корпуса, Командующій Черноморскимъ Флотомъ передалъ эту яхту Корпусу для плаванія на ней гардемаринъ и кадетъ.

«Гіацинтъ» переименовали въ «Забаву».

Ст. лейтенантъ Иваненко прикомандировался къ Корпусу и вошелъ въ мою роту отдѣленнымъ начальникомъ.

Офицеръ гардемаринской роты лейтенантъ Глотовъ принялъ яхту въ свое командованіе. Раннимъ лѣтнимъ утромъ, собравъ очередную смѣну гардемаринъ и запасъ провизіи, поднялъ онъ паруса и, снявшись съ якоря, вышелъ изъ Севастополя въ открытое море.

Хорошій вѣтеръ гналъ быстро яхту по скользкимъ и крутымъ волнамъ, а она, сверкая бѣлизной парусовъ и отражая

зеркаломъ своихъ бортовъ яркую синеву моря, кокетливо и шаловливо неслась на синій просторъ.

Лейтенантъ Глотовъ управлялъ парусами и училъ гардемаринъ на штурвалѣ различнымъ маневрамъ и управленію.

Такъ проходилъ часъ за часомъ. Смѣнялись рулевые у штурвала, смѣнялась вахта у снастей и парусовъ.

Позавтракали. Отдохнули подвахтенные и снова смѣнили рулевыхъ.

Вѣтеръ крѣпчалъ. Паруса надувались, снасти натягивались. Стройныя лакированныя мачты тихо поскрипывали.

Яхта неслась, все ускоряя свой бѣгъ, изящнымъ форштевнемъ разрѣзая набѣгавшія волны. Командиръ и гардемарины наслаждались быстрымъ ходомъ своей «Забавы» и полной грудью вдыхали морской соленый и влажный воздухъ. Бѣлыя чайки гонялись за яхтой, по высокому голубому небу быстро неслись перистыя облака.

Въ этой водной стихіи, въ этомъ быстромъ полетѣ облаковъ, яхты и чаекъ было столько физическаго, столько духовнаго наслажденія, что лица всѣхъ этихъ юнoшей-моряковъ и молодого ихъ командира расплывались въ невольную улыбку полнаго удовольствія и радости жизни.

Хотѣлось пѣть, кричать, смѣяться вмѣстѣ съ вѣтромъ, съ облаками и моремъ, игравшимъ ихъ убѣжищемъ, какъ хрупкой скорлупой.

Загорѣлые, веселые, молодые, они вѣрили въ крѣпость судна и смѣло шли на немъ все дальше и дальше въ синюю даль.

Къ вечеру они достигли мыса на Крымскомъ берегу «Фіолентъ».

Солнце близилось къ закату. Горы казались фіолетовыми и вечерняя дымка тумана розовой вуалью опускалась надъ ними. По морю протянулись золотые пути. Изъ-за мыса налетѣлъ шквалъ, затрепалъ широкій парусъ, поигралъ снастями, залилъ волною бѣлую палубу, обдалъ брызгами юныхъ моряковъ.

Налетѣлъ, пронесся надъ яхтой и затихъ. На кормѣ, на мокрой палубѣ уже не было командира. Лѣтняя бѣлая фуражка его одиноко плыла на потемнѣвшихъ волнахъ. Буйный

шквалъ рванулъ широкій парусъ, парусъ потянулъ тяжелый гикъ, гикъ ударилъ въ голову лейтенанта Глотова и онъ, безъ памяти, покатился въ пучину синихъ водъ.

Пораженные, ошеломленные, испуганные гардемарины, стояли въ оцѣпененіи и съ ужасомъ смотрѣли въ темную воду, поглотившую въ одно мгновеніе ихъ учителя и командира.

Забыты паруса, штурвалъ и вахта.

Безпомощно треплетъ вѣтеръ паруса и снасти и гонитъ «Забаву» все дальше и дальше отъ рокового мѣста.

Кѣмъ-то брошенный спасательный кругъ смутно бѣлѣетъ на черныхъ волнахъ. Солнце давно зашло. Показалось осиротѣвшимъ морякамъ, что блѣдное лицо ихъ командира и рука его высоко поднялись надъ бѣлымъ гребнемъ волны. И затѣмъ все исчезло въ наступившей тьмѣ.

Полетѣли въ воду спасательные круги, кричали, спорили, бѣгали люди въ бѣломъ на черной яхтѣ, но никто не понималъ другъ друга.

Въ эту страшную минуту общаго смятенія, покрывая всѣ голоса, рокотъ моря и свистъ вѣтра, загремѣлъ въ темнотѣ голосъ боцмана — гардемарина Афанасьева:

— По мѣстамъ стоять! Слушать мою команду! — Воспитанные въ военой дисциплинѣ, послушные военной командѣ и твердому слову, гардемарины овладѣли собою и бросились по своимъ мѣстамъ: къ рулю, къ парусамъ и снастямъ.

Опредѣливъ мѣсто яхты по мысу Фіоленту, гардемаринъ Афанасьевъ выправилъ паруса и, овладѣвъ вѣтромъ, сталъ ходить разными галсами вокругъ злополучнаго мѣста, ища своего несчастнаго командира.

Но безмолвны были волны и не хотѣло Черное море отдавать имъ своей жертвы. Потонулъ лейтенантъ Глотовъ, молодой, здоровый и веселый. На горѣ, въ далекомъ Корпусѣ, въ бѣломъ флигелѣ въ эту ночь спала его вдова.

Всю ночь, не засыпая ни на минуту, проискали вѣрные гардемарины своего лейтенанта. И, когда солнце яркимъ золотомъ снова залило водную равнину, они убѣдились, что командира имъ больше не найти, развѣ выброситъ новая буря его трупъ на прибрежный песокъ.

Подкрѣпилъ ихъ боцманъ пищею и краткимъ отдыхомъ, отдохнула въ дрейфѣ «Забава». И, наполнивъ снова полнымъ вѣтромъ сильные паруса, понеслась домой къ Севастополю.

Тамъ, поставивъ яхту на якорь у родной пристани, поднялся гардемаринъ Афанасьевъ къ директору и доложилъ адмиралу о случившемся. Съ искренней печалью узналъ Корпусъ о трагической гибели хорошаго офицера и симпатичнаго сослуживца; съ осторожнымъ состраданьемъ предупредили молодую вдову и «сердечнымъ спасибо по службѣ» въ приказѣ отблагодарили славнаго боцмана яхты «Забава» за его доблестный поступокъ: спасеніе яхты и ея экипажа. Имя гардемарина Афанасьева сразу прославилось въ устахъ кадетъ и гардемаринъ.

Я закончилъ печальный разсказъ.

Мы допили чай и распрощались. Мои гости ушли въ сосѣдній флигель.

Молочно - бѣлые стояли флигеля наши въ освѣщеніи луны и бросали черныя рѣзкія тѣни на песчаную гору участка.

На другой день лейтенантъ Галанинъ вышелъ въ море на яхтѣ «Забава» на новые поиски лейтенанта Глотова, но поиски не увѣнчались успѣхомъ. Море не отдало трупа ни яхтѣ, ни берегу Крымскому. Тайно сохранило оно молодого моряка въ своихъ глубокихъ хрустальныхъ нѣдрахъ.

КОНЦЕРТЪ КАПИТАНА 2-ГО РАНГА ПОДАШЕВСКАГО

Въ тѣни пирамидальныхъ тополей и стройныхъ кипарисовъ стоитъ дача Командующаго Черноморскимъ Флотомъ; очаровательный паркъ «Голландія» изливаетъ вечерній ароматъ мимозъ и олеандра.

Въ центральной залѣ собралась вся семья Морского Корпуса: офицеры, ихъ жены, дѣти, гардемарины и кадеты. Полукольцомъ сидятъ они въ полутемной части гостиной.

Въ яркомъ свѣтѣ лампы стоитъ черное піанино. На его полированной крышкѣ густой душистой гирляндой лежатъ

вѣтки лиловой и бѣлой сирени, свисая цвѣтами на бѣлыя ноты.

Въ наступившей тишинѣ входитъ концертантъ капитанъ 2-го ранга А. Н. Подашевскій; красивымъ жестомъ отбросилъ прядь черныхъ волосъ съ блѣднаго лба и сѣлъ за піанино.

Блѣдные талантливые пальцы быстро забѣгали по клавищамъ и дивная мелодія наполнила залъ и понеслась въ открытыя окна въ зачарованный садъ.

Гдѣ-то вблизи шептала волна, шелестя галькой и камышами.

Синія сумерки опускались надъ моремъ и садомъ. На темномъ небѣ зажигались звѣзды. Подашевскій игралъ и игралъ одну музыкальную сказку за другой, отдѣленныя другъ отъ друга бурными апплодисментами.

Зрители наслаждались очарованіемъ его игры въ залѣ, напоенной сиренью, а онъ все игралъ и игралъ. И дышало лицо его вдохновеніемъ. Но вотъ онъ кончилъ.

Всталъ, поклонился. Крики, рукоплесканья, и благодарное браво.

И вновь тишина.

Медленно раздвигается занавѣсъ изъ сигнальныхъ флаговъ и передъ зрителями живая гирлянда самыхъ маленькихъ кадетъ моей роты.

Въ рукахъ у нихъ по зажженной восковой свѣчечкѣ. Подашевскій взялъ аккордъ и нѣжная тихая пѣсня разлилась по залу, чистая, хрустальная, какъ душа ребенка.

Они пѣли тихо, точно боясь задуть золотые огоньки своихъ свѣчъ:

«Мальчики и дѣвочки,
«Вербочки и свѣчечки
«Понесли домой.
«Дождикъ, дождикъ маленькій,
«Вѣтерокъ удаленькій,
«Не задуй огня для святого дня.

Надули круглыя, дѣтскія щечки бѣлые кадетики и задули разомъ всѣ свѣчи подъ послѣдній аккордъ Подашевскаго. Занавѣсъ снова скрылъ ихъ.

Изъ тѣни на яркій свѣтъ выступила высокая стройная фигурка Тани Александровой — дочери инспектора классовъ.

Черный, шелковый газъ ея длиннаго платья сбѣгалъ съ плечъ къ ногамъ темными складками. Лиловая дымка нѣжной вуали лежала на русыхъ волосахъ и обнимала плечи и грудь. Медленнымъ, торжественнымъ шагомъ она подошла къ піанино и остановилась возлѣ него, какъ черная, печальная статуя.

«Смерть Эфигеніи», — произнесъ Подашевскій. Прокатились густые аккорды въ басовомъ ключѣ. Оживилось лицо русской красавицы, задышала, волнуясь грудь.

И вмѣстѣ съ печальной мелодіей клавишъ изъ свѣжихъ дѣвичьихъ устъ полилась декламація. Переливался грудной, красивый голосъ отъ гордыхъ вызововъ прекрасной гречанки до глубокой печали и слезъ.

Большіе синіе глаза изливали тоску и печаль осужденной Эфигеніи.

Какъ зачарованные слушали зрители, наслаждаясь мелодекламаціей.

Эфигенія осуждена. Строгіе судьи-старцы въ бѣлыхъ одеждахъ поднялись со своихъ мраморныхъ креселъ и гонятъ ее въ подземелье.

Послѣдній вопль гречанки, послѣдній аккордъ нѣжныхъ струнъ. Она сошла съ послѣдней ступени и тяжелая мѣдная дверь закрылась за нею на вѣчность.

Послѣднее слабое стенаніе, послѣдній вздохъ и звукъ. Тишина. Смерть.

И бурные крики. Звонкія рукоплесканья.

Лиловая фата скрываетъ загорѣвшееся лицо, но подъ нею сіяетъ довольная и гордая улыбка.

Наступила ночь. Съ моря потянулъ въ залу ночной вѣтерокъ.

Гости и исполнители шумною толпою уходили по заснувшему парку домой въ бѣлые флигеля, громко и искренно

восхищаясь очаровательнымъ концертомъ Александра Николаевича.

Черезъ полъ часа все затихло.

Въ окнахъ флигелей потухли огни. Только черная волна шепталась съ камышами и поблескивали голубыя звѣзды въ этой водной чернотѣ.

Въ опустѣвшей залѣ на закрытомъ піанино тихо умирали душистыя сирени.

НИНА — УНДИНА МАЯКА И 2-Й КОРДОНЪ

Въ одно изъ воскресеній, послѣ завтрака, дежурный кадетъ обѣгаетъ роту со спискомъ: «Господа! — кричитъ онъ, — кто хочетъ въ экскурсію съ ротнымъ командиромъ? — Куда ведетъ? — спрашиваютъ голоса. — На второй кордонъ, въ лѣсъ, къ обрыву. — Запиши меня! и меня! и меня!..

Набирается человѣкъ 20-30 желающихъ, не имѣющихъ родныхъ въ Севастополѣ и окрестностяхъ.

Ротный служитель приноситъ отъ хозяйки корзину съ бутербродами (хлѣбъ, масло, котлеты), во фляжкахъ у каждаго вода на дорогу. Въ рукахъ палки для горъ, за спиной два, три ружья, для стрѣльбы въ цѣль.

Кадетъ докладываетъ мнѣ: идущіе на прогулку во фронтѣ. Выхожу и я въ томъ же снаряженіи, пересчитываю, записываю, осматриваю обувь. Двинулись. Пошли. По участку корпуса идемъ фронтомъ, тамъ за воротами поле, горы, тамъ пойдемъ вольно, кто, какъ умѣетъ и можетъ, гдѣ и побѣжимъ, гдѣ поскачемъ черезъ пни и канавы, на то и молодость и силы, а съ молодыми и самъ молодѣешь. Вотъ, въ одно изъ такихъ воскресеній, собравъ кадетъ моихъ, прошелъ я по шоссе къ воротамъ и, дойдя до нихъ, услышалъ крикъ женщины или дѣвушки далеко въ полѣ за корпусной стѣной. — Спасите, помогите! Ой, спасите! — Мигомъ открылись ворота. Съ ружьями и палками на перевѣсъ бросился я съ кадетами въ поле на этотъ отчаянный голосъ. Бѣжали мы, какъ дикія лошади, съ гикомъ и свистомъ, какъ печенѣги, и черезъ минуту, другую окружили дѣвушку румяную, загорѣлую, крѣпкую,

которая протягивала къ намъ руки и заливалась слезами. Я сразу узналъ въ ней дочь смотрителя Инкерманскаго маяка Нину. Подошелъ къ ней и спросилъ о причинѣ ея слезъ и страха.

— Вотъ онъ! Вотъ онъ бѣжитъ! — указала она рукою по направленію къ маяку. — Онъ меня схватилъ, началъ душить, валить на траву.

Мы всѣ повернулись туда. Приближаясь къ зарослямъ кустовъ, зайцемъ бѣжалъ матросъ и только голубой воротникъ его мелькалъ въ травѣ поля. Какъ стая гончихъ, кадеты ринулись за нимъ; но догнать было немыслимо. Обидчикъ уходилъ все дальше и дальше!

— Позвольте догнать его пулей, — спросилъ горячій черногорецъ, скидывая ружье съ плеча.

— Нѣтъ, что вы, что вы, — отвѣтилъ я. — Стрѣлять въ спину неблагородно и недостойно воина. Въ воздухъ стрѣльните: попугать его.

Раздался выстрѣлъ. Нина вскрикнула и схватилась за лицо.

Матросъ прижался въ кусты и, какъ заяцъ, на четверенькахъ уползъ въ густую колючую зелень.

— Не плачьте же теперь, Нина, — сказалъ я ей, — посмотрите сколько славныхъ рыцарей проводятъ васъ домой. Не бойтесь ничего съ нами! Въ обиду не дадимъ.

Она благодарно взглянула на насъ, а слезы все еще лились по загорѣлымъ, румянымъ щекамъ.

— Я такъ испугалась, что кофточку потеряла новую на шелковой подкладкѣ, недавно мама сшила... забранитъ!

— Господа! — закричалъ черногорецъ. — Ищите кофточку, всѣ ищите. Разбрелись морячки по полю, ищутъ кофточку. Легче на морѣ вѣху или буекъ найти, чѣмъ найти въ травѣ дѣвичью кофточку. Искали, искали, не нашли кофточки!

— Ну, въ другой разъ прійдемъ, — утѣшали Нину кадеты, — все поле пройдемъ, поищемъ.

Свисткомъ собралъ я къ себѣ свое воинство и мы пошли бодрымъ шагомъ къ маяку. Какъ лѣсная Ундина, шла между ними дочь маячника и радостная и сконфуженная.

Часъ спустя, я сдалъ ее, рыдающую, на руки матери, которая, радуясь за спасеніе дочери, выговаривала ей за кофточку.

Мы хотѣли идти въ свой дальнѣйшій путь, но маячница страшно обидѣлась.

Энергично и властно распорядилась, чтобы кадеты разсѣлись въ ея чистенькомъ дворѣ-садикѣ и угостила ихъ славнымъ, превкуснымъ, топленымъ молокомъ со сливками. Выпили тогда мои кадетики чуть-что не цѣлую корову; но вѣдь и случай то былъ не изъ маловажныхъ. Найди-ка въ 20-мъ вѣкѣ разбойника! Хоть и въ смутныя времена мы тогда жили.

Напившись молока, благодарили, кланялись. Но хозяйкѣ этого было мало:

— Нина, выйди, покажи морякамъ нашъ маякъ, вѣдь имъ интересно, они по огню нашему корабли свои водятъ.

Вышла дѣвушка, красная, заплаканная, улыбается, стѣсняется, поднялась въ свой хрустальный замокъ «Ундина» и полѣзли за ней кадетики всѣ по очереди.

Съ первыми стѣснялась, другимъ разсказывала, а тѣ, кто у горшка молоко допивали, ничего не видѣли.

Все хорошо, что хорошо кончается, а 12 верстъ до кордона пройти надо! Въ путь дорогу. Спасибо, хозяюшка! — Кофточку пришлемъ!

У воротъ маяка долго махала семья, уходившимъ кадетамъ.

— Нинку кадеты спасли! — кричалъ босоногій Митька, загоняя лошадку во дворъ.

Шли полемъ, все видимы; но вотъ скрылъ ихъ дубовый лѣсокъ.

За три часа, полями, да балками, лѣсомъ, да кустарникомъ, съ говоромъ, да съ пѣснями отмахали мы 12 верстъ и вотъ онъ желанный 2-й кордонъ.

Вотъ знакомая, широкая поляна; кольцомъ рѣзныхъ, кудрявыхъ дубовъ охвачена она и стоитъ на ней, призадумавшись, славный домикъ лѣсника.

У опушки лѣса усѣлись странники. Сладкаго сотнаго меду вынесла привѣтливая хозяйка. Съѣли кадеты котлеты и

сосутъ янтарный медъ, заѣдая бѣлымъ хлѣбомъ. Эхъ! Сладкоѣшки!..

Ну, а теперь на обрывъ! — говорю я, вставая, и всѣ гурьбой устремляются въ лѣсъ.

Деревья сперва высокія и рѣдкія, а, чѣмъ дальше вглубь, ниже и чаще, еще ниже — еще чаще. Потомъ кусты густые, по поясъ, по шею идешь, не пройдешь. Продираемся. Точно въ волнахъ зеленыхъ плывемъ.

И вдругъ — ничего... Пустота хрустальная, голубая, свѣтлая, ясная, вся дрожитъ, колышется. Что это? Воздухъ голубой или небо спустилося? А подъ ногами... бездна. Каменная гора вертикально оборванная, головокружительной высоты, отвѣсъ, обрывъ. Упадешь — костей не соберешь.

Глубоко - глубоко, тамъ далеко внизу широчайшій коверъ всѣхъ цвѣтовъ зеленаго бархата съ бѣлыми извивами дорогъ.

Крошечные пигмеи на игрушечныхъ лошадкахъ. Куколки-коровки на зеленой травѣ.

«Высота, высота поднебесная, глубина, глубина океанская»! — поютъ мои молодые спутники, придерживая фуражки и заглядывая въ пропасть.

Голубой хрусталь на бѣломъ мраморѣ на малахитовомъ подносѣ, — вотъ онъ, обрывъ.

Бесѣдуемъ, послѣ пѣсни, стрѣляемъ въ цѣль на деревѣ, на камнѣ и горное эхо звонко вторитъ этимъ звукамъ.

Любители собираютъ цвѣты и рѣжутъ палки, кто просто спитъ подъ кустомъ. Мягкій, чистый воздухъ самъ льется въ ноздри и нѣжитъ легкія. Съ блаженствомъ дышетъ грудь, а глаза наслаждаются красотою. Господи! Все, что въ Тебѣ совершенство, создала воля Твоя.

Видѣть Тебя есть блаженство всюду, вездѣ и всегда!

Вечерѣетъ. Снимаемся съ обрыва. По скаламъ проносится мой свистъ. Кадеты бѣгутъ къ центру. Пора домой.

Одного не хватаетъ. Иду къ обрыву. На самомъ краю, свѣсивъ ноги со скалы, сидитъ онъ мечтательно и грустно смотритъ передъ собою своими прекрасными бархатными глазами. — Не сидите такъ, голова закружится и вы оборветесь, — говорю ему.

— Ну и пусть! Туда и дорога! — отвѣчаетъ равнодушно-печальный голосъ, а бѣлые зубы сверкаютъ въ улыбкѣ. Кадетъ-сирота круглый, недавно потерялъ и старшаго брата — единственнаго родного на всей землѣ. — Вставайте, идемьте, — всталъ, пошелъ за нами.

— Надо его увлечь интереснымъ дѣломъ, — подумалъ я и сдѣлалъ его старшиной шестерки. Онъ полюбилъ свое суденышко, берегъ, мылъ и чистилъ и такъ управлялся на немъ подъ парусами и въ вѣтеръ и въ бурю, что завидно было бы и старому моряку. Каріе глаза его стали смотрѣть веселѣй.

Въ охотничьемъ домикѣ, попивъ молока на дорогу, расплатившись съ хозяйкой, двигались мы въ обратный путь.

Подходили къ Корпусу уже тогда, когда онъ весь былъ залитъ луннымъ голубымъ сіяніемъ. Спускались къ морю, къ флигелямъ и засыпали въ своихъ кроватяхъ такъ крѣпко, какъ никогда въ будни.

Пріятно ныли и горѣли ноги, разливалась теплота по всему тѣлу. Лица и руки пахли лѣсомъ и свѣжимъ воздухомъ голубого обрыва.

Въ слѣдующее воскресенье, раннимъ утромъ, черногорецъ исколесилъ все поле и среди цвѣтовъ и густой травы нашелъ кофточку. Она была цѣла, только шелковая подкладка цвѣта чайной розы немного выгорѣла на солнцѣ, да побрызгалъ ее дождикъ. Съ торжественнымъ видомъ явился кадетъ ко мнѣ и доложилъ: «Г-нъ Кап. 1 ранга. Я нашелъ кофточку барышни съ маяка!» — «Ну и молодецъ!» — отвѣтилъ я: «теперь идите въ горы на маякъ и отдайте вашу находку по принадлежности».

Два раза не пришлось говорить. Птицей слеталъ горячій черногорецъ въ Инкерманъ и сложилъ на руки счастливой и радостной Нины ея злополучную кофточку.

Обѣщаніе наше было исполнено.

Такъ, почти каждое воскресеніе или праздникъ я водилъ кадетъ своихъ въ экскурсіи на берегъ моря, въ деревню Учкуевку, гдѣ они рѣзвились и купались; на инкерманскія каменоломни, гдѣ мы гуляли по пещерамъ, образовавшимся отъ вынутаго камня, для постройки ихъ родного Корпуса;

чудный бѣлый камень, крѣпкій и мягкій въ одно и то же время. Его пилили пилою и выбивали рѣзцы художниковъ прелестныя скульптурныя украшенія.

Ходили въ лѣсъ къ Черной рѣчкѣ за елкой къ Рождеству и катались по этой живописной рѣчкѣ среди горъ и камышей, туи и можевельника.

Во время этихъ экскурсій я знакомилъ моихъ воспитанниковъ съ исторіей Морского Корпуса и Россійскаго Флота, разсказывалъ имъ много о жизни моряковъ въ плаваніи, и эти бесѣды и прогулки сближали насъ душевно и я владѣлъ ихъ полнымъ довѣріемъ и любилъ ихъ, какъ родныхъ и близкихъ друзей.

Подражая своему незабвенному, глубокочтимому учителю по воспитанію юношей — адмиралу Чухнину, при которомъ я мичманомъ началъ свою дѣятельность, я письменно разбиралъ всѣ ихъ достоинства, проступки и недостатки и въ «ротныхъ приказаніяхъ» вывѣшивалъ въ помѣщеніи для общаго прочтенія всѣми кадетами.

Такъ, что вся жизнь роты была передъ ними открыта. Они пріучались беречь честь роты, огорчались упреку, радовались похвалѣ и старались жить и служить не за страхъ, а за совѣсть. Что и было главной цѣлью моего воспитанія, по завѣту высокаго воспитателя Директора Петербургскаго Морского Корпуса.

МОЙ «ПОРОХЪ» НА СЦЕНѢ МОРСКОГО КОРПУСА

Въ Петербургѣ, въ Морскомъ Корпусѣ, въ свободные отъ занятій вечера, въ тиши своего кабинета, посвящалъ я многіе часы вечера и ночи творенію разсказовъ, пьесъ, повѣстей для дѣтей, юношества и взрослыхъ. Часть вышла въ печати въ журналахъ, въ отдѣльной книжкѣ и, наконецъ, историческая феерія, пьеса «Порохъ» была принята на сцену Народнаго Дома Императора Николая II. Я уѣхалъ ротнымъ командиромъ въ Севастопольскій Корпусъ, затѣмъ разразилась революція и я никогда не узналъ объ участи моего произведенія.

На рукахъ у меня остался единый оттискъ московскаго журнала «Юная Россія», гдѣ онъ былъ напечатанъ.

Забытый пролежалъ мой «Порохъ» на полкѣ въ шкапу и новыя произведенія заполняли мои тетради.

Но вотъ открылся снова родной Корпусъ и я опять командую ротой.

Сѣрая книжечка бросается въ глаза и средневѣковый монахъ, открывшій порохъ, проситъ и жаждетъ воплощенія.

Подъ руками столько талантливыхъ юношей, гардемаринъ и кадетъ, столько славныхъ дѣвушекъ — дочерей офицеровъ-воспитателей.

Почему не попробовать? Не потрудиться для общаго пріятнаго и полезнаго дѣла.

Молодежь любитъ спектакли.

Иду къ директору Корпуса съ докладомъ и встрѣчаю полное сочувствіе адмирала и разрѣшеніе поставить мою пьесу въ залѣ главнаго зданія Морского Корпуса; обѣщаетъ содѣйствіе экипажеской музыкой, освѣщеніемъ, подмостками театра и другими необходимыми средствами. Я весь загораюсь радостнымъ творчествомъ.

За стѣной, отдѣляющей Корпусъ отъ Голландіи, лежитъ небольшая зеленая лужайка, которую окружаютъ кусты сирени.

Въ этомъ укромномъ мѣстѣ сада, въ часы вечерняго отдыха собралъ я вокругъ себя всю роту. Усѣлся на холмѣ; а кадеты сидѣли и лежали вокругъ меня и я читалъ имъ свое произведеніе «Порохъ».

Прочтя , вызвалъ желающихъ играть на сценѣ и распредѣлилъ всѣ мужскія роли.

Мы многіе мѣсяцы въ часы досуга изучали, репетировали эту пьесу. Главную и самую трудную роль «Монаха Бертольда» взялъ на себя талантливый гардемаринъ Александровъ, «Вѣщую старуху» игралъ кадетъ Фрейерманъ. Много разъ я обходилъ офицерскіе флигеля, ища себѣ барышень на женскія роли. Въ семьѣ инспектора нашелъ себѣ «Магду». У начальника хозяйственной части «Свѣтлаго Ангела». «Темнаго» — игралъ кадетъ.

У отдѣленнаго начальника взялъ «Графиню».

Дѣти были цвѣтами на «праздникѣ Бурграфа». Кадетъ Сердюкъ — «рудокопомъ».

Гардемаринъ Суринъ раздобылъ въ Сухарной балкѣ настоящаго пороха и бенгальскаго огня и создалъ всю нужную пиротехнику.

Мамаши обшивали артистокъ.

Мы одѣвали артистовъ. Хлопотъ и заботъ было немало, да хлопоты все хорошіе и веселые, объединяющіе всѣхъ въ одну семью. У себя въ кабинетѣ я обрабатывалъ роли всѣхъ главныхъ артистовъ и, когда все и всѣ были готовы, мы поднялись въ главный дворецъ корпуса, гдѣ въ огромной залѣ, на большой сценѣ дали генеральную репетицію.

День спектакля былъ назначенъ. Къ 8 часамъ вечера наполнился залъ всей многочисленной семьей офицеровъ, чиновниковъ, прислуги и многихъ гостей, пріѣхавшихъ изъ Севастополя.

Вошелъ директоръ Корпуса и сѣлъ въ почетное кресло.

Гулко разнесся по залу звонъ тяжелаго мѣднаго гонга. Залъ затихъ въ ожиданіи.

Два рыцаря, закованные въ латы, медленно и торжественно раздвинули темно-синій тяжелый занавѣсъ.

Нѣжнымъ молитвеннымъ напѣвомъ плакала скрипка и вторили ей аккорды рояля. Въ богатой кельѣ Францисканскаго монастыря молился передъ образомъ Мадонны монахъ-алхимикъ. Молился о тайнѣ Золота, которую мечталъ открыть.

Окончена молитва. Усталый, садится онъ въ кресло и мучительно думаетъ и вычисляетъ, силясь понять тайну смѣси.

Въ открытое окно глядится синяя ночь; останавливается «вѣщая старуха» и поетъ пѣснь о жемчужинахъ-слезахъ, пролитыхъ матерями за сыновей, убитыхъ въ бою, монахъ отгоняетъ ее, какъ тяжелую докучливую печаль.

Въ окнѣ появляется веселый мальчикъ — подмастерье сапожника и поетъ: «охъ, захочешь — перескочишь, въ этой жизни все легко». Печаль смѣняется радостью. Слезы — смѣхомъ. Въ этой жизни все имѣетъ два начала. Палка о двухъ концахъ.

Философствуя, алхимикъ засыпаетъ въ глубокомъ крес-

лѣ, за спиной его выростаютъ по очереди свѣтлый духъ въ освѣщенiи бѣлаго свѣта и затѣмъ темный въ освѣщенiи красномъ отъ алхимическаго очага, на которомъ приготовлена смѣсь для страшнаго опыта.

Каждый духъ благославляетъ его новое открытiе на примѣненiе къ Добру и Злу.

Нѣжная мелодiя скрипки и рояля продолжаетъ звучать, угасая.

Ангелы исчезаютъ. Алхимикъ просыпается и записываетъ рецептъ великой смѣси, полученной отъ духовъ.

Въ громадной ретортѣ изготовляетъ смѣсь и нагрѣваетъ ее на очагѣ.

Наступаетъ ночь. Въ молитвенномъ экстазѣ, на колѣняхъ передъ очагомъ, онъ ждетъ, дрожа и волнуясь, появленiя золота, которымъ купитъ онъ весь мiръ.

Раздается громъ и вспыхиваетъ красное пламя. Страшный взрывъ разрываетъ реторту. Монахъ впадетъ въ изступленiе и спрашиваетъ названiе новаго вещества. «Порохъ», отвѣчаютъ Свѣтлый и Темный духи. — «Это порохъ», — повторяетъ монахъ. Вмѣсто золота — страшной силы — онъ открылъ порохъ — другую страшную силу.

Появляется другъ его рудокопъ и зоветъ его на праздникъ по случаю большой добычи золота въ рудникахъ Фрейбурга, который даетъ имъ бургграфъ.

Желѣзные рыцари затягиваютъ занавѣсъ. И снова гонгъ. Открыта сцена.

Площадь. Бургграфъ. Графиня. Рыцари. Дѣвушки. Рудокопы. Цвѣты, ленты, яркое солнце. Пляска, турниры, флаги и копья.

Гремятъ трубы, свищутъ флейты, бьютъ барабаны и бубны. Веселый хороводъ вокругъ слитка золота, добытаго рудокопами.

На праздникѣ Бургграфъ плѣняется невинной голубкой «Магдой», дочерью рудокопа; но она не хочетъ покинуть своихъ бѣлыхъ козъ и голубей даже для графской короны. Онъ ищетъ ее въ горахъ, куда она скрылась. Занавѣсъ.

И снова келья и въ ней алхимикъ.

Дочь рудокопа спасается у него отъ настойчивыхъ пре-

слѣдованій Бурграфа. Въ одеждѣ юнаго монаха Бертольдъ скрываетъ ее у себя, когда тотъ неожиданно приходитъ въ монастырь.

Желая спасти Магду, монахъ покупаетъ ея свободу цѣною пороха, тайну котораго выдаетъ Бурграфу. Долгая бесѣда его съ Бертольдомъ открываетъ Магдѣ-монашку истинное лицо и душу Бурграфа и когда онъ восклицаетъ: «иду съ порохомъ, но безъ Магды!», она срываетъ свой капюшонъ и одежду монаха и кричитъ страстно:

— И съ порохомъ и съ Магдой!

Бертольдъ разводитъ руками: кто женщину пойметъ!

Два рыцаря закрываютъ и эту картину. И вотъ послѣднее дѣйствіе.

Тюрьма Бранденбурга.

Алхимикъ-изобрѣтатель пороха, которымъ сокрушаются латы и щиты рыцарей, схваченъ ими и заключенъ въ тюрьму, какъ волшебникъ.

Идетъ война. Время латъ, копья и стрѣлъ прошло. Приходитъ на смѣну порохъ. Этимъ порохомъ разбиваетъ Бурграфъ стѣны крѣпостей желѣзныхъ рыцарей и рушатся стѣны тюрьмы.

Магда — сестра милосердія первая находитъ Бертольда и возвѣщаетъ ему радость побѣды и страшную силу его пороха.

Онъ уже ликуетъ и славитъ свое великое изобрѣтеніе, какъ въ окнѣ появляется «Вѣщая старуха» и поетъ надрывающимъ сердце голосомъ: «Слезы, что жемчугъ въ ракушѣ, дай мнѣ ракушу, какъ землю большую, я жемчуга слезы въ нее соберу, къ небу далекому, къ небу лазурному я, какъ упрекъ отъ земли, принесу за сыновей, убитыхъ въ бою». Услыша снова эту пѣснь-упрекъ, Бертольдъ, истомленный тюрьмой и годами жизни, умираетъ на рукахъ Магды и Бурграфа, проклиная свой порохъ. Тихая печальная музыка играетъ за стѣной монастыря.

Тихо задвигаютъ темно-синій занавѣсъ два желѣзныхъ рыцаря.

На немъ, какъ на темномъ небѣ, сверкаютъ «жемчужныя слезы».

— Браво! браво! Автора на сцену! автора.

Бургграфъ, Магда, Монахъ и рыцарь вытаскиваютъ меня изъ суфлерской будки на сцену и выводятъ за занавѣсъ.

Директоръ корпуса всталъ, подходитъ, благодаритъ, жметъ руку. А затѣмъ все всколыхнулось и завертѣлось у меня въ глазахъ, лампы, сцена, толпа, кадеты, артисты, взлетаю высоко къ потолку и мягко падаю на руки качающихъ. Ура! ура! выше! выше! ураа! Флотская музыка гремитъ веселый тушъ, кадеты качаютъ.

Довольно. Есть всему конецъ. Встаю твердо на ноги. Передо мною Подашевскій — музыкантъ и театралъ, ставившій на этой же сценѣ до меня — мистерію съ Мадонной (г-жа Куфтина).

— Отъ души, поздравляю Васъ, дорогой В. В., съ такимъ успѣхомъ я съ удовольствіемъ переложилъ бы Вашу вещь на музыку и мы вмѣстѣ создали бы изъ нее оперу.

Въ этой части мы хорошо понимали другъ друга и искренно пожали руки.

Спектакль очень развеселилъ всѣхъ и съ разрѣшенія Адмирала «Праздникъ Бурграфа» продолжался еще нѣсколько часовъ; такъ ряженные и танцовали съ гостями и моряками.

Крѣпко и сладко спалъ въ эту ночь авторъ, увидавшій свое твореніе въ людяхъ живыхъ.

ОФИЦЕРЫ МОЕЙ РОТЫ

— Ахъ, какіе миленькіе, розовые, чистенькіе, толстенькіе поросятки! — воскликнулъ я, подходя къ закутку и заглядывая поверхъ досчатаго низкаго забора.

— Ай, да Анна Михайловна! У Васъ даже свиньи и тѣ чистыя! розовыя, точно фарфоровыя!

— Это предразсудокъ, Вл. Вл., — отвѣтила мнѣ г-жа фонъ Брискорнъ: «думать, что свинья любитъ грязь, это человѣкъ, по лѣни и недосмотру, держитъ свинью въ грязи; но въ природѣ ни одно животное не любитъ грязи и тщательно себя моетъ и чиститъ».

— Вы правы, Анна Михайловна. Кошечки и птички безпрестанно моются и охорашиваются.

— Ну, пойдемте, я покажу Вамъ теперь гусей.

Мы вышли съ ней на поляну «Голландіи». Зеленымъ фонтаномъ падали вѣтви къ землѣ съ черныхъ стволовъ плакучей ивы.

На лужайкѣ подъ нею паслись бѣлоснѣжные жирные гуси — традиціонное жаркое 6-го ноября. Немного дальше на длинной привязи ходили двѣ коровы — черная большая и бѣлая.

Изъ конюшни выглядывала голова рыжей лошади (которую чистилъ конюхъ Моисей). Мы прошли въ глубь сада, гдѣ бродило цѣлое стадо, какихъ то буро-зеленыхъ, запыленныхъ овецъ — даръ отряда Рыкова, тутъ же бродили бѣлые лошади, присланные съ фронта Гернетомъ — хозяйство Морского Корпуса быстро расширялось и у Анны Михайловны не хватало дня, чтобы за всѣмъ усмотрѣть; но бодрая и энергичная хозяюшка работала до поздней ночи, сводя счеты и разсчеты въ своей маленькой комнаткѣ на дачѣ командующаго.

— У меня къ Вамъ большая просьба, Вл. Вл., — сказала г-жа Брискорнъ, останавливаясь на дорожкѣ крупнаго гравія около большой клумбы темно-красныхъ астръ въ бордюрѣ лиловыхъ Ивана-да-Марьи. — Мой племянникъ Борисъ фонъ Брискорнъ очень просится въ корпусъ и именно въ Вашу роту, онъ любитъ маленькихъ кадетъ, потому что это воскъ, изъ него легче вылить нужную форму.

— Я зналъ въ Петербургѣ въ нашемъ корпусѣ гардемарина Брискорнъ, онъ погибъ геройской смертью въ Балтійскомъ морѣ — это братъ его? — спросилъ я.

— Двоюродный братъ, — отвѣтила Анна Михайловна.

— Онъ изъ Прибалтійскихъ рыцарей? — спросилъ я.

— Нѣтъ, родъ Брискорновъ происходитъ изъ Англіи — въ ихъ гербѣ сильный мужчина держитъ быка за рога — это съ англійскаго Брисъ-корнъ — ломающій рога.

— Ну, коли сильный, такъ и хорошо, обломаетъ кадетъ, будутъ хорошіе воины и моряки, — сказалъ я. — Милости просимъ въ мою роту.

Нѣсколько дней спустя высокій, стройный офицеръ Гвардейскаго флотскаго экипажа Бор. Ник. фонъ Брискорнъ

явился ко мнѣ и принялъ II-й взводъ кадетъ моей роты, который, какъ и катеръ его и миноносецъ получилъ вскорѣ прозвище «Гвардейскій».

Этотъ бравый офицеръ, точный, аккуратный, прекрасно знающій свое дѣло дѣйствительно обломалъ кадетъ и создалъ изъ нихъ строевую роту и прекрасный «Гвардейскій» желтый катеръ. Когда кадеты были готовы, этотъ катеръ былъ поданъ мнѣ къ пристани съ чисто вымытыми канками, сверкающими уключинами и молодцами-гребцами; послѣ экзамена и пробѣга по рейду на этомъ катерѣ мнѣ оставалось только расцѣловать моего офицера.

Другой катеръ съ миноносца «Свирѣпый» былъ черный — его подготовилъ другой мой офицеръ — ст. лейт. Помаскинъ.

Иннокентій Ивановичъ. Инокъ Иннокентій. Инокъ по святой мученической жизни своей. Это былъ человѣкъ, который вкладывалъ душу свою въ каждое, ему порученное дѣло, будь оно простое, маленькое, или крупное и очень важное. Служилъ и работалъ онъ, какъ бы священнодѣйствуя и замучивалъ себя своей безпредѣльной добросовѣстностью, съ страшнымъ упорствомъ добиваясь намѣченной цѣли. Мученикъ работы, идеи и службы. Дни и часто ночи посвящалъ онъ кадетамъ I-го отдѣленія (самымъ большимъ и взрослымъ моей роты), своему миноносцу и службѣ Корпусу, который часто посылалъ его въ командировку для закупки провіанта для Хозяйственной Части. Ин. И. Помаскинъ тоже представилъ мнѣ свой катеръ и кадетъ въ блестящемъ видѣ и къ концу плаванія достигъ чуда: мертвый миноносецъ «Свирѣпый», съ заржавленной и поломанной машиной былъ разобранъ, отчищенъ, смазанъ и собранъ руками его кадетъ; на глазахъ отряда, задымивъ трубой, далъ ходъ и прошелся по рейду подъ громкое «ура» всѣхъ кадетъ. Терпѣливымъ, упорнымъ кропотливымъ трудомъ оживила его мертвое тѣло его достойный труженикъ-командиръ.

Я прошелъ на его катерѣ подъ веслами по далекому рейду и съ гордостью видѣлъ, какъ имъ любовались съ другихъ кораблей.

Третій офицеръ моей роты лейтенантъ Куфтинъ, бывшій

моимъ воспитанникомъ въ Петербургѣ, былъ добрымъ, душевно-мягкимъ, хорошимъ воспитателемъ III-го и IV-го отдѣленій кадетъ (самыхъ молодыхъ и маленькихъ). Будучи начитаннымъ, образованнымъ, свѣтлымъ человѣкомъ, онъ съ любовью и большой охотой образовывалъ своихъ кадетъ, заботясь о нихъ — заботой матери, и строгостью разумнаго отца. Онъ представилъ мнѣ свой «номерной» миноносецъ — чистый и изящный, какъ игрушка и бѣлая щегольская шестерка подъ свѣжими парусами подошла къ пристани.

Тонкіе, веселые голоса звонко отвѣтили: «Здравія желаемъ! г-нъ капитанъ 1-го ранга», — я вскочилъ въ шестерку, сѣлъ на бѣлую, чистую койку и, подобравъ шкоты, мы лебедемъ понеслись по синему простору.

На рулѣ сидѣлъ черноглазый кадетъ Фишеръ и лихо правилъ въ крутой бейдевиндъ лѣваго галса, откидывая носомъ, набѣгавшія волны. Мы дѣлали повороты, проходили подъ носомъ кораблей, рѣзали корму, описывали петлю; прекрасно обученные кадеты оказали честь своему учителю. Освѣженные быстрымъ пробѣгомъ мы вернулись на маленькій миноносецъ, гдѣ лейтенантъ Куфтинъ мнѣ показалъ ихъ такалажныя работы.

Такъ мы и плавали, стоя на бочкахъ, на этихъ трехъ миноносцахъ, обучая кадетъ морской практикѣ, сигналопроизводству, греблѣ и парусамъ.

Молодые моряки скоро привыкли къ судовой жизни и серьезно несли свою вахту.

Берегли и холили свои миноносцы и шлюпки и у нихъ родилась уже ревнивая любовь къ своему кораблю. Былъ еще вельботъ съ прекрасными гребцами. Для меня это плаваніе было личной отрадой; зимой я преподавалъ моимъ гардемаринамъ морское дѣло и то, что рисовалось мною мѣломъ на классной доскѣ теперь оживало въ нихъ для дѣйствія и жизни на водѣ.

По очереди кадеты моей роты переходили на шхуну «Яковъ» и свершали небольшіе переходы подъ парусами подъ командой лейтенанта Куфтина; изрѣдка бралъ ихъ къ себѣ лейтенантъ Галанинъ, «фортовый лейтенантъ», какъ звали его кадеты, на его яхту «Забава» на прогулки по мо-

рю. Иванъ Валерьевичъ — достойный сынъ Адмирала Галанина искуснаго парусника и симпатичнѣйшаго командира, съ которымъ я плавалъ въ Балтикѣ на судахъ морского корпуса.

Синее зеркало Инкерманскаго пролива отражаетъ небо и плывущія въ немъ легкія, нѣжныя, какъ перья, облака.

На кормѣ моего флагманскаго миноносца накрытъ бѣлый столикъ, на немъ чайный приборъ, печенья и сладкій пирогъ.

За столомъ сидитъ директоръ Корпуса и нѣсколько корпусныхъ дамъ.

На мачтѣ «Строгаго» поднятъ «глаголь» (синій флагъ) между нимъ и «Свирѣпымъ» ворота старта.

Сигнальщики держатъ «исполнительный».

— Долой! — командую я, и бѣло-красный флагъ падаетъ на вахтенный мостикъ.

— На воду, — слышно издалека крики молодыхъ голосовъ... — На воду! — вторятъ Инкерманскія скалы.

Мимо ихъ бѣлыхъ стѣнъ проносятся катера «Желтый» и «Черный». Еще они маленькіе, плоскіе, какъ подводныя рыбки, машутъ бѣлыми плавниками. Но, съ каждой минутой, все ближе, растутъ и растутъ катера и уже слышны ободряющіе крики старшинъ-рулевыхъ.

Вотъ они уже близко. Слышны гребки вальковыхъ веселъ разъ, два!.. разъ, два! и на другомъ: «ать» ать! ать! Кадеты скученной массой стоятъ на миноносцахъ.

— Нажми, «Черный», нажми! «Свирѣпый», нажми! — кричатъ съ миноносца. «Не сдавай «Гвардейцы», — кричатъ со «Строгаго», навались «Желтый», «Желтый»...

Все ближе и ближе къ старту. Ровно и вмѣстѣ идутъ оба катера, весло въ весло.

Крики усиливаются, гребцовъ окачиваютъ изъ лейки. Красныя лица горятъ, зубы стиснуты, въ глазахъ увлеченіе, пружинятся мускулы на рукахъ и ногахъ, разрываютъ лопасти веселъ синюю гладь пролива. «Гвардейцы» нажми! — кричатъ со «Строгаго» и крики переходятъ въ ревъ.

«Гвардейцы» нажали и «Желтый» катеръ выскочилъ впередъ на половину корпуса.

«Черный» не сдавай! не уступаетъ «Свирѣпый», но «Желтый» уже впалъ въ изступленіе и въ дикомъ восторгѣ несется птицей по глади морской. Ать! ать! ать! — кричитъ рулевой, качаясь корпусомъ въ тактъ греблѣ, и съ жуткой тревогой прислушивается къ гребкамъ за собой.

Разсвирѣпѣли на «Черномъ», недаромъ они со «Свирѣпаго», дугою гнутся широкія спины, дрожатъ мышцы сильныхъ рукъ. Навались, нажми, осерчай! Черный носъ уже поравнялся съ кормою «Желтаго». Но вихремъ налетѣли бодрящіе крики съ родного миноносца. «Гвардейцы» не сдавай! Страшная сила — сила самолюбія ударила по гребцамъ со «Строгаго» и, вложивъ въ послѣднее усиліе весь остатокъ молодой задорной энергіи, «Желтый» снова вырвался впередъ — и на цѣлый корпусъ опередилъ противника.

— Суши весла! — заревѣлъ рулевой: «весла на валекъ!»

Взмахнули крылья въ послѣдній разъ, поднялись весла высоко на желтомъ катерѣ и потекла съ нихъ вода на горячія руки гребцовъ.

— Ура! ура! — понеслось ликующимъ торжествомъ по всѣмъ миноносцамъ. Спасибо гвардейцы! не выдали «Строгаго».

«Желтый» катеръ поданъ къ трапу. Директоръ корпуса поздравляетъ лихихъ гребцовъ и выдаетъ призъ рулевому. Старшій лейтенантъ Брискорнъ въ восторгѣ, хвалитъ, благодаритъ, радуется. Побѣдили его «Гвардейцы».

Отъ «номерного» отдѣлилась бѣлая шестерка и подъ парусами свершаетъ «задачу» вокругъ вѣхъ, бочекъ и судовъ.

Крѣпкіе, загорѣлые, голые кадеты въ синихъ «трусикахъ» бросаются въ воду съ бортовъ, съ мостика и даже съ трубы ныряютъ и плаваютъ, какъ бронзовыя рыбки на призъ за плаваніе. Окончены гонки.

Краснымъ дискомъ спускается солнце въ синее море. Адмиралъ и гости съѣзжаютъ на берегъ. Въ кубрикахъ отдыхаютъ кадеты — гребцы.

«ВЗРЫВЪ»

Настало лѣто 1920 года.

Тихое, жаркое, крымское.

Зазеленѣли холмы батареи «Парижской», на которой я водрузилъ мачту для обученія кадетъ сигналопроизводству флагами.

Директоръ Корпуса высказалъ мнѣ пожеланіе, чтобы кадеты моей роты жили бы лѣтомъ на кораблѣ и обучались морской практикѣ.

Во исполненіе этого желанія Адмирала Ворожейкина, я приказалъ гребцамъ кадетскихъ катеровъ подать ихъ къ пристани.

Желтый и черный катера быстро «по-флотски» были сняты съ бочекъ и держались у пристани.

— Смирно! встать! — я вошелъ въ катеръ, взмахнули бѣлыя весла, какъ крылья забили зеркало моря и мы понеслись по Севастопольскому рейду въ южную бухту въ портъ.

Лихо гребли мои загорѣлые, веселые, бодрые гребцы кадеты и вскорѣ мы влетѣли птицей въ нарядную бухту, въ плотный полукругъ военныхъ кораблей.

Часа два бродили по порту, изъ подходящихъ судовъ того времени нашли три миноносца «Свирѣпый», «Строгій» и «Номерной».

Явившись командиру порта, я передалъ просьбу своего Адмирала и онъ мнѣ отвѣтилъ:

«Берите, хоть сейчасъ!» у Васъ есть катера, возьмите ихъ на буксиръ и ставьте куда хотите у береговъ Корпуса.

Обрадованные и взволнованные кадеты набросились на миноносцы и хотѣли разомъ отбуксировать всѣ три, только бы поскорѣе начать плаваніе. Но со ржавыхъ, тяжелыхъ цѣпей обросшихъ тиною и ракушей, намъ не удалось ихъ снять. Взяли самый маленькій на буксиръ обоихъ катеровъ — гуськомъ и съ криками «ура» выволокли его на чистую воду.

Подъ дружные и равномѣрные удары веселъ натянулись фалиня и миноносецъ медленно далъ ходъ на радость и ликованіе моихъ гребцовъ. На штурвалѣ его стоялъ кадетъ и

съ гордымъ видомъ держалъ намъ въ кильватеръ. І-й рулевой!

Гребли, сушили весла — отдыхали, снова гребли и все же къ вечеру миноносецъ «Номерной» стоялъ на бочкѣ на створѣ батареи «Парижской».

Дня черезъ два командиръ Порта прислалъ намъ съ портовыми буксирами и другіе два миноносца и поставилъ ихъ въ колонну съ первымъ на большія красныя бочки.

Съ этой минуты кадетамъ больше не сидѣлось на берегу. Съ ранняго утра они рвались на свои миноносцы; но жить тамъ еще не могли. Плѣсень, ржавчина, грязь, паутина, гнилое тряпье и забитые отбросами гальюны и умывальники — результатъ революціоннаго времени, не позволяли тамъ долго оставаться изъ-за смрада и вони.

Но желаніе плавать было такъ велико, что мы всѣ: я — завѣдующій отрядомъ кадетскихъ миноносцевъ, ст. лейт. Помаскинъ — командующій миноносцемъ «Свирѣпый», ст. лейт. ф.-Брискорнъ — мин. «Строгій», лейт. Куфтинъ — ком. «Номернымъ» и всѣ мои кадеты, отбросивъ всякую брезгливость, вооружились лопатами, ломами, тряпками, мыломъ, скребками и щетками, и яростно отмывали миноносцы отъ революціонной грязи и заразы.

Кадеты, раздѣвшись до-гола, ползали и лазили по всѣмъ трюмамъ, кофердамамъ, рундукамъ и угольнымъ ямамъ, скребя и моя «на совѣсть».

Прекрасные офицеры мои помогали имъ, руководя работой и черезъ недѣлю три красивыхъ, чистыхъ, продезинфецированныхъ миноносца, блестѣли на лѣтнемъ солнцѣ черными корпусами и отдраенной мѣдью.

Я поднялъ свой брейдвымпелъ на м-цѣ «Строгомъ». Назначилъ боцмановъ-кадетъ на всѣ три, и выдалъ каждому новенькій Андреевскій флагъ, чтобы торжественно поднять его въ день начала нашей компаніи.

Насталъ наконецъ и этотъ желанный день.

Ясное, тихое лѣтнее утро.

Море, какъ синее зеркало, ласково морщится отъ теченія съ горъ по Черной рѣчкѣ въ мѣловыхъ скалахъ Инкермана.

Сверкаютъ колпаки компасовъ, какъ мѣдныя солнца, золотомъ блестятъ поручни, желѣзныя палубы миноносцевъ кажутся синими, какъ вороненая сталь, такъ добросовѣстно ихъ натерли и вымыли кадеты.

На ютѣ «Строгаго», сверкаетъ бѣлая скатерть на столикѣ, приготовленномъ для молебна. Вымытые, подстриженные, одѣтые въ праздничную флотскую форму, кадеты ходятъ по палубѣ въ ожиданіи торжества.

Въ каютъ-компаніи накрытъ столъ, на немъ чай, печенія, пирогъ и фрукты для Адмирала, Священника и гостей.

Съ утра вмѣстѣ съ большимъ флотомъ торжественно подняты военные флаги и гордо рѣютъ въ голубомъ пространствѣ.

Маленькіе боцмана съ серебряными дудками на груди важно и строго оглядываютъ свои миноносцы. Чистота судна — гордость боцмана.

Маленькіе сигнальщики на мостикахъ глядятъ неотступно на бѣлыя колонны директорскаго балкона, надъ которымъ у семафора стоитъ кадетъ-сигнальщикъ и ждетъ, когда Адмиралъ, Священникъ и гости отвалятъ на моторномъ катерѣ отъ пристани корпуса. Я хожу по палубѣ «Строгаго» и любуюсь красотой и чистотой этихъ судовъ и молодцами — кадетами.

Синій просторъ Инкерманскаго пролива лежитъ вокругъ миноносцевъ, медленно покачиваются желѣзныя бочки, точно красные маки на синемъ коврѣ. Справа высокіе, изрытые, сложенные корявыми пластами ноздреватаго губчатаго камня берега съ бѣлыми флигелями Корпуса, слѣва кудрявые, густо-зеленые холмы Ушаковой балки съ тихой деревянной пристанью, съ которой старые Севастопольскіе ветераны, когда то, мирно удили рыбу, сплевывая въ воду жеванный табакъ. Теперь она превращена во временный складъ боевыхъ запасовъ, приготовленныхъ для срочной отправки въ военныя части Добровольческой Арміи.

Крѣпкіе деревянные ящики, окованные желѣзомъ, громоздятся высокой кладкой на старомъ помостѣ, въ нихъ сотни патроновъ для полевыхъ и судовыхъ орудій и тысячи пу-

леметныхъ лентъ, ружейныхъ патроновъ, ящики съ порохомъ и мѣшками съ сѣрой.

Такъ и кажется, что подъ ихъ тяжестью прогнется старая пристань и потопитъ ящики съ драгоцѣнной защитой бѣлыхъ орловъ.

Отъ моихъ миноносцевъ до пристани только нѣсколько кабельтовыхъ; но имъ ли опасаться этой боевой близости — кадетамъ — будущимъ героямъ «Андрея Первозваннаго»!

Вѣдь таковымъ каждый изъ нихъ считаетъ уже себя. Вѣдь онъ на суднѣ подъ сѣнью этого флага. А мы все ждемъ и глядимъ на бѣлый балконъ на красные флажки нашего сигнальщика.

— Сигнальщики! — что нѣтъ еще семафора? — кричу я на вахтенный мостикъ.

— Никакъ нѣтъ! — отвѣчаетъ фортовый сигнальщикъ, вытягиваясь въ струнку и отдавая честь.

— Памъ! бацъ! трра, та, та... тта... та! бацъ! бацъ! бацъ! ба-бацъ! три-та-тааа! бацъ! бацъ! и пошло и пошло, затрещало, забухало на тихой пристани, засвистѣло, застонало. — Я оглянулся, офицеры и кадеты бросились на лѣвый бортъ и, какъ зачарованные, смотрѣли во всѣ глаза на горящіе ящики съ патронами и снарядами.

Яркое желтое пламя пожирало ящикъ за ящикомъ, тысячи патроновъ взлетали на воздухъ и пули свинцовымъ дождемъ шлепались объ воду, точно шелъ градъ.

Желтый удушливый дымъ горящей сѣры поднимался къ голубому небу, точно яхонтовый жгутъ по ясной бирюзѣ.

Бацъ! ба-бахъ! бахъ! бахъ. Т-та, та, та...

Такъ и жарило, точно изъ сотенъ пулеметовъ. Высоко взлетали стальные осколки, рѣзко трещали ящики и лопался цинкъ.

Пламя все жарче, сѣрный дымъ все гуще, все зеленѣй!

— Кадеты! — кричу я на миноносцы. — Вотъ Ваше боевое крещенье! Подъ эту боевую музыку мы начинаемъ компанію!

Веселые, бодрые съ задоромъ молодымъ и пылкимъ, они смотрѣли на пожарище, а я въ душѣ глубоко скорбѣлъ, что

такіе большіе запасы бѣдныхъ защитниковъ Крыма тайный врагъ подвергъ уничтоженію.

Всплески воды все приближались къ миноносцамъ. Съ передняго ст. лейт. Помаскинъ въ рупоръ закричалъ мнѣ:

— Г-нъ Кап. 1-го ранга, какъ быть съ кадетами? Осколки ложатся близко къ бортамъ «Свирѣпаго», не ранило бы кого?

— Спрячьте кадетъ подъ броневую палубу! — приказалъ я ему.- Но съ великимъ трудомъ и неохотно ушли они внизъ въ жилую палубу.

Вахтенные же стойко остались на мѣстахъ.

— Орлы! молодцы кадеты!

Въ самый разгаръ пожара, въ самый жаркій моментъ разрыванія болѣе крупныхъ снарядовъ отъ пристани корпуса отвалилъ большой желтый катеръ (бывшая Царская баржа) и подъ веслами направился къ моимъ миноносцамъ.

— Вотъ онъ, ожидаемый Адмиралъ, священникъ и гости, — подумалъ я. — Въ какой красивой феерично-боевой обстановкѣ будетъ отслуженъ молебенъ начала компаніи.

— На миноносцахъ! — закричалъ я. — Кадеты по-вахтенно на шканцы во фронтъ!

Мигомъ вылетѣли по трапамъ кадеты, всѣ до одного и быстро построились на желѣзной верхней палубѣ.

— Равняйсь! Смирно! — прокатилась команда на каждомъ миноносцѣ.

Желтый катеръ несся бурей, взлетали и опускались бѣлыя весла въ рукахъ бравыхъ гардемаринъ.

Я вышелъ къ трапу, чтобы встрѣтить рапортомъ Директора Корпуса.

Но на кормовомъ сидѣньи не было никого. Стоя на кормѣ, Командиръ Гардемаринской роты кап. 1-го ранга Кольнеръ кричалъ мнѣ:

— Адмиралъ приказалъ: сейчасъ же, немедленно свести всѣхъ кадетъ на берегъ въ Инкерманъ.

— Есть! — отвѣтилъ я. Желтый катеръ повернулъ обратно.

— Кадеты на всѣ гребныя суда! — скомандовалъ я.

И черезъ пять минутъ два моихъ катера и шестерка отвалили съ офицерами и со мною отъ бортовъ всѣхъ трехъ миноносцевъ.

Пожаръ свирѣпѣлъ, снаряды рвались все чаще и стальной градъ несся намъ вслѣдъ. Черезъ 20 минутъ, оставивъ катера на храненіе часовымъ «Сухарной» балки, я привелъ кадетъ своихъ фронтомъ, черезъ горы и представилъ роту Директору Корпуса.

Адмиралъ Ворожейкинъ поблагодарилъ меня лично, а потомъ и въ приказѣ всѣхъ офицеровъ и кадетъ за полный порядокъ на миноносцахъ во время взрыва и за быстрый десантъ, свезенный въ образцовомъ порядкѣ.

Кадетъ отвели въ садъ «Голландію», чтобы выждать окончаніе пожара.

У берега стояла четверка; я вскочилъ въ нее и крикнулъ ротѣ:

— Пару смѣльчаковъ ко мнѣ, доставить на миноносцы!

Синей волной двинулась ко мнѣ вся рота — выбирай любого!

Я улыбнулся имъ радостно, какъ хорошимъ друзьямъ, зналъ, что пойдутъ за мною.

— Двоихъ довольно! — сказалъ я.

Въ шлюпку вошли и Брискорнъ и Помаскинъ:

— Разрѣшите, и мы съ Вами!

Отвалили, вышли на палубу.

Желтый дымъ уже низко стлался и ползъ по кустамъ въ гору, какъ нѣкій змѣй.

Изрѣдка все еще шлепались осколки въ загрязненное море, на которомъ плавали разбитыя доски.

Мы обошли миноносцы, чтобы посмотрѣть нѣтъ ли пробоинъ и вдругъ увидѣли въ кубрикѣ кадета-боцмана Бутакова.

— Вы какъ здѣсь? — спросилъ я его. — Почему Вы остались, когда я свезъ всю роту на берегъ?

— Господинъ Капитанъ 1-го ранга, — отвѣтилъ мой

юный боцманъ. — Вы передали мнѣ въ руки Андреевскій флагъ и приказали беречь и охранять его; я и считалъ себя не вправѣ отойти отъ него. Таковъ былъ отвѣтъ моего славнаго боцмана сына Адмирала Бутакова и правнука героя славной защиты Севастополя.

Я крѣпко пожалъ его руку. Спасибо, кадетъ Бутаковъ!

ДЕССАНТЪ

Блѣднымъ золотомъ окрасилось небо надъ Инкерманомъ, розовыя волны побѣжали по голубизнѣ и оранжевый потокъ широкихъ лучей залилъ и голубое и розовое однимъ торжествующимъ цвѣтомъ царственнаго свѣтила.

Оно выкатилось за мѣловыми горами и залило море и горы утреннимъ румянцемъ. Нѣжная прозрачная вуаль поднялась надъ водою и въ этомъ туманѣ тихо отплыли навстрѣчу солнцу гребныя суда съ ввѣренныхъ мнѣ миноносцевъ.

На катерѣ со «Строгаго» былъ я и ст. лейт. ф. Брискорнъ, со «Свирѣпаго» — ст. лейт. Помаскинъ, съ «Номерного» — лейтен. Куфтинъ. На всѣхъ трехъ шлюпкахъ дессантъ кадетъ моей роты съ ротнымъ флагомъ, ружьями и патронами. На миноносцахъ остались только вахтенные и дежурный офицеръ.

Быстро гребли въ утреннемъ холодкѣ шлюпки и мягко скользили по водѣ пролива. Проплыли высокіе берега съ Морскимъ Корпусомъ. «Сухарную» съ боевыми погребами, съ Инкерманскимъ маякомъ и въ зеленыхъ стѣнахъ высокаго камыша вошли въ Черную рѣчку.

Пришвартовали шлюпки къ сваямъ, оставили дневальныхъ и вышли на песчаный берегъ. Построивъ ряды, подъ звуки горновъ и барабановъ двинулъ я роту свою въ Инкерманъ.

Эхо бѣлыхъ скалъ отбрасывало барабанъ и горны. Но вотъ они смолкли, смолкли и горы, и вдругъ подхватили лихую, бодрую пѣснь полковъ Добровольцевъ и прокатилась она надъ селеньемъ и надъ сонной черной рѣкой.

Звонко, задорно пѣли кадеты, не жалѣя молодыхъ голосовъ, твердо и четко отбивали ноги по твердой дорогѣ шоссе.

Гордо рѣялъ Андреевскій флагъ на плечѣ кадета Добровольскаго, ярко горѣли мѣдные горны на утреннемъ солнцѣ.

Удивленные жители Инкермана высовывались изъ оконъ домовъ и долго поворачивали головы въ нашу сторону проѣзжавшіе въ поля мужики.

За густымъ плетнемъ изъ барвинка старая сѣдая бабушка развѣшивала на веревкѣ мокрое бѣлье. Остановилась, открыла глаза, заслонилась отъ солнца.

«Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!» — воскликнула она. «Да какіе все молоденькіе!.. да съ ружьями; кто такіе? Куда ихъ ведутъ? съ ружьями то!.. дѣточки Вы мои!.. Противъ кого? Война то, чай, давно окончена!» — все причитала она, пока фронтъ проходилъ ея плетень.

— Молчи, бабуся, чего не понимаешь! — крикнулъ ей весело на лѣвомъ флангѣ голосъ маленькаго фельдшера, несшаго за спиною походную аптеку.

— Изъ фронта не говорятъ! — осадилъ его взводный: эхъ ты нестроевая!

Звонкіе горны и трубы барабановъ заглушили ропотъ старушки; а «молоденькіе» затянули новую пѣснь Добровольческую.

Послѣ часа походнаго марша, привелъ я роту свою въ большую зеленую долину, въ которой тамъ и сямъ росли яблоки и дикія груши. Долина была окружена высокими стѣнами мѣловыхъ горъ, скалъ и отдѣльныхъ камней. Въ этой живописной долинѣ ст. лейт. Брискорнъ, строевикъ до мозга костей, (и рѣдкій знатокъ всякихъ уставовъ и законовъ службы), организовалъ стрѣльбище и всѣ кадеты подъ присмотромъ своихъ офицеровъ прошли курсъ стрѣльбы изъ ружей стоя, съ колѣна, лежа на разныхъ дистанціяхъ. Отмѣтчики съ указками показывали на цѣли мѣста попаданій. На холмѣ среди обломковъ скалъ и бѣлыхъ камней водрузили ротный флагъ съ часовымъ; тамъ была моя маленькая ставка и сборный пунктъ.

На камнѣ стоялъ маленькій горнистъ и подавалъ сигналы.

По окончаніи учебной стрѣльбы, я пропустилъ мимо се-

бя роту церемоніальнымъ маршемъ по-взводно и сомкнутымъ строемъ, благодарилъ за блестящее прохожденіе. Скалы и горы снова бросали намъ бодрые отвѣты проходившей роты. Горнисты и барабанщики замѣняли музыку. Синимъ блескомъ сверкали штыки. Къ полдню составили ружья, въ долинѣ расположились бивуакомъ, развернули ѣду, питье и вкусно позавтракали на чистомъ воздухѣ.

Потомъ отдохнули, повалялись въ травѣ, собирали цвѣты, играли въ чехарду и другія игры.

Когда солнце начало склоняться къ западу, снялись съ бивуака, провѣрили наличіе, собрали снаряженіе и снова, огласивъ долину барабаннымъ боемъ, вышли на шоссе и пошли къ рѣкѣ.

Тамъ насъ ждали шлюпки и дневальные. Погрузили десантъ. Выкинули весла. И въ наступающихъ сумеркахъ пошли къ своимъ миноносцамъ.

Спускъ флага засталъ насъ дома. Выгружались. Поставили шлюпки на бакштовы. И мирно заснули крѣпкимъ здоровымъ сномъ. Море баюкало легкой качкою.

На штагахъ горѣли огни.

ЛЕЙТЕНАНТЪ ИВАНЪ ДИМИТРІЕВИЧЪ БОГДАНОВЪ

15 марта 1920 г.

Сорвалъ я листокъ календаря. Отдернулъ розовую занавѣсъ и широко распахнулъ большое венеціанское окно моей спальни.

Ароматный весенній воздухъ — смѣсь травы, цвѣтовъ и моря ворвался въ комнату и вмѣстѣ съ нимъ молодой пѣвучій голосъ звонко прокричалъ съ зеленыхъ холмовъ историческаго люнета батареи № 107. «Парижской», временъ славной защиты Севастополя отъ двунадесяти языковъ, лежавшей у моря предъ моимъ окномъ:

— Ваничка, какой ты счастливый! Какой чудный ирисъ ты нашелъ: лиловый, бархатный! темный, чудный, чудный!

— А у меня только лютики золотые, — печально ска-

залъ тотъ же голосъ: — бѣлая ромашка, дикая гвоздика, да мохнатка.

— Утѣшься, Наташа, — отвѣтилъ бодрый, смѣющійся голосъ: — вотъ тамъ на люнетѣ цѣлый коверъ красныхъ маковъ.

Стройной тонкой газелью взбѣжала молоденькая женщина на зеленый холмъ и нагнулась надъ яркими маками; молодой загорѣлый мичманъ весело пробѣжалъ за нею и они, шаля и дразня другъ друга, срывали сочные цвѣты.

— У меня букетикъ больше! — звонко смѣялась молодая, сверкая бѣлыми зубами на яркомъ утреннемъ солнцѣ.

— За то у тебя нѣтъ розовой мальвы, смотри какая у меня славная, — поддразнивалъ ее веселый мичманъ.

Набѣгавшись вдоволь по холмамъ батареи, молодая парочка взялась подъ руки и чинно направилась къ моему крыльцу. Поднялись на третій этажъ, позвонили. Горничная открыла и доложила мнѣ:

— Мичманъ Богдановъ съ супругою.

Я встрѣтилъ ихъ въ своемъ кабинетѣ и усадилъ на широкій диванъ.

— Имѣю честь явиться и представиться, какъ отдѣленный начальникъ ввѣренной Вамъ роты Морского Корпуса, — отрапортовалъ онъ оффиціально; взялъ затѣмъ букетъ изъ рукъ жены и, передавая его мнѣ, сказалъ веселымъ, энергичнымъ голосомъ:

— Позвольте Вамъ, дорогой Владимиръ Владимировичъ, поднести эти цвѣты, правда, они очень скромные, полевые, но зато они отъ искренняго сердца.

Я принялъ этотъ первый привѣтъ моего новаго офицера съ такой же отвѣтной искренностью, ибо никто не являлся ко мнѣ съ букетомъ и потому еще, что я всю жизнь очень любилъ всѣ цвѣты. Такъ до сихъ поръ съ именемъ этого офицера связался навсегда свѣжій и яркій букетъ полевыхъ скромныхъ цвѣтовъ и весенняя молодость Ванички и Наташи на фонѣ зеленой батареи.

— Наталья Михайловна — жена моя, — промолвилъ Иванъ Димитріевичъ Богдановъ и представилъ свою жену. Мы познакомились.

Кадеты 7-й роты.

Во главѣ: Командиръ — Капитанъ 1-го ранга **В. Бергъ.**

«Бѣлый Баталіонъ» Морского Корпуса.

Я съ интересомъ всматривался въ моего сослуживца и слушалъ его разсказъ о жизни и предыдущей службѣ.

Это былъ подвижной, трепещущій здоровьемъ, съ открытымъ лицомъ, маленькими голубыми, живыми глазками человѣкъ, съ широкими жестами. Когда онъ смѣялся, въ глазахъ брызгала радость и веселье. Непочатый край молодой энергіи звучалъ въ словахъ его рѣчи, и я былъ радъ, въ душѣ, такому жизнерадостному сослуживцу.

На разспросы мои онъ разсказалъ мнѣ, что происходитъ онъ изъ казаковъ Полтавской губерніи изъ города Хорола. Воспитывался въ Императорскомъ Лѣсномъ Институтѣ. Я посмотрѣлъ на серебрянный Государственный Орелъ, который солидно украшалъ его флотскую тужурку.

Иванъ Димитріевичъ продолжалъ.

Въ 1915 г. онъ былъ зачисленъ въ Гардемарины флота по механической части и проходилъ курсъ строевого обученія. Въ 1916 году прибылъ изъ Морского Инженернаго Училища въ Кронштадтѣ во 2-й балтійскій экипажъ, гдѣ сталъ Гардемариномъ флота по морской части и назначенъ на отрядъ судовъ Особаго назначенія на крейсеръ «Варягъ». Съ этого крейсера перешелъ на Курсы Гардемаринъ Флота. Въ 1917 году произведенъ въ младшіе унтеръ-офицеры Гардемаринъ. Въ іюнѣ того же года произведенъ въ Мичманы дѣйствительной службы.

Получилъ назначеніе Вахтеннымъ офицеромъ на линейный корабль «Андрей Первозванный», вскорѣ сталъ вахтеннымъ Начальникомъ Центральнаго Поста на этомъ дредноутѣ.

Тутъ нагрянула на великую Родину безумная революція и, потерявшіе способность здраво мыслить, матросы «Андрея Первозваннаго» замѣнили флагъ этого великаго Апостола, флагомъ красной крови.

На башняхъ, мостикахъ, поручняхъ и пушкахъ растянулись красные плакаты и ленты кумача и на этихъ кровяныхъ полотнахъ, какъ зубы хищниковъ зарябили бѣлыя буквы: «Долой Имперію!» «Да здравствуютъ Совѣты!» «Вся власть рабочимъ, солдатамъ и крестьянамъ!» «Смерть буржуямъ и капиталистамъ!»

Мичманъ Богдановъ, сослался на болѣзнь отца — помѣщика Полтавской губерніи и получилъ отпускъ на родину.

Преданный ему и, любившій его искренно, вѣстовой матросъ, какъ мать ребенка, снарядилъ его въ путь-дорогу и заботливо обшилъ все золотое и всѣ пуговицы его форменной одежды чернымъ сукномъ.

— Такъ Вамъ будетъ ѣхать спокойнѣе, — сказалъ вѣстовой, — и въ дорогѣ никто не обидитъ.

Въ чемоданъ своего мичмана-барина положилъ онъ и свой портретъ съ сердечной надписью на память о прежнемъ добромъ русскомъ матросѣ.

5 декабря 1917 года Иванъ Димитріевичъ съ горечью и печалью на сердцѣ покинулъ родной корабль и по желѣзной дорогѣ отправился на югъ къ роднымъ пенатамъ.

Отъ души, я посочувствовалъ молодому мичману, что не удалось ему поплавать на «Андреѣ Первозванномъ» и повидать моря и океаны; но къ удивленію своему, узналъ я, что, не смотря на свою молодость, Иванъ Дмитріевичъ еще Гардемариномъ флота успѣлъ пройти на крейсерѣ «Варягѣ» 15.864 мили, пересѣкая Великій и Индійскій океанъ, Средиземное море, Атлантическій и Сѣверный Ледовитый!

— Ну и повезло же Вамъ, Иванъ Дмитріевичъ, — воскликнулъ я: — такое обиліе океановъ иногда не выпадало на долю и старымъ капитанамъ!

— Да поплавали мы славно и поштормовали основательно, — довольнымъ голосомъ отвѣтилъ ученый мичманъ.

Затѣмъ онъ продолжалъ. Изъ отпуска онъ не вернулся въ Балтійскій флотъ по случаю большевистскаго переворота, и взятъ былъ на учетъ Главнымъ Морскимъ штабомъ въ Кіевѣ въ 1918 году.

На слѣдующій годъ былъ на учетѣ въ Одесскомъ порту и въ мартѣ мѣсяцѣ назначенъ комендантомъ транспорта «Россія».

И вскорѣ комендантомъ тральщика «Ольга». Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1919 года былъ вахтеннымъ начальникомъ и ротнымъ командиромъ вспом. крейсера «Цесаревичъ Георгій», состоялъ офицеромъ для связи со штабомъ генерала Слащева въ бое-

выхъ операціяхъ подъ Херсономъ и Николаевымъ. Затѣмъ штурманскимъ офицеромъ на «Цесаревичѣ Георгіи».

И въ ноябрѣ того же года назначенъ помощникомъ коменданта Херсонскаго порта и уполномоченнымъ контролеромъ торговли и промышленности. Приказомъ Командующаго Черноморскимъ флотомъ въ 1920 году съ 1 марта Иванъ Димитріевичъ былъ назначенъ Отдѣленнымъ Начальникомъ Морского Корпуса. 15 марта онъ пріѣхалъ изъ Херсона въ Севастополь, гдѣ я въ первый разъ познакомился съ этимъ молодымъ, энергичнымъ офицеромъ.

Вотъ какой необыкновенный мичманъ явился мнѣ въ это памятное утро съ весеннимъ букетомъ цвѣтовъ.

Познакомились, наговорились, разстались. Двѣ недѣли спустя. мичманъ Богдановъ вступилъ въ должность Начальника III-го Отдѣленія ввѣренной мнѣ роты кадетъ и съ первыхъ же дней своей новой дѣятельности завоевалъ симпатію своихъ воспитанниковъ, вложивъ душу свою въ дѣло свое и, окруживъ дѣтей-кадетъ материнскою заботою: душа, умъ, ружье, одежда, обувь кадета, его обученіе и развлеченіе все было взято подъ опеку молодого отдѣленнаго Н-ка и никакая мелочь въ ихъ жизни не казалась ему маловажной. Я радовался, что это III-е отдѣленіе, часто сиротѣвшее безъ офицера, наконецъ дождалось своего постояннаго воспитателя.

Но радость моя была недолга.

25 апрѣля 1920 года приказомъ Командующаго Черноморскимъ Флотомъ Иванъ Дмитріевичъ былъ отчисленъ отъ Морского Корпуса въ распоряженіе Капитана 1-го ранга Машукова. Мичманъ Богдановъ сталъ помощникомъ начальника базы 2-го отряда судовъ Черноморскаго Флота въ Керчи.

13 октября 1920 г. его произвели въ чинъ Лейтенанта за отличіе по службѣ, приказомъ Главнокомандующаго Русской Арміей.

Въ ноябрѣ молодой Лейтенантъ Богдановъ назначается Старшимъ Морскимъ Начальникомъ гидрографическаго судна «Вѣха» и во главѣ цѣлаго каравана судовъ производитъ эвакуацію изъ Керчи 1350 бѣженцевъ, которыхъ онъ ведетъ въ Константинополь въ составѣ 2-го отряда Судовъ Черноморскаго флота.

Въ Мраморномъ морѣ на лин. корабль «Генералъ Алексѣевъ» прибылъ Начальникъ Штаба Контръ-Адмиралъ Машуковъ и заботливо обошелъ всѣ помѣщенія, гдѣ устроились и жили воспитанники открытаго имъ Корпуса. Опросилъ ротныхъ командировъ о нуждахъ ихъ. Я отвѣтилъ Николаю Николаевичу, что у меня не хватаетъ офицеровъ-воспитателей.

— Кого же Вы хотите? — спросилъ Контръ-Адмиралъ Машуковъ.

— Верните мнѣ Лейтенанта Богданова, онъ такъ хорошо взялся за наше трудное дѣло, и отдѣленіе кадетъ его очень полюбило.

Начальникъ Штаба согласился исполнить мою просьбу и во время стоянки нашей въ Константинополѣ III-е отдѣленіе кадетъ моей роты вновь увидѣло Лейтенанта Богданова своимъ внимательнымъ и заботливымъ Отдѣленнымъ Начальникомъ.

Изъ Константинополя мы пошли въ Наваринъ, затѣмъ на долгую стоянку въ Африку въ Бизерту. Тамъ Иванъ Димитріевичъ былъ назначенъ Старшимъ Отдѣленнымъ Начальникомъ въ іюнѣ 21-го года; а въ сентябрѣ того же года вступилъ въ Завѣдываніе Хозяйственной Частью временно за отъѣздомъ въ отпускъ Ст. Лейтенанта Помаскина.

17 ноября 1921 г. сталъ самъ Завѣдывающимъ Хозяйственной Частью Морского Корпуса, которой правилъ вплоть до 21 апрѣля 1923 года. Сдавъ всѣ дѣла Лейтенанту Жуку, Иванъ Дмитріевичъ Богдановъ покинулъ Бизерту и на французскомъ пароходѣ уѣхалъ во Францію, гдѣ работалъ шоффером.

Въ своей большой, уютной комнатѣ въ тихой окрестности Парижа — Неильи, въ кругу былыхъ моряковъ и соратниковъ вспоминаетъ Иванъ Дмитріевичъ Богдановъ, за вечернимъ чаемъ подъ теплымъ свѣтомъ ласковой лампы, свои боевые труды въ составѣ пѣхотныхъ и артиллерійскихъ партизанскихъ частей въ борьбѣ съ большевиками съ 10 мая по 1 іюля 1918 года.

Вспоминаетъ дружины Генерала Кирпичева въ борьбѣ съ большевиками и Петлюровцами съ 1 ноября по 15 декабря 1918 года.

И боевое плаваніе на крейсерѣ «Цесаревичъ Георгій» въ операціяхъ противъ красныхъ въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ подъ Херсономъ съ 14 апрѣля по 17 ноября 1919 г.

Говорятъ они и о славномъ II отрядѣ судовъ Черноморскаго флота подъ Николаевскимъ брейдвымпеломъ Контръ-Адмирала Машукова, о дессантныхъ операціяхъ Ген. Слащева, Генерала Улагая, на Кубани, въ Тамани и подъ Бердянскомъ и о другихъ операціяхъ по прикрытію эвакуаціи съ мая по ноябрь 1920 года.

Въ Парижѣ Лейтенантъ Богдановъ отыскалъ Гардемаринъ и Кадетъ Морского Корпуса и его отыскали бывшіе воспитанники и сложилъ онъ ихъ снова вмѣстѣ въ Морское дружное объединеніе, энергіей своей бодрилъ въ нихъ духъ и раздувалъ лампаду передъ образомъ Андрея Первозваннаго, призывалъ молодыя силы къ борьбѣ за существованіе, къ самообразованію и служенію наукѣ и родной идеѣ моря и военнаго моряка. Когда родилась Каютъ-Компанія и Военно-Морской Союзъ Иванъ Димитріевичъ убѣжденіями, ходатайствами долгими и упорными сдѣлалъ ихъ членами той и другой морской организаціи, будучи и самъ членомъ и сотрудникомъ этихъ и многихъ другихъ.

Командующій Бѣлымъ Флотомъ и Начальникъ Военно-Морского Союза — Адмиралъ Кедровъ замѣтилъ эту энергичную, полезную и неусыпную работу и заботу о молодыхъ морякахъ Лейтенанта Богданова и сдѣлалъ его Предсѣдателемъ Объединенія всѣхъ Гардемаринъ, Кадетъ и Охотниковъ Флота. Голубой автомобиль-люксъ стоитъ у воротъ Союза Галлиполійцевъ на рю Мадемуазель и на рю Колизэ; въ освѣщенныя окна большого зала видны головы и лица молодыхъ и бодрыхъ членовъ объединенія, среди которыхъ возсѣдаетъ ихъ молодой и энергичный предсѣдатель и, размахивая бодро рукою, внушаетъ имъ одну и ту же мысль:

«Чтобы стать хорошимъ морскимъ офицеромъ и съ пользою служить далекой и великой Родинѣ, нужно, господа, пока учиться, учиться и учиться!».

Такъ продолжаетъ Иванъ Дмитріевичъ Богдановъ свою воспитательскую дѣятельность на пользу Возрожденной Рос-

сіи, говоритъ долго, за полночь. Въ ближнемъ храмѣ на высокой колокольнѣ отбиваютъ колокола 12 часовъ ночи.

Голубой автомобиль летитъ въ тихое Неильи, чтобы съ утра нестись по Парижу за кускомъ насущнаго хлѣба.

ПРІѢЗДЪ ГЕНЕРАЛА БАРОНА ВРАНГЕЛЯ

На рѣдкость высокаго роста, стройный и тонкій, какъ эриванскій тополь, бравый Генералъ, въ черной папахѣ, проломленной по-срединѣ мягкимъ проломомъ, въ коричневомъ казакинѣ. Тонкій казачій ремень съ серебряными пряжками туго охватываетъ тонкую талію.

На ремнѣ кривая казачья шашка; на груди патроны серебра съ чернядью.

Моложавое, загорѣлое лицо его дышетъ отвагою, силой, энергіей и волей.

Большіе голубые глаза его смотрятъ ясно и бодро впередъ.

Быстрымъ шагомъ идетъ онъ съ пристани корпуса къ фронту Гардемаринъ и Кадетъ. Звонкимъ сильнымъ голосомъ онъ протяжно кричитъ:

«Здравствуйте, Гардемарины и Кадеты Морского Корпуса!!»

Басы Гардемаринъ и тенора Кадетъ сливаются въ громкое и дружное: — «Здравія желаемъ, Ваше Превосходительство!»

Главнокомандующій Бѣлой Арміей Генералъ баронъ Врангель обходитъ фронтъ, внимательно оглядываетъ каждаго воспитанника и обращается къ Корпусу съ бодрящей патріотической рѣчью.

Всѣ глаза на немъ — Полновластный Владыка всего Юга Россіи, по волѣ котораго движутся десятки тысячъ воиновъ всѣхъ родовъ оружія, которому повинуются Армія и Флотъ и всѣ города и порты занятыхъ имъ областей.

Предъ ними сила и они смотрятъ на нее съ юношескимъ восторгомъ, съ вѣрою и упованіемъ.

«Вы всѣ въ зеленомъ, — заканчиваетъ рѣчь свою ге-

нералъ Врангель. — Я привыкъ видѣть моряковъ въ синемъ, это цвѣтъ вашего моря! Я дамъ вамъ синее сукно. Портъ сошьетъ вамъ кителя, голландки и шинели. Будете вы въ своемъ природномъ цвѣтѣ».

Директоръ Корпуса горячо благодаритъ Главнокомандующаго.

«Покорно благодаримъ, Ваше Превосходительство!» — радостно кричатъ гардемарины и кадеты.

Генералъ Врангель съ Директоромъ, свитою и офицерами Корпуса обходитъ всѣ жилыя и классныя помѣщенія ротъ во флигеляхъ, а затѣмъ поднимается по шоссе къ главному зданію на горѣ.

У входа въ корпусную Церковь встрѣчаетъ его священникъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ. Послѣ краткой молитвы благословляетъ отецъ Александровъ Генерала Врангеля и обращаетъ къ нему теплое, прочувствованное слово. Онъ кончаетъ его такими словами:

«Ты Петръ — камень. И на этомъ камнѣ да созиждется храмъ сей.

Помоги достроить эту Храмину во славу Господа и на радость Флоту.

Спаси домъ сей отъ разрушенія и укрѣпи его силой десницы твоей».

Генералъ Врангель приложился ко Св. Кресту и обѣщалъ взять Корпусъ подъ свое покровительство и помочь ему достроиться.

Обойдя затѣмъ все величественное зданіе, классы, спальни, залы, галлереи, роты, столовыя, учебные кабинеты, бассейны для плаванія, все въ еще недостроенномъ и частью только распланированномъ видѣ, Генералъ поразился грандіозностью замысла этой оригинальной и красивой постройки талантливаго инженера-строителя Александра Венсанъ и еще больше проникся желаніемъ утвердить и достроить этотъ великолѣпный храмъ Морской Науки.

«Ты Петръ — камень и на этомъ камнѣ созижди Храмину сію», — звучали въ ушахъ его проникновенныя слова Настоятеля.

Большое сердце большого человѣка жаждало исполнить

это обѣщаніе; но глубокій и трезвый умъ шепталъ ему: «это, пока, невозможно».

Простившись съ моряками, поджидавшими его на берегу, Главнокомандующій отбылъ на бѣломъ катерѣ къ себѣ въ Севастополь.

Радостныя мечты охватили всѣхъ.

Будетъ достроенъ Морской Дворецъ — корпусъ. Всѣ мы одѣнемъ синее морское обмундированіе. Выйдемъ изъ тѣсныхъ флигелей на просторъ громаднаго зданія.

Среди бѣлыхъ массивныхъ колоннъ на широкой паперти будетъ стоять Директоръ Корпуса. Розовая лента Св. Станислава І-й степени обовьетъ его плечо и грудь и серебряная звѣзда засіяетъ на груди возлѣ самаго сердца.

По асфальтовой дорогѣ Церемоніальнымъ маршемъ пройдетъ синій батальонъ Гардемаринъ и Кадетъ, подъ свою музыку, съ роднымъ знаменемъ Корпуса и обовьетъ эти бѣлыя колонны ихъ мощный крикъ и громкое ура!

Да будетъ такъ!.. Да будетъ.

Вотъ какія мечты посѣялъ тогда въ сердцахъ нашихъ пріѣздъ Генерала барона Врангеля, и... какъ страшно и неумолимо разрушила Судьба всѣ эти упованія; кромѣ, правда, синяго сукна; добраго, крѣпкаго сукна, которое носимъ и по-нынѣ.

— Катеръ Командующаго Флотомъ !— закричалъ дежурный кадетъ, посмотрѣвъ въ окно ротнаго флигеля и побѣжалъ докладывать дежурному по корпусу офицеру.

Офицеръ доложилъ Директору Корпуса.

— Гардемаринъ и кадетъ во фронтъ!

Черезъ пять минутъ на строевой площадкѣ стояли во фронтѣ Гардемарины и Кадеты со всѣми офицерами своихъ ротъ.

Бѣлый катеръ «Пулеметъ» подошелъ къ пристани. Изъ катера вышелъ Вице-Адмиралъ Герасимовъ въ англійскомъ френчѣ съ русскими адмиральскими погонами, въ широкомъ поясѣ желтой кожи, на которомъ въ кобурѣ висѣлъ револьверъ.

Новый Командующій Флотомъ поздоровался съ воспитанниками и обошелъ фронтъ, внимательно осматривая каждаго офицера, гардемарина и кадета своими темными бархатными глазами.

Онъ снималъ съ ихъ головъ фуражки, осматривалъ головы и заглядывалъ за воротникъ.

— Вшей нѣтъ? — спрашивалъ Командующій.

— Никакъ нѣтъ, Ваше Превосходительство! — отвѣчалъ Директоръ: — кадеты содержатся чисто, ихъ стригутъ и у нихъ есть баня въ подвалѣ.

Осмотрѣвъ воспитанниковъ, Адмиралъ Герасимовъ обошелъ всѣ ротныя помѣщенія, внимательно все осматривая и разспрашивая ротныхъ командировъ и инспектора классовъ. Перешелъ въ гардемаринское зданіе, въ канцеляріи, гдѣ присѣлъ. Въ канцеляріи Директоръ Корпуса излагалъ Адмиралу жизнь, ученье и нужды воспитанниковъ; а Командующій внимательно выслушивалъ его и давалъ совѣты.

Въ эту минуту Директоръ Корпуса и не подозрѣвалъ, что бесѣдуетъ онъ со своимъ замѣстителемъ, который приметъ изъ рукъ его Севастопольскій Морской Корпусъ.

Съ бѣлыхъ балконовъ слѣдили глазами за Командующимъ и его свитою, милые, любознательные глаза корпусныхъ дамъ и изъ устъ въ уста потекли слова: «а вы слышали?.. а вы знаете?.. Душечка, а вѣдь Адмиралъ Ворожейкинъ-то уходитъ. Директоромъ Корпуса будетъ не то Ненюковъ, не то Адмиралъ Герасимовъ».

И то, что шептали уста эти женскія, то и сбылось; не сейчасъ, но въ скоромъ времени. Не въ Севастополѣ, а въ Константинополѣ; не въ Корпусѣ; а на линейномъ кораблѣ — на «Генералѣ Алексѣевѣ».

Подойдя ко мнѣ, печальнымъ голосомъ сказалъ мнѣ Адмиралъ Ворожейкинъ: — «Знаете, Вл. Вл... я... уже не Директоръ».

И вспомнился мнѣ тогда звонъ далекаго колокола въ храмѣ Братскаго Кладбища, когда этотъ самый Адмиралъ вошелъ на бѣлый балконъ съ колоннами, освѣщенными зака-

томъ солнца, и бодро и весело сказалъ: — «Вотъ, Вл. Вл., я опять Директоръ».

Такъ незримые, но властные персты переставляютъ фигуры людей на шахматной доскѣ жизни, и никто не знаетъ ни дня, ни часа, когда и куда переставитъ его Судьба.

БѢЛЫЙ АДМИРАЛЪ И КРЫМСКАЯ ЭВАКУАЦІЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Двѣнадцать бѣлыхъ греческихъ колоннъ на Іоническихъ капителяхъ поддерживали бѣлый фронтонъ и крышу Графской пристани.

Сорокъ бѣлыхъ широкихъ ступеней сбѣгало къ водѣ Южной бухты города Севастополя. Довольно сильный вѣтеръ съ сѣвера гналъ бѣлыя облака на югъ по нѣжно-голубому небу. Мелкія острыя волны бились о камни набережной и лизали привальный брусъ деревяннаго помоста пристани, осаждаясь жемчужными каплями на зеленой бородѣ тины и водорослей, на мокрыхъ сваяхъ и доскахъ.

Слѣва плясали на волнахъ зелено-красные ялики перевозчиковъ, справа держались крюками военные вельботы и шестерки.

Точно бѣлый лебедь, плавно колыхалась офицерская байдарка.

Крѣпкимъ непробуднымъ сномъ спали мраморные львы на своихъ пьедесталахъ, цѣлое столѣтіе, сквозь сонъ, охраняли они парадную Графскую пристань.

Въ этотъ часъ, пересѣкая площадь съ памятникомъ Адмиралу Нахимову, мимо гостинницы Киста, шли быстрымъ шагомъ четыре человѣка. Шедшій впереди былъ въ штатскомъ. По элегантности его одежды можно было предполагать, что онъ только что прибылъ изъ заграницы; трое за нимъ были въ формѣ морскихъ офицеровъ.

Дойдя до портика бѣлыхъ колоннъ, они всѣ разомъ остановились. Къ человѣку въ штатскомъ подошелъ старшій изъ спутниковъ и, проведя рукою по всему горизонту, просящимъ, убѣждающимъ голосомъ сталъ говорить ему:

— Ваше Превосходительство, посмотрите вокругъ себя: вотъ южная бухта, въ ней громадный портъ, мастерскія, плавучіе доки, дивизіоны подводныхъ лодокъ, эскадренныхъ миноносцевъ; тамъ выше, на горѣ Корабельной стороны экипажи морскихъ командъ, морской госпиталь; у берега крейсера и броненосцы, на рейдѣ дредноутъ.

Тамъ, на сѣверной сторонѣ сухой докъ Наслѣдника Цесаревича, Инкерманъ съ его бомбовыми погребами и складами боевого снабженія; тамъ дальше, близь Ушаковой балки, Морская Авіація и минная станція; а тамъ на горѣ колыбель флота — Морской Корпусъ! Все это будетъ Ваше! все это подчинится волѣ вашей и будетъ покорно вашему слову! Примите постъ Командующаго флотомъ Чернаго моря. Вы здѣсь человѣкъ новый. У васъ блестящее прошлое. Вашъ авторитетъ уважаемъ. Ваше имя имѣетъ вѣсъ, оно объединитъ все, что не поддалось еще заразѣ и растлѣнію и встряхнетъ и ободритъ растерявшихся и ослабѣвшихъ въ борьбѣ.

Примите постъ Командующаго флотомъ, Вы тѣмъ спасете Флотъ и поможете Арміи въ ея борьбѣ противъ красныхъ враговъ; а въ случаѣ невозможности бороться, спасете и Флотъ и ее, уведя отъ враговъ и ихъ плѣна».

Тотъ, котораго такъ горячо уговаривалъ искуситель, стоялъ, облокотясь на бѣлую колонну, и снялъ шляпу, чтобы освѣжить свою голову.

Облака разрывались на клочья и солнце поминутно освѣщало пристань.

Освѣтило и его блѣдное, вдохновенное въ ту минуту, лицо. Вѣтеръ игралъ его черными, съ легкой просѣдью, волосами, разбрасывая пряди по высокому чистому лбу.

Синіе глааз его, синевой своей спорившіе съ небомъ и моремъ, съ восторгомъ и глубокимъ интересомъ смотрѣли на прекрасную панораму неба, моря и горъ, бѣлаго живописнаго города Севастополя на этихъ холмахъ, и массу кораблей, разбросанныхъ по синимъ бухтамъ въ зеленыхъ цвѣтущихъ берегахъ съ тополями и кипарисами.

Губы плотно сжались; между черными бровями легла складка заботы. Сердце боролось и билось въ груди. Круглый энергичный подбородокъ морщился ямочкой.

Въ мозгу рождались рѣшенія, боролись мысли, взвѣшивалъ разумъ. И, какъ вѣтеръ, надъ его головою, гналъ по небу разорванныя тучи, такъ и въ головѣ его неслись съ быстротою мысли изъ бурнаго настоящаго въ далекое прошлое. Вдругъ глаза его потемнѣли, освѣтилось лицо улыбкой мечтательной, и забылъ онъ въ мечтѣ своей все свое окруженіе.

Распахнулись широкія двери ясной памяти. И видитъ онъ огромный залъ Морского Корпуса Петербургскаго и, въ концѣ его, подъ всѣми парусами бригъ «Наваринъ».

Слѣва — черной массой въ золотѣ съ ружьями и саблями стоитъ морской баталіонъ гардемаринъ и кадетъ его сотоварищей. Справа полонъ залъ блеска, лентъ, эполетъ Адмираловъ, морскихъ офицеровъ, на хорахъ высокихъ, на бѣлыхъ колоннахъ, живыя гирлянды нѣжнѣйшихъ цвѣтовъ — дамъ и барышень.

— Смирно! подъ знамя! слушай на кра-улъ!

Щелкаютъ ремни на винтовкахъ; сверкаютъ штыки и обнаженныя сабли. Музыка гремитъ на правомъ флангѣ.

Дверь распахнулась; и, ведомый адъютантомъ, входитъ онъ. Онъ, для кого всѣ эти крики, всѣ эти ружья, музыка, штыки. Онъ, на кого направлены всѣ взгляды, всѣ помыслы, мечты.

Фельдфебель онъ, знаменщикъ Корпуса!

Блѣднолицый красавецъ, брюнетъ съ синими глазами, I-й ученикъ Старшей Гардемаринской роты, фельдфебель знаменщикъ. Какая честь! Какая слава! Что такъ пріятно «гордою тяжестью» давитъ плечо, напираетъ на золотой якорь на бѣломъ погонѣ, вдоль и поперекъ обшитомъ галуномъ. Это бѣлое древко съ золотымъ копьемъ; а за спиной «торжественно шуршитъ» тяжелый, плотный, бѣлый шелкъ родного знамени и блестятъ на немъ инициалы и короны Царей, шитыя золотомъ по голубому кресту Андрея Первозваннаго.

Всѣ глаза на немъ: на знамени и на томъ, кто, съ такою честью, несетъ его, достойно и заслуженно.

Да, Морской Корпусъ... дорогое и свѣтлое воспоминаніе. И еще одно: въ роскошномъ аванъ-залѣ у парадной лѣстницы, тамъ, гдѣ собираются всѣ родные навѣщать кадетъ, гардемаринъ, надъ диванами краснаго бархата, среди картинъ

Айвазовскаго морскихъ сраженій и славы флота, среди бѣлаго мрамора бюстовъ Императоровъ, на бѣлой мраморной доскѣ золотомъ выбито: 1899 годъ окончилъ первымъ Морской Корпусъ Кедровъ Михаилъ.

Да, Морской Корпусъ! дорогое и свѣтлое воспоминаніе. Лестно его имѣть подъ своимъ началомъ.

Онъ стоялъ на вершинѣ лѣстницы этой бѣлой Графской пристани и видѣлъ другую высокую лѣстницу его блестящей офицерской службы, и восходилъ по ней со ступени на ступень.

Красавецъ знаменщикъ превратился въ мичмана, золотые круглые эполеты легли на юныя плечи, рука съ гордостью покоилась на золотомъ эфесѣ морского палаша.

Пронеслось, какъ видѣніе, красное зданіе 18-го флотскаго экипажа и молодцы матросы на плацу во время строевыхъ занятій.

Величаво прошелъ по сѣро-стальному Балтійскому морю броненосецъ «Императоръ Николай I-й», шесть мѣсяцевъ на немъ проплавалъ мичманъ. И выдѣлился такъ по службѣ, что его назначили въ трехгодовое заграничное плаваніе на крейсерѣ «Герцогъ Эдинбургскій». На немъ, обойдя всѣ моря, океаны и земли, вернулся онъ на родину и поступилъ въ Михайловскую Артиллерійскую Академію, которую, какъ и Морской Корпусъ окончилъ онъ первымъ ученикомъ.

На золотые эполеты легли три серебряныхъ звѣздочки и молодой лейтенантъ взятъ флагъ-офицеромъ къ знаменитому Адмиралу Макарову и уѣзжаетъ съ нимъ въ Портъ-Артуръ.

Мелькнулъ голубой Печилійскій заливъ и темныя горы Квантунскаго полуострова, кольцомъ обхватившія бухту.

Въ этой бухтѣ стоятъ родные Русскіе корабли подъ Андреевскимъ флагомъ.

Стоятъ во внутреннемъ бассейнѣ Артура и ждутъ подъема воды въ обмелѣвшей бухтѣ, чтобы выйти, узкимъ проходомъ на внѣшній рейдъ, гдѣ поджидалъ ихъ хитрый врагъ — Японецъ.

Спрятанный въ заливѣ за непроницаемой стѣною горъ, японскій флотъ бомбардируетъ флотъ въ бассейнѣ. Адмиралъ

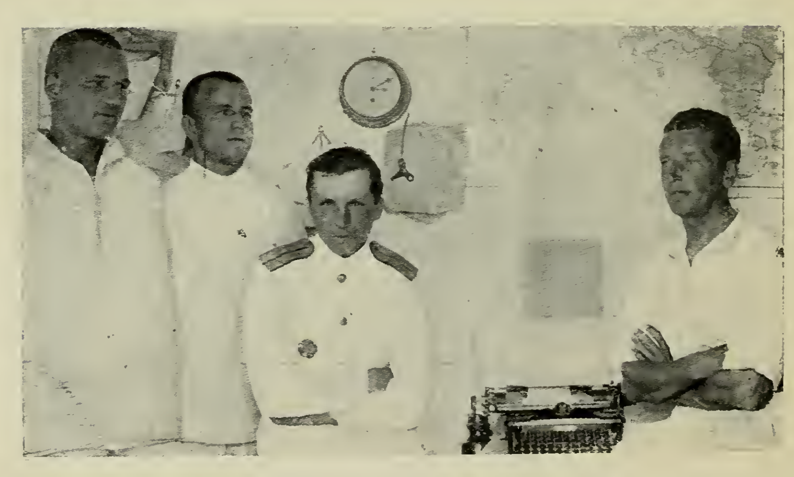
Крейсеръ «Алмазъ».

Бизерта, 1922 г.
Маршалъ **Петэнъ,** Адмиралъ **А. М. Герасимовъ**
и Адмиралъ **Экзельмансъ.**

Группа офицеровъ Морского Корпуса.

Хозяйственная часть Морского Корпуса. Во главѣ: Завѣдующій ею Лейтенантъ **И. Д. Богдановъ.**

Макаровъ приказываетъ спрятать всѣ команды подъ броневыя палубы; а самъ со своимъ флагъ-офицеромъ въ открытомъ катерѣ ходитъ по бассейну, обходя корабли своего флота.

Надъ ними, вокругъ нихъ свистятъ, летятъ и разрываются японскіе снаряды, взвивается фонтанами вода и громкое ура несется съ кораблей навстрѣчу адмиралу и лейтенанту Кедрову, презрѣвшимъ опасность и смерть... Коварный врагъ готовитъ брандеры для загражденія выхода на внѣшній рейдъ. Эти брандеры полны камней и цемента. Опасность грозная повисла надъ эскадрой. Темная ночь лежитъ на горахъ Портъ-Артура. Серебряные мечи прожекторовъ бѣгаютъ по черной водѣ, разсѣкая тьму и отыскивая непріятеля. Вотъ поймали одинъ, другой, третій. 14 брандеровъ шли затопить проходъ изъ Портъ-Артура. Адмиралъ Макаровъ встрѣтилъ ихъ ураганнымъ огнемъ; но они все шли, гибли и шли, пока первый не приткнулся у входа. Красно-желтымъ факеломъ вспыхнулъ японскій брандеръ и весь бассейнъ освѣтился его кровавымъ свѣтомъ.

— Лейтенантъ Кедровъ! — приказалъ Адмиралъ, — потушите пожаръ!

Жгучая гордая радость охватила сердце браваго лейтенанта; захвативъ людей, бросился онъ на катерѣ къ горящему брандеру и вскочилъ на него. Ловко и быстро перерѣзалъ стальной шнуръ, ведшій къ адской машинѣ.

Подъ ногами его на палубѣ синимъ пламенемъ горѣлъ разсыпанный уголь, политый керосиномъ. Задыхаясь въ чаду и дыму, онъ бросился съ матросами въ это море огня и принялся тушить его всѣми мѣрами. Снаряды и пули своихъ батарей свистали и рвались надъ ихъ головою. Пожаръ былъ потушенъ. Брандеры потоплены. И на другое утро Русскій флотъ свободно вышелъ изъ бассейна навстрѣчу японскому.

— Да, славная ступень моей службы, — думаетъ онъ теперь, глядя на Черное море, съ шумомъ притекающее къ бѣлымъ ступенямъ.

А мысли бѣгутъ дальше. Съ сердечной грустью подумалъ о гибели славнаго Адмирала Макарова и видитъ себя флагъ-офицеромъ Намѣстника Генералъ-Адъютанта Алексѣе-

ва, а затѣмъ Старшимъ флагъ-офицеромъ всей Портъ-Артурской эскадры.

Вспомнилъ великую осаду Портъ-Артура и его геройскую защиту, во время которой былъ онъ раненъ, и плаваніе свое на «Цесаревичѣ», гдѣ снова былъ серьезно раненъ и обожженъ въ бою съ японскимъ флотомъ.

Мелькнули въ памяти китайскія воды, гдѣ встрѣтилъ онъ, послѣ выздоровленія, эскадру Адмирала Рождественскаго и былъ назначенъ артиллерійскимъ офицеромъ на крейсеръ «Уралъ». А вотъ надвинулся и затмилъ все собою, грозный, кровавый бой при Цусимѣ.

Видитъ, какъ погибъ родной «Уралъ»; видитъ себя подобраннымъ на транспортѣ «Анадырь», который и доставилъ его обратно въ далекую и милую Россію.

И новая ступень: дорогое и свѣтлое воспоминаніе.

Ясный, лѣтній день. Сѣро-стальное Балтійское море кажется болѣе синимъ отъ яснаго неба. На морѣ — суда учебно-артиллерійскаго отряда. Вымытые и окрашенные, точно къ свѣтлому празднику, стоятъ корабли въ ожиданіи высочайшаго смотра Государя Императора.

На мостикахъ вахтенные не отрываются отъ биноклей и трубъ. — Идетъ. Приближается. Входитъ на рейдъ Царская яхта. Желтый Штандартъ съ Чернымъ Орломъ Государства Россійскаго рѣетъ въ голубомъ небѣ высоко на гротъ-мачтѣ. Вошла. Загремѣла канатомъ и стала на якорь.

Длинными нитями вытянулись команды по черному пазу на бѣлыхъ палубахъ кораблей отряда и замерли въ гробовой тишинѣ въ трепетномъ и радостномъ ожиданіи.

У борта Царской яхты закачался желтый полированный катеръ съ мѣдной, ярко-горящей на солнцѣ, трубой. Въ него сошелъ Государь и свита. Адмиралъ Ниловъ всталъ у руля. Катеръ отвалилъ. Еще тише стало на судахъ. Ждали, затаивъ дыханіе.

Черезъ минуту онъ присталъ къ трапу учебнаго корабля «Петръ Великій»; капитанъ 1-го ранга Кедровъ встрѣтилъ рапортомъ своего Государя.

Императоръ привѣтствовалъ офицеровъ, почетный кара-

улъ и команду. Судовой оркестръ игралъ встрѣчу. Громовое ура неслось по рейду и перекинулось на другія суда.

И было въ этихъ крикахъ столько любви, преданности и вѣрности своему Монарху, что и Его лицо освѣтилось отвѣтной милой улыбкой и прекрасные голубые глаза съ отеческой ласкою останавливались на каждомъ матросѣ.

— Учебное судно къ осмотру! — скомандовалъ Кедровъ.

И въ мигъ все пришло въ движенье. Сломя голову, неслось по палубамъ и трапамъ и снова замерло на своихъ мѣстахъ.

Командиръ «Петра Великаго» показывалъ Государю свой корабль и его артиллерію, доведенную его трудами, энергіей и познаніями до полнаго совершенства въ стрѣльбѣ.

Съ большимъ вниманіемъ и интересомъ Государь осмотрѣлъ корабль, его вооруженіе, ученія команды у орудій и башенъ, результаты стрѣльбы и остался всѣмъ чрезвычайно доволенъ. Въ знакъ своего Монаршаго благоволенія, крѣпко пожалъ Командиру Кедрову руку, благодарилъ его за прекрасную постановку дѣла стрѣльбы въ Балтійскомъ флотѣ и поздравилъ его своимъ Флигель-Адъютантомъ. Затѣмъ подъ ликующіе крики и звуки музыки Государь отбылъ съ «Петра Великаго» и прослѣдовалъ на прочіе корабли.

На другой день золотые аксельбанты украсили правое плечо и бѣлый китель капитана 1-го ранга Кедрова и на его золотые погоны легли серебряные вензеля Государя Императора. Офицеры и команда съ любовью и гордостью смотрѣли на своего, достойно отличеннаго, командира и, съ еще большимъ рвеніемъ, принялись за свое славное артиллерійское дѣло.

Новою грозною тучею, полною крови, мукъ и страданій, налетѣла на Родину грозная война съ Германіей, и застала она Кедрова флагъ-капитаномъ бригады линейныхъ кораблей. И вскорѣ тутъ Судьба оторвала его отъ милой Родины и услала его подъ туманное небо Англійскаго Королевства на суда Большого Флота представителемъ флота родного. И тамъ подъ чужимъ небомъ на чужихъ судахъ Флигель-Адъютантъ Кедровъ отдавалъ свои силы и знанія на служеніе

своей Родинѣ и на борьбу съ общимъ для всѣхъ союзниковъ грознымъ врагомъ. Быстро пронесся этотъ тяжкій годъ. И снова онъ вызванъ домой къ себѣ на родные корабли.

Теперь онъ командиръ линейнаго корабля «Гангутъ». И снова мелькнулъ годъ, еще тяжелѣе прошлаго. Флигель-Адъютанъ Кедровъ Начальникъ I-й минной дивизіи Балтійскаго моря и Командующій морскими силами въ Рижскомъ заливѣ. Это почетное мѣсто перешло къ нему послѣ ухода Адмирала Колчака въ Черное море. Одинъ достойный замѣнилъ другого.

И еще пройдена выше ступень:

Ужъ онъ не капитанъ 1-го ранга; а Свиты Его Величества Контръ-Адмиралъ.

За успѣшную постановку миннаго загражденія подъ Либавою награжденъ, постановленіемъ Георгіевской Думы, Георгіевскимъ оружіемъ. Самая высокая честь для браброго воина.

Измученной и истерзанной жестокой войной, страдающей Матери-Родинѣ, привили враги ея внутренніе «красную прививку» — болѣзнь худшую всякой войны и всякаго человѣческаго страданія. И заболѣли ею всѣ слои Государства Россійскаго и грянула тогда «великая безкровная русская революція».

И началось тогда: «своя своихъ не познаша».

И кровью тогда, уже не вражеской, а братской залилась и захлебнулась Русская Земля. Эти мрачные, черные дни революціи, отреченія Государя Императора и начала братоубійственной брани застали Адмирала Кедрова въ Финляндіи, въ Гельсингфорсѣ на его флагманскомъ миноносцѣ. Любимый и уважаемый своими командами, онъ былъ вѣрно и крѣпко охраняемъ и спасенъ матросами въ ту безумную ночь избіенія славы и крѣпости Родины — ни въ чемъ неповинныхъ ея офицеровъ.

Завладѣвшее трономъ Государства Россійскаго, самовольно пришедшее на смѣну великимъ Императорамъ Русскимъ, временное правительство, не имѣя въ своей средѣ сильныхъ и вѣрныхъ опытныхъ правителей и преслѣдуя людей Царства во имя республики, принуждено было взывать

къ помощи людей, создававшихъ величіе, красоту и силу Государства Россійскаго для того, чтобы не все разомъ рухнуло, а хоть что-нибудь удержать въ порядкѣ и въ силѣ, и вотъ призвало оно Адмирала Кедрова на должность Помощника Морского Министра, а затѣмъ и Начальника Морского Генеральнаго Штаба.

Въ этихъ должностяхъ Адмиралъ оставался лишь 2 мѣсяца и, когда на постъ Морского Министра вступилъ столь опытный «Морской волкъ», какъ адвокатъ Керенскій, Адмиралу Кедрову было предложено Адмираломъ Колчакомъ отправиться къ нему въ Черное море для командованія бригадой дредноутовъ.

Но Адмиралъ Колчакъ вскорѣ и самъ отбылъ изъ Чернаго моря; а Адмиралъ Кедровъ уѣхалъ за-границу для объединенія военно-морскихъ агентовъ Лондона и Парижа.

Тамъ за-границей онъ получилъ предложеніе Адмирала Колчака организовать заграничный транспортъ по снабженію бѣлыхъ армій.

На культурномъ Западѣ Европы въ тиши нормальной, человѣческой жизни началъ жить Адмиралъ Кедровъ, желая и здѣсь за рубежомъ приносить посильную помощь заболѣвшей «красной прививкой», бѣдной, терзаемой Родинѣ; но она не хотѣла оставлять его въ покоѣ. И, протягивая къ сыну съ далекаго зараженнаго востока свои блѣдныя, исхудалыя (въ дни Царства столь прекрасныя и сильныя) руки, голоднымъ ртомъ кричала и звала: — «Михаилъ! сынъ мой родимый, столько разъ храбро и доблестно защищавшій честь и жизнь мою, вернись и помоги Матери, освободи отъ хищныхъ рукъ, разрывающихъ тѣло мое на части; вернись, Кедровъ!».

И Адмиралъ Кедровъ вернулся.

Его вызвалъ изъ Севастополя Правитель Юга Россіи Генералъ Врангель для командованія послѣднимъ бѣлымъ Русскимъ флотомъ и руководства Морскимъ вѣдомствомъ послѣдняго Русскаго правительства.

Пріѣхавъ изъ Лондона въ штатскомъ, стоялъ онъ теперь на верхней ступени бѣлой Графской пристани и, глядя на проплывавшія мимо разодранныя бурей облака, мучительно думалъ вступить ли ему еще на эту высшую, но тяжкую сту-

пень — Командующаго Черноморскимъ флотомъ. Тѣмъ флотомъ, за кормой котораго гордо рѣялъ Андреевскій флагъ съ бѣлымъ конемъ Св. Георгія Побѣдоносца, побѣждающаго краснаго змія.

Тѣмъ флотомъ, который видѣлъ на своихъ палубахъ Адмираловъ: Нахимова, Корнилова, Лазарева и Истомина, Чухнина, Эбергарда и Колчака.

Это ли не искушеніе? Да; но то былъ флотъ здоровый, крѣпкій, стойкій, честный; его матросы — герои и орлы!

Онъ шелъ въ наступленіе, не боялся смерти, разилъ, побѣждалъ, спасалъ честь и жизнь Родины; или доблестно умиралъ и, уходя на дно, стрѣлялъ изъ послѣдней пушки, пока морская волна не зальетъ на мачтѣ родной Андреевскій флагъ.

Что же мнѣ остается въ командованіе?

Флотъ, раздѣтый революціей, смѣнявшій Андреевскій флагъ кровавой тряпкой, флотъ съ покойниками-офицерами и съ матросами, ставшими ихъ убійцами. Флотъ, котораго назначеніе только отступать, спасая Армію. Нѣтъ! Кедровъ отступать не можетъ! Много разъ онъ безтрепетно смотрѣлъ въ глаза ужасной смерти. Нѣтъ, Кедровъ отступать не можетъ!

Не даромъ на его плечѣ покоилось святое знамя — эмблема Родины.

Не даромъ на его плечахъ черный орелъ Контръ-Адмиральскаго чина. Онъ добытъ храбростью, страданьемъ, ранами и удалью морскою. Нѣтъ, Кедровъ отступать не можетъ и не долженъ!

Да и отъ кого отступать? Кто врагъ мой? Русскіе матросы? — эта «краса и гордость» революціи — «взбунтовавшіеся рабы», какъ называлъ ихъ Керенскій. Больной, зараженный русскій народъ?

Мнѣ ли покидать Родину, которой служилъ я съ пламенной любовью, вѣрою, правдою, честью моряка?

Мнѣ ли идти въ изгнаніе?.. и кто гонитъ меня? — Русскіе матросы?!

Мнѣ ли офицеру, Адмиралу Русскаго Императорскаго флота отступать передъ русскимъ матросомъ?

И вдругъ мучительной мыслью прорѣзало мозгъ:

Тронъ пустъ. Во дворцѣ враги - узурпаторы. Бѣдный, бѣдный Государь! Мученикъ революціи. Вспомнились боль - шіе голубые глаза и ласковая, отеческая улыбка на кораблѣ «Петръ Великій».

Съ тяжелой грустью сбвелъ глазами корабли. — Крестилъ Васъ Царь именами, даже имена перемѣнили!..

Взглянулъ на небо. Вечерѣло. Сильный вѣтеръ гналъ съ сѣвера сѣрыя и рыжія тучи на югъ. А надъ ними выше плыли бѣлыя кучевыя — точно корабли подъ парусами. — «Тучки небесныя — вѣчные странники», — подумалось ему: — «такъ и я поведу васъ, корабли мои, съ сѣвера на югъ въ изгнаніе».

Солнце краснымъ шаромъ спускалось надъ темно-синимъ моремъ. Верхнія облака стали розовыми.

А нижнія пурпурно-рыжими съ разодранными сѣдыми и лиловыми концами. Верхнія проплывали, какъ бѣлые корабли съ перламутровыми парусами, а нижнія складывались въ уродливыя головы, въ дикія рожи, съ косматыми гривами и тянулись длинными, тощими, хищными лапами въ погоню за бѣлой эскадрой.

— «Это мои корабли плывутъ наверху; а внизу — преслѣдуютъ ихъ красныя чудовища. Не отступлю передъ ними!»

Придя къ такому рѣшенію, послѣ долгой упорной борьбы, человѣкъ въ штатскомъ повернулъ свое блѣдное вдохновенное лицо къ умолявшимъ его собесѣдникамъ и, взглянувъ имъ въ глаза, своими потемнѣвшими, какъ море, глазами громко сказалъ, улыбаясь:

— «Отойди отъ меня, Сатана!»

Солнце скрылось за горизонтомъ моря. Темныя, лиловыя тучи, точно обагренныя по краямъ алой кровью, бѣшено неслись по темному небу. На бѣлой пристани зажглись фонари и желтыми бликами легли на спины охранявшихъ львовъ.

Простившись, тѣ четверо разошлись и исчезли въ темнотѣ наступающей ночи. Вѣтеръ гудѣлъ и свистѣлъ по балкамъ, срывалъ цвѣты шиповника, потрясалъ тополя и кипарисы. Къ землѣ пригибались нѣжныя туи. Море со смѣхомъ билось о берегъ, и въ волнахъ, бѣгущихъ отъ крѣпости къ

Приморскому бульвару, слышались стоны, упреки и слезы; тамъ глубоко подъ водою на чугунныхъ балластинахъ, поднимались, какъ водоросли тонкіе тросы и на нихъ качались волнами, обглоданные рыбами, скелеты офицеровъ, невинныхъ жертвъ своихъ матросовъ — мясниковъ безкровной революціи.

Если бы ушедшіе могли понять голосъ этихъ волнъ, пропитанныхъ солью и человѣческой кровью, то они разслышали бы такія слова: «Кедровъ! Адмиралъ Кедровъ! во имя замученныхъ братьевъ твоихъ, помоги, отступи, уведи отъ рукъ обезумѣвшихъ изувѣровъ остатки великаго Русскаго флота. Спаси крестъ Андрея Первозваннаго отъ кровавыхъ, грязныхъ рукъ на него посягающихъ!»

Но въ ту ночь онъ не понялъ, не слышалъ этихъ криковъ.

На другой сторонѣ, тамъ, гдѣ славной вершиной своей упирается въ черное небо старый Малаховъ курганъ и гдѣ вѣтеръ боролся съ корнями деревьевъ, слышались стоны, упреки и слезы. То кричала кровь офицеровъ, убитыхъ въ спину разбойниками краснаго террора, на томъ самомъ курганѣ, гдѣ ихъ предки купили кровью славу Севастополя! И прогремѣлъ курганъ этотъ по всему свѣту славой защиты своей безпримѣрной. Тамъ нашли смерть и позоръ неслыханный бѣдные потомки былыхъ богатырей.

«Этого ли тебѣ мало?» — кричали голоса ночи: «Кедровъ! Адмиралъ Кедровъ! помоги! отступи! спаси, уведи остатки былой могучей Арміи! Подними ихъ на палубу родныхъ кораблей, уведи ты ихъ, хотя бы и въ изгнаніе, ибо нѣтъ большаго страданія, какъ умирать отъ руки братьевъ-палачей!»

Но напрасно старался вѣтеръ, напрасно старались волны донести этотъ ропотъ, стенанья и слезы до ушей и сердца Адмирала. Усталый съ дороги, онъ спалъ въ своей каютѣ и блѣдная луна освѣщала въ окно его блѣдное, усталое, но все еще вдохновенное лицо.

И то, что не сумѣли ни вѣтеръ ни волны, чего не достигъ искуситель, того достигъ благородный рыцарь и рыцари поняли другъ друга.

Правитель Юга Россіи, Генералъ баронъ Врангель, Главнокомандующій Бѣлою Арміей, пригласивъ на утро во дворецъ Адмирала Кедрова, обратился къ нему, какъ офицеръ къ офицеру съ горячей просьбою принять тяжелый и отвѣтственный постъ Командующаго Черноморскимъ флотомъ и, въ случаѣ угрожающей и неминуемой опасности, спасти Флотъ и Армію въ водахъ и на землѣ Дружественной, но чужой намъ Державы.

«Видно, отъ судьбы не уйдешь», — подумалъ Адмиралъ Кедровъ: — «послужу тебѣ, родина-мать и на чужой водѣ и на чужой землѣ, коли ты, родная, сама того хочешь!»

Онъ пожалъ руку рыцарю Генералу и далъ свое согласіе, выразивъ желаніе имѣть Контръ-Адмирала Н. Н. Машукова своимъ начальникомъ штаба. Всѣ возликовали. Вѣтеръ за ночь улегся. Небо очистилось. На яркомъ солнцѣ оно ласково играло синевой, какъ и глаза новаго и послѣдняго Командующаго Русскимъ Флотомъ.

На своемъ бѣломъ быстроходномъ катерѣ съ молодымъ Начальникомъ Штаба, самъ одѣтый въ только что, срочно сшитую морскую форму съ золотыми Контръ-Адмиральскими погонами во флотской фуражкѣ Царскаго времени, носился по рейду Севастополя, обходя всѣ свои владѣнія.

Съ этого дня и до дня печальнаго, «чернаго» дня прощанья съ великою Родиной, эти два человѣка неразлучно работали вмѣстѣ. Всюду появлялись они энергичные, бодрые, вдохновенные надеждами, созидающіе новые крѣпкіе кадры командъ, бодрящіе падающихъ духомъ, ослабѣвающихъ въ непосильной борьбѣ. Они собрали распадавшійся флотъ, обновили, освѣжили, очистили личный составъ и приготовили къ роковой минутѣ горькаго отрыванія отъ груди Матери многихъ сотенъ тысячъ горячо ее любившихъ дѣтей, тотъ великій ковчегъ, на которомъ они спасли ихъ всѣхъ отъ ревущихъ волнъ великаго краснаго потопа.

Къ этому дню великой печали были готовы къ отплытію въ Севастополѣ 31 судно подъ Андреевскимъ флагомъ.

И въ портахъ Ѳеодосіи, Керчи, Ялтѣ и другихъ портахъ Крыма еще множество кораблей — всего бѣлаго флота 132 корабля.

Это и былъ тотъ Священный Ковчегъ, которому было суждено спасти остатки Великой Россіи, какъ драгоцѣнные сѣмена для посѣва въ родную землю свѣтлаго будущаго.

Все это множество кораблей нужно было на долгіе мѣсяцы неизвѣстнаго плаванія снабдить углемъ, машиннымъ масломъ, котельной и питьевой водою, пищей для команды и бездомныхъ странниковъ, консервами; фуражемъ для конницы, боевымъ запасомъ для отраженія возможнаго нападенія врага на пути, обувью и обмундированіемъ команды и распланированіемъ всѣхъ этихъ палубъ, каютъ, кубриковъ, трюмовъ и иныхъ помѣщеній для необычайнаго количества пассажировъ, на которыхъ никогда не расчитывали эти корабли.

Они создали тотъ разумный, твердый, ясный порядокъ, при которомъ въ одну, двѣ ночи смогли потомъ принять для спасенія 136.000 людей, сразу покидавшихъ Родину.

Но какой энергіи, какого постояннаго, неусыпнаго труда стоило имъ провести эту трудную организацію великаго отступленія въ то страшное время, когда почти никто уже не довѣрялъ другъ другу, почти всѣми овладѣвала тоска и безволіе; когда красный врагъ стискивалъ свое багровое кольцо вокругъ послѣдней пяди бѣлой земли; а любезные союзники — иностранныя державы перестали оказывать матеріальную и моральную помощь, бросивъ бѣлыхъ героевъ на произволъ Судьбы.

Когда по горамъ, лѣсамъ и балочкамъ, за стѣной на сѣверной сторонѣ, на корабельной, въ Ушаковой балкѣ, за братскимъ кладбищемъ, въ дубовыхъ лѣсахъ II-го кордона, въ укромныхъ мѣстахъ Малахова кургана, прячась отъ глазъ Бѣлаго Побѣдителя, но чуя его близкую кончину, Севастопольскіе «красные» матросы, портовые мастеровые, «розовые» перебѣжчики обыватели, «зеленые» хищники и другіе вредители Родины тайно собирались и шептались, какъ бы помѣшать кораблямъ выйти изъ Севастополя, какъ бы испортить ихъ механизмы, открыть кингстоны, затопить на рейдѣ, въ порту, или даже въ пути, что еще лучше, ибо тогда погибнутъ и бѣжавшіе на нихъ бѣлые. Замышляли набросать минъ у выхода въ море, взорвать Инкерманъ, поджечь склады одеждъ и питанія.

Всѣ эти злобные замыслы внутренняго и самаго опаснаго врага надо было имъ тоже предусмотрѣть и изыскать средства, быстрыя и рѣшительныя, для огражденія флота, порта и учрежденій отъ ихъ тайнаго нападенія; создавъ вѣрную, надежную и крѣпкую охрану изъ офицерскихъ, юнкерскихъ ротъ и Гардемаринъ Морского Корпуса, они спасли и отстояли въ цѣлости всѣ части и суда и къ утру 30-го октября 1920 года были въ полной готовности къ отплытію.

У подножія образа Божьей Матери, рисовалъ я бѣлыя лиліи по золотому фону на бѣлой стѣнѣ ротнаго зала ввѣренной мнѣ кадетской роты Морского Корпуса.

Октябрьское солнце сквозь громадныя окна заливало бѣлый длинный залъ, сто тридцать желѣзныхъ кроватей, стоявшихъ двумя стройными рядами, разъединенными новенькими бѣлыми табуретами и ночными шкафами, блѣдно-янтарнымъ свѣтомъ.

Изъ крайняго окна косой золотистый лучъ освѣщалъ прекрасный ликъ Богородицы и покоился на кудряхъ святого Младенца.

Шенаевъ, — помощникъ ротнаго каптенармуса, сидя на корточкахъ, растиралъ въ горшочкѣ масляную зеленую краску, которой я долженъ былъ расписать стебли и листья этихъ лилій.

Работая у большого ротнаго образа, я отдавалъ распоряженія на завтрашній день, день торжественнаго переселенія моихъ кадетъ изъ нижнихъ флигелей въ главное зданіе Морского Корпуса, только что приведенное въ жилой видъ.

— Вотъ здѣсь, Шенаевъ, — сказалъ я: — справа у образа Вы набьете дубовый башмакъ, въ немъ будетъ стоять ротный знаменный флагъ, а слѣва набьете другой: въ немъ будетъ ротная хоругвь съ надписью: «Вѣра, Вѣрность и Честь».

Далеко въ концѣ спальни послышались быстрые шаги по паркету и запыхавшійся голосъ. Вбѣжалъ матросъ-вѣстовой Директора и прокричалъ:

— Гдѣ ротный командиръ? Господинъ Директоръ требуетъ ихъ къ себѣ. Сейчасъ же. Поскорѣе!

— Я здѣсь! — прокричалъ я ему: — иду сейчасъ!

Что такое? — подумалось мнѣ: что за спѣшка? Случилось, что-нибудь съ кадетами?

Привычнымъ быстрымъ бѣгомъ, пробѣжалъ я длинную спальню, классный корридоръ, спустился на нижнее шоссе и добѣжалъ до строевой площадки. Навстрѣчу мнѣ по всему пути, поднимались въ гору мои кадеты, согнутые подъ тяжестью тюфяковъ, подушекъ и ротной мебели, которыя они переносили въ свое новое помѣщеніе, чтобы съ завтрашняго дня начать въ немъ свой новый учебный годъ.

Черезъ пять минутъ я стоялъ передъ лицомъ моего Директора. Это полное, розовое, чисто-выбритое лицо съ голубыми добрыми, жизнерадостными глазами, было красно, взволнованно, сумрачно въ эту минуту и потемнѣвшіе глаза безпокойно метались за потускнѣвшимъ золотымъ пенснэ.

— Владимиръ Владимировичъ! — обратился ко мнѣ Директоръ Корпуса: — остановите сейчасъ же переноску тюфяковъ и все это переселеніе кадетъ! Прикажите имъ укладываться срочно, спѣшно, безъ минуты промедленія! Сейчасъ придетъ баржа. Всю ночь будемъ грузиться. А рано утромъ уйдемъ на линейномъ кораблѣ «Генералъ Алексѣевъ». Объявлена эвакуація.

— Ваше Превосходительство! — вскричалъ я голосомъ полнаго отчаянія. — Но, быть можетъ, это опять, какъ на Рождествѣ, только ложная тревога? Придетъ баржа и опять уйдетъ!.. Развѣ Крымъ не можетъ больше держаться? Вѣдь клялся же Генералъ Слащевъ: «честью офицера не сдамъ я Крыма». Да и Перекопскій перешеекъ, Чангарскій и Арбатская стрѣлка такъ сильно укрѣплены, они недоступны нападенію; а II-й отрядъ судовъ подъ командою Контръ-Адмирала Беренсъ на Азовскомъ морѣ — это сила. Не сдадутъ они Крыма, Ваше Превосходительство! Разрѣшите закончить переселеніе; почти все уже наверху, осталось самая малость! Я только что привелъ все въ такой порядокъ, неужели надо все ломать и рушить?

Совсѣмъ потемнѣло лицо Адмирала Ворожейкина:

— Что вы мнѣ говорите? — закричалъ онъ: — Вы не знаете положенія на фронтѣ! Бѣлыя Арміи повсюду отсту-

паютъ и движутся спѣшно къ портовымъ городамъ, чтобы спасаться на пароходахъ. Генералъ Слащевъ не можетъ отстоять Крыма! И Морскому Корпусу приказано командующимъ флотомъ немедленно грузиться на баржу. Идите, В. В., приготовьте свою роту къ погрузкѣ, предупредите семью; я назначилъ Начальникомъ Эвакуаціи Инспектора Классовъ Кап. 1-го ранга Александрова, у него получите всѣ инструкціи.

Адмиралъ Ворожейкинъ ушелъ въ свой флигель. Съ убитой душою, упавшимъ сердцемъ, побрелъ я къ флигелю, гдѣ жили мои кадеты.

Увидя своихъ милыхъ, живыхъ кадетъ, по молодости своего дѣтскаго сердца принимавшихъ съ интересомъ и даже радостью всякую перемѣну въ ихъ жизни, я пересилилъ и свою невыносимую боль сердечную и бодро давалъ имъ свои распоряженія по приготовленію къ завтрашнему переселенію... на линейный корабль «Генералъ Алексѣевъ».

Долгіе часы подрядъ на ихъ маленькихъ спинахъ, ручныхъ телѣжкахъ и носилкахъ сползали съ горы зеленые и сѣрые тюки зашитаго и увязаннаго обмундированія, обуви и бѣлья и все это складывалось и громоздилось во флигелѣ и на дворѣ. Рота превратилась въ багажную станцію. Вскорѣ къ пристани Корпуса подошла громадная портовая баржа, пришвартовалась къ ней и открыла корпусу свое огромное, кито-подобное желѣзное пустое, темное чрево. На пристани разставили часовыхъ-кадетъ. На баржу положили сходни. Устроили подъемныя тали. Всѣхъ гардемаринъ и кадетъ раздѣлили на грузовые отряды подъ командою старшихъ, разослали по флигелямъ, столовымъ, классамъ, кухнямъ, учебнымъ кабинетамъ и въ склады книгъ. Каптенармусы, служителя, сторожа, повара, женская прислуга и еще откуда то присланные «плѣнные» весь вечеръ, всю ночь до самаго утра укладывали «Севастопольскій Морской Корпусъ» въ темное чрево желѣзной баржи. Желѣзный китъ наглотался до отказа учеными и учебными книгами и богатой беллетристикой. Астрономическими, физическими и химическими приборами. Кухонной и столовой посудой, тюками съ бѣльемъ, сапогами, обмундированіемъ, подушками, одѣялами, бочками сала,

клѣтками куръ, пѣтуховъ и утокъ, сундуками, корзинами, банками съ консервами, картонками для шляпъ.

Усталые и измученные грузчики закрыли это чрево тяжелыми люками и ввели по сходнѣ послѣднихъ трехъ коровъ. Всѣ, кто могъ, забылся краткимъ сномъ въ послѣднюю ночь на землѣ Русской; а кто не смогъ, сидѣли тихо у себя дома и шепотомъ въ полъ-голоса вели невеселую бесѣду. Холостые грѣлись у очага семейнаго. Фонари догорали на пристани.

По черной баржѣ ходилъ часовой. Изрѣдка мычали коровы.

Погрузивъ ротное имущество и устроивъ кадетъ на ночлегъ, я пошелъ въ свою квартиру во флигелѣ и вошелъ въ свой кабинетъ.

Это была просторная комната въ два большихъ окна, выходившихъ на открытое море прямо на выходъ изъ Севастополя.

Было уютно въ моемъ кабинетѣ; но не въ эту ужасную ночь!

Войдя въ эту комнату, мною столь любимую, гдѣ прожилъ я счастливо съ семьею много лѣтъ, увидѣлъ я хаосъ и разрушеніе.

Сундуки, корзины, сакъ-вояжи, ящики, картонки и тючки заполнили весь полъ и заградили проходы; на диванахъ столахъ и креслахъ кучами лежали одежда и бѣлье и часть его еще сырая послѣ стирки. Все женское населеніе дома моего было въ движеніи и съ лихорадочной быстротою укладывало въ сундуки и корзины все то, что было разрѣшено Начальникомъ Эвакуаціи взять съ собою каждой семьѣ.

Все остальное богатство, скопленное трудомъ многихъ, многихъ поколѣній, всѣ эти вещи, къ которымъ привыкъ съ дѣтства, въ которыя вошла частица души моей, вся эта красота любимыхъ картинъ и близкихъ сердцу книгъ оставлялась навсегда во владѣнье врагу. Не пойметъ онъ его, разобьетъ грубою рукою, надсмѣется надъ моей святыней, растопчетъ нѣжное, любимое и дорогое грубой и дерзкой ногой.

30-го октября 1920 года. Наступило утро Зиновіи Богонравы. И видно, такъ нравилось Богу, чтобы въ это утро мы

покинули родную землю. Ибо этимъ путемъ Господь спасалъ нашу жизнь и, какъ нѣкогда Св. Іосифу сказалъ Онъ: — «возьми отрока моего и Марію Матерь Его и бѣги съ Ними во Египетъ, пока не положу къ ногамъ Его враговъ Его». Такъ и мы, взявъ отроковъ нашихъ, вывели ихъ изъ дома своего и увели въ Африку, гдѣ лежитъ Египетъ, сохранившій Господа нашего.

Но, какъ тяжело, какъ горько было покидать домъ свой.

Лишь только солнце показалось изъ-за вершинъ Мекензіевыхъ горъ и розовымъ свѣтомъ озарило бѣлыя скалы Инкермана, какъ на площадкѣ между флигелями уже стоялъ мой фронтъ. Въ походной формѣ, съ ружьями и ремнями. Кадетъ Добровольскій — знаменщикъ моей роты вынесъ ротный знаменный флагъ и ждалъ у подъѣзда. Я обнажилъ саблю.

— «Смирно! Слушай на кра-улъ!» — тихо и плавно двинулся флагъ съ гербомъ Морского Корпуса и поплылъ къ фронту.

Но, не успѣлъ онъ доплыть до праваго фланга, какъ я услышалъ властный окрикъ:

— Сверните флагъ!.. въ чехолъ! Ведите кадетъ на баржу!

Я оглянулся. На бѣломъ балконѣ директорской квартиры, между бѣлыми колоннами стояли Адмиралъ Ворожейкинъ съ Адмиральшей. Протягивая руку по направленію къ морю, онъ мнѣ кричалъ:

— Ведите скорѣе кадетъ! Не время теперь разводить церемоніи. Сейчасъ отваливаемъ!

— Есть! Ваше Превосходительство, — отвѣтилъ я и, вложивъ саблю въ ножны, скомандовалъ:

— Къ ногѣ! на плечо! направо! правое плечо впередъ! Шагомъ маршъ! Смирно! равненіе направо, господа офицеры!

Длинный тонкій фронтъ продефилировалъ мимо балкона, розоваго отъ утренняго солнца, и, достигнувъ пристани, мы взошли на баржу. На ея палубѣ сгрудившись въ кучу, стоялъ весь личный составъ Корпуса: мужчины, женщины и дѣти, весь, кромѣ прислуги и служителей, отказавшихся ѣхать съ нами.

Сухими, холодными словами строевой команды простились мы съ родной землей. Не такъ обдумывалъ я ночью это прощанье. Послѣ пріема флага, хотѣлось обнажить головы и въ послѣдній разъ пропѣть всѣмъ фронтомъ Молитву Господню, поклониться родной землѣ русскимъ поясным поклономъ, поклониться Морскому Корпусу — гнѣзду моряковъ и, собравъ въ мѣшочекъ земли съ родного участка, тогда уже двинуться въ дальній и неизвѣстный путь. Было бы легче, было бы теплѣе, сердечнѣе. Каменно-холодно смотрѣли люди на берегу и на баржѣ, словно за одну эту ночь ставшіе другъ другу чужими.

— «Кто не съ нами, тотъ противъ насъ!»

Какъ командиръ съ погибающаго корабля послѣднимъ сходитъ въ спасательную шлюпку, такъ и Директоръ съ супругою послѣдними вошли на черную баржу.

Маленькій портовый катерокъ принялъ баржу на буксиръ, огласилъ утренній воздухъ рѣзкимъ свистомъ и медленно отошелъ. Натянулись буксиры; дрогнула баржа и точно нехотя, съ трудомъ оторвалась отъ пристани. Еще съ большимъ трудомъ отрывалось сердце уплывающихъ отъ родной земли и родного гнѣзда. Перекрестились. Поплыли. Всѣ невольно повернулись лицомъ къ Корпусу. Высокій бѣлый дворецъ, широко развернувъ свои крылья по сѣрой горѣ, холоднымъ бѣлымъ золотомъ безстрастно смотрѣлъ съ высоты и все уменьшался въ размѣрахъ. На пристани горько плакала одинокая старушка — бабушка кадета — плакала Старая Русь.

Проплыла мимо цвѣтущая «Голландія», высокое Братское кладбище, глубокій докъ Цесаревича Алексѣя Николаевича, и выросъ съ лѣваго борта громадный сѣро-стальной бортъ дредноута «Генералъ Алексѣевъ».

Черная баржа съ Морскимъ Корпусомъ довѣрчиво прижалась къ нему. Тонкіе бросательные концы змѣей пронеслись надъ баржею; за ними поползли толстые, смоленые и она пришвартовилась.

Съ палубы спустили сходни и подъемныя тали. У трапа стояли Командиръ Капитанъ 1-го ранга Борсукъ, старшій

офицеръ Капитанъ 2-го ранга Слупскій и ст. лейтенантъ Блохинъ штурманъ корабля.

Они встрѣтили рапортомъ Директора Морского Корпуса и съ любезностью моряковъ приняли всѣхъ корпусныхъ дамъ, пріютивъ ихъ временно въ глубокій длинный кубрикъ, гдѣ эти дамы съ дѣтьми и баулами таборомъ расположились по койкамъ вдоль бортовъ. Съ другого борта выгружались штабныя дамы съ дѣтьми и проходили на корму, заполняя всѣ каюты.

Когда то бѣлая, сверкавшая палуба теперь была вся черна отъ угольной пыли и отъ тысячи ногъ протоптавшихъ ее вдоль и поперекъ. Гардемарины Корпуса, выгрузившись на линейный Корабль, сейчасъ же заняли караульные посты, на вахтенномъ мостикѣ, у башенъ, у бомбовыхъ погребовъ, крюйтъ-камеръ, у отвѣтственныхъ механизмомъ машины, у траповъ и другихъ важныхъ мѣстъ охраны корабля, который все еще несъ на себѣ матросовъ, изъ коихъ многіе были тайными врагами и могли принести кораблю непоправимый вредъ. Молодая, но крѣпкая и надежная охрана Гардемаринъ съ честью выполнила ввѣренную ей службу. Кадеты въ зеленомъ защитномъ обмундированіи напоминали трудолюбивыхъ муравьевъ. Непрерывной вереницей поднимались они по сходнямъ и доскамъ на высокій бортъ дредноута, неся на дѣтскихъ спинахъ своихъ тяжелыя корзины, сундуки, тюки съ бѣльемъ цейхгаузовъ, ящики съ консервами, учебные инструменты, бочки съ саломъ и безконечное количество книгъ богатой библіотеки Морского Корпуса.

На палубѣ, пропыленной угольной пылью, между 2-ой трубой и гротъ-мачтой складывалось все это имущество Корпуса въ одну большую кучу, возлѣ которой стоялъ Инспекторъ Классовъ Капитанъ 1-го ранга Александровъ и, энергично размахивая руками, руководилъ выгрузкой баржи. Кадеты моей роты выгружали баржу и стояли часовыми охраны цейхгауза, библіотеки, и съѣстныхъ припасовъ.

Я распредѣлилъ ихъ на грузовыя смѣны и караулъ и обходя казематы и кубрики со старшимъ офицеромъ устраивалъ помѣщенія для своихъ кадетъ. Проходилъ часъ за часомъ; нагруженные кадеты все еще поднимались изъ баржи

на палубу и порожнякомъ спускались въ баржу. Устроивъ помѣщеніе для кадетъ, я поднялся на палубу и подошелъ къ кучѣ книгъ, разбросанной по большому участку. На ютѣ подъ тентомъ, бивуакомъ, среди корзинъ, перинъ, сундуковъ и утвари стояли дамы, дѣвушки и дѣти, наблюдая за выгрузкой вещей и погрузкой угля.

«Война и Миръ» Льва Толстого, «Евгеній Онѣгинъ» Пушкина, «Мертвыя души» Гоголя, «Герой нашего времени» и «Демонъ» Лермонтова, «Три сестры» и «Вишневый садъ» Чехова, «Бѣсы» Достоевскаго, всѣ эти имена и названія бросились мнѣ въ глаза изъ этой кучи на черной полубѣ и, машинально прочитывая названія, подумалъ я:

«Война» съ врагами внутренними, «Миръ» съ врагами внѣшними, «Татьяны Ларины» и «Онѣгины», «Наташи Ростовы», всѣ эти «Анны Каренины», и милыя Дѣвушки Гончарова «Вѣры и Марфиньки», Героини Тургенева «Елены, Лизы», стоятъ здѣсь на ютѣ, чтобы отплыть на чужбину, съ ними уходитъ «великая Красавица Россія», царственная, полная величія и красоты. Она уходитъ отъ «Героя нашего времени» — грядущаго и пришедшаго «Хама», «Бѣсы» Достоевскаго овладѣли Русской землею и «Мертвыя души» Гоголя наполнятъ ея города. Развернется широко «Ѳома Гордѣевъ» и затопчутъ «Босяки» Горькаго русскую культуру. Воцарится на родной землѣ «Царь Голодъ» Леонида Андреева и со смѣхомъ пропляшетъ жизнь «его» человѣка.

Красный «Демонъ» Лермонтова будетъ соблазнять Чистую «Тамару» и обратитъ ея взоръ молитвенный отъ Святой Иконы на свое лицо. Люди «Мертваго Дома» Достоевскаго, сбросивъ цѣпи съ себя, закуютъ Россію въ цѣпи свои, обратятъ богатый, чудный край въ «Мертвый Домъ» и кладбище..

Не оправдалась мечта Чехова: не расцвѣлъ «Вишневый Садъ» на Руси, не нашелъ «Дядя Ваня» своего отдыха, не утѣшились «Три Сестры» — Дѣвы русскія.

Не зацвѣла «зеленая палочка» Левушкой Толстымъ посаженная среди трехъ березъ, — не настало на Руси Царства Божія.

«Волчьей ягодой», ядовитою, красною покрылась рус-

ская земля и наѣлись ею голодные. Отравилась любовь. Замѣнилась она братоненавистничествомъ.

Такъ говорили книги, кучею наваленныя. Наростала новая — книги учебныя по 24 учебнымъ предметамъ. И не знали еще тогда грузившіе ихъ кадеты, грузчики, что пройдя всѣ эти предметы и добавочные: носильщика, маляра, повара, портного и прачки они, еще, быть-можетъ, и не дойдутъ до офицерскаго чина; а будутъ только рабочими на фабрикахъ или шофферомъ такси; они вѣдь шли въ полную неизвѣстность.

Поздно вечеромъ баржа Морского Корпуса была выгружена и медленно покачивалась черная и пустая у высокаго борта «Генерала Алексѣева».

Усталые и замотанные, не чувствуя больше ногъ подъ собою, кадеты поѣли, на скорую руку, консервовъ, корнбифа, хлѣба и чая и, какъ снопы, свалились всѣ въ повалку прямо на палубу отданнаго имъ каземата, подложивъ себѣ подъ голову сложенный бушлатъ. У книгъ, цейхгауза и бочекъ сала смѣнились кадеты-часовые. Въ полутьмѣ желѣзнаго каземата, гдѣ въ углу свѣтилъ одинокій масляный фонарь, заснули усталые труженики мертвымъ сномъ.

Женское населеніе дредноута послѣ долгихъ бесѣдъ, споровъ, безпокойствъ и разспросовъ тоже утомленное и взволнованное непривычной обстановкой громадной стальной плавучей крѣпости съ ея башнями и пушками, палубами и кубриками, послѣ бѣлыхъ свѣтлыхъ флигелей съ теплыми и уютными квартирками и привычной жизнью на твердой землѣ, тоже спустилось въ отведенныя помѣщенія въ кормовомъ отсѣкѣ и улеглось спать въ повалку съ дѣтьми и съ вещами.

Я сидѣлъ въ это время въ одной изъ канцелярій корабля въ носовомъ отсѣкѣ и писалъ списокъ своихъ кадетъ со всѣми нужными свѣдѣніями. (Динамо-машина еще не работала). Близко передъ лицомъ стоялъ фонарь. Я писалъ, ослѣпленный его свѣтомъ въ окружающей меня тьмѣ. Вошелъ матросъ и доложилъ:

— «Г-нъ Капитанъ 1-го ранга, Адмиралъ васъ требуетъ къ себѣ въ кормовую каюту».

Я быстро собралъ списки, всталъ, поднялся на верхнюю палубу. Было темно, какъ въ тунели. Море черно. Небо черно. Ни луны, ни звѣздъ. По черной, шершавой отъ угля, палубѣ я, ослѣпленный еще свѣтомъ канцелярскаго фонаря, быстро пошелъ на корму. На мнѣ была еще походная форма и бинокль черезъ плечо (съ утра не успѣлъ еще раздѣться). Прошелъ нѣсколько шаговъ по палубѣ въ полной темнотѣ и вдругъ... палуба исчезла изъ-подъ моихъ ногъ, стало совершенно темно; я летѣлъ, летѣлъ внизъ далеко, глубоко, уперся ногами во что-то хрупкое, черное, поднявшееся пылью къ лицу. И остановился. «Господи!» — подумалъ я: «Что это со мною? гдѣ я?» — Всталъ, осмотрѣлся, ощупалъ кругомъ. — «Да это угольная яма! Вотъ, куда я попалъ!»

Въ эту секунду высоко надо мною, волокли два матроса по верхней палубѣ 6-ти пудовый мѣшокъ съ углемъ и готовились сбросить этотъ грузъ въ горловину ямы, въ которой я сидѣлъ. Съ такой высоты 6 пудовъ на голову — вѣрная смерть. Потомъ вмѣстѣ съ углемъ въ раскаленную топку; и никто никогда не узнаетъ, куда и когда исчезъ Ротный Командиръ Кадетской роты, не узнала бы и семья его, укладывавшаяся на покой въ глубокомъ полутемномъ кубрикѣ въ эту роковую для него минуту.

«Господи! спаси, отъ такой безславной смерти!» — пронеслось въ моей головѣ, и, пользуясь угольной многоэтажной трубой, какъ громаднымъ рупоромъ граммофона, я закричалъ наверхъ:

— «Подождите, не бросайте, здѣсь живая душа, которая жить еще хочетъ!»

— «Стой, слышь», — сказалъ наверху матросъ и 6 пудовый мѣшокъ остановился у самаго края горловины. — «Тамъ никакъ человѣкъ, въ ямѣ-то», — сказалъ матросъ и съ ручнымъ фонаремъ заглянулъ въ глубину моей желѣзной ямы.

— «Лазить умѣешь, я конецъ тебѣ спущу», — сказалъ онъ.

— «Давай конецъ! Я вылѣзу!» — отвѣтилъ я изъ глубины.

Толстый смоленый тросъ медленно спускался по узкой

трубѣ и змѣей укладывался на широкомъ подносѣ гладкаго и скользкаго желѣза.

— «Досталъ?» — спросилъ голосъ сверху.

— «Не могу дотянуться по лотку; вижу тросъ, да не достать! Гладко, скользко; не за что ухватиться», — отвѣтилъ я снизу.

— «Подожди, я къ тебѣ спущусь», — сказалъ матросъ и быстро скользнулъ по тросу на подносъ. Ловко ногою сбросилъ мнѣ конецъ. Фонарь освѣщалъ трубу.

Какъ кошка вцѣпился въ тросъ моего спасенія и съ ловкостью гимнаста въ нѣсколько секундъ на однихъ рукахъ достигъ я палубы и вдохнулъ полною грудью свѣжій ночной воздухъ; сердце радостно билось, «безславная» смерть отлетѣла далеко. Матросъ за мной выбрался изъ угольной ямы. Всмотрѣлся. «Да это офицеръ!» — воскликнулъ онъ въ полголоса.

— «Со свѣту не разглядѣлъ я вашей ямы», — отвѣтилъ я: — «спасибо, братецъ, спаси тебя Господь!»

Уже осторожнымъ шагомъ и всматриваясь во всѣ предметы въ черной темнотѣ пробрался я въ каюту Адмирала и доложилъ ему объ устройствѣ кадетъ на кораблѣ, о выгрузкѣ баржи и представилъ ихъ списки. Затѣмъ прошелъ повидать семью, съ которой чуть было навсегда не разлучился.

Простившись съ ними на ночь, спустился я въ казематъ моей роты и, осторожно переступая черезъ тѣла кадетъ, добрался къ рундуку подъ фонаремъ, гдѣ ихъ заботливыя руки приготовили мнѣ койку.

Сбросивъ пальто и аммуницію, я повалился на рундукъ и забылся сномъ тревожнымъ и чуткимъ. Но заснуть надолго не удалось. Нѣсколько разъ въ ночь инспекторъ требовалъ новыя смѣны выгружать; приходили катера съ гардемаринами, что то еще привезли изъ порта, изъ Морского Собранія.

На палубѣ закончили погрузку угля. Баржи оттянулись. Въ темнотѣ подходили портовые катера, разрѣзая ночной воздухъ, рѣзкими свистками.

По палубѣ забѣгали люди, подавая буксиры, поднимая шлюпки.

Изъ Севастополя въ открытые иллюминаторы доносился гулъ и шумъ: тамъ у пристаней и на рейдѣ шла спѣшная погрузка угля, воды и тысячъ бѣженцевъ.

На набережной кричали люди, прощаясь съ родными на пароходахъ. Тамъ, въ нѣдрахъ Октябрьской ночи, разрывались сердца и души, отрывались и сцѣплялись руки, горячіе, сладкіе поцѣлуи смѣшались съ горькими и ѣдкими слезами.

Ломались Семьи, Дружба, Любовь, привязанности и привычка.

Уѣзжалъ молодой внукъ, оставалась старая бабушка, уѣзжалъ мужъ, оставалась жена, уѣзжали дѣти, оставались родители, уходили отцы, оставались дѣти, уѣзжалъ женихъ — рыдала его невѣста, на груди у друга плакалъ старый другъ.. Провожала сестра дорогого брата.

Происходило то, что предсказалъ Господь:

«Будутъ двое жать на полѣ: одна возьмется, другая останется».

«Будутъ двое на одной постелѣ: одинъ отнимется, другой останется».

Махнувъ рукой на всякій сонъ, я вышелъ на верхнюю палубу.

Она была вся залита луною. И черный уголь казался серебромъ.

По темно-синему небу, вѣтеръ крутилъ нѣжныя вуали вокругъ луны, то закрывая ее облаками, то очищая отъ нихъ насмѣшливо ласковый ликъ.

Черная вода выпуклыми черными валами пробѣгала мимо дредноута и жидкое расплавленное серебро лунныхъ лепешекъ скользило съ волны на волну. На палубѣ «Генерала Алексѣева» суетились люди, приготовляясь къ съемкѣ съ якоря. Въ лунномъ сіяньи виднѣлись буксиры подъ носомъ корабля. На бакѣ гремѣли тяжелые канаты крутясь на шпилѣ. Гулъ и ревъ толпы на пристаняхъ становился все сильнѣе, поминутно раздавались гудки и свистки готовыхъ къ отплытію пароходовъ.

Къ голубому лунному свѣту вдругъ прибавились красные блики, какъ будто въ молоко влилась кровь. Я оглянулся на городъ. На берегу недалеко отъ мѣста, гдѣ мы стояли на

рейдѣ, яркимъ желто-краснымъ столбомъ взвилось къ ночному черному небу пламя большого пожара. Загорѣлся какой то складъ очень горючаго тѣла. Къ реву толпы, свисткамъ пароходовъ, къ портовымъ гудкамъ прибавился звонъ набата и все это съ грохотомъ якорнаго каната смѣшалось въ дикій хаосъ ночныхъ зловѣщихъ звуковъ. Подъ эту дикую музыку ночи, подтянувъ якоря подъ клюзы, покинулъ «Генералъ Алексѣевъ» родной рейдъ города Севастополя. Съ высокаго неба мерцали печальныя, ласковыя звѣзды; съ загадочной улыбкой смотрѣла луна. Жаркое пламя терзало склады, у которыхъ больше не было часовыхъ.

На далекой Сѣверной сторонѣ, у бѣлыхъ скалъ Инкермана, на высокой темной горѣ — въ голубомъ лунномъ сіяньи, точно видѣніе града Китежа — стоялъ бѣлый дворецъ Морского Корпуса; сердцемъ и душою прощался я съ нимъ, стоя на кормѣ уходившаго въ море дредноута.

Въ эту ночь отошелъ онъ недалеко, онъ только вытянулся изъ внутренняго рейда за боны, мимо форта и вскорѣ отдалъ якорь на внѣшнемъ рейдѣ.

Высоко надъ горою Морского Корпуса свѣтили Инкерманскіе маяки, ласковымъ свѣтомъ своимъ посылали ему прощальную улыбку. Такъ честно и вѣрно они служили Черноморскому флоту, указуя путь въ городъ Севастополь до послѣдней минуты. Нина-Ундина маяка дежурила въ эту ночь въ хрустальномъ куполѣ своей бѣлой башни и освѣщала путь отходившимъ кадетамъ, тогда то, въ горахъ, спасшимъ ее отъ «разбойника».

Подъ утро потухъ пожаръ, луна закатилась за море, корабли нагрузились углемъ и людьми. Разошлись остающіеся по домамъ, затихли свистки, умеръ набатъ, облака порозовѣли. Пробираясь, черезъ тѣла кадетъ, добрался я снова до койки и легъ.

Въ тишинѣ заснувшаго корабля по темнымъ трюмамъ, по бимсамъ казематовъ, кубриковъ и каютъ офицерскихъ, медленно и цѣпко скользя по желѣзному дому, выползли старыя и молодыя рыжія и черныя крысы, и шевеля усами, сверкая красными глазками, пошли въ ночной дозоръ осматривать корабль и жирную поживку: 2 бочки съ саломъ, консервы и

муку. Съ ужасомъ смотрѣли на нихъ бѣдныя дѣвушки и женщины, которымъ такъ и не удалось заснуть въ эту страшную ночь. Онѣ, которыя на землѣ боялись малой мыши, здѣсь на водѣ увидѣли крысъ.

— «Боже! Куда дѣваться?»

— «Не бойтесь, барышня, онѣ не кусаются», — отвѣтилъ привычный матросъ.

На носу дредноута, на бакѣ, въ носовыхъ казематахъ размѣстились казаки, артиллеристы и кавалеристы разныхъ бѣлыхъ полковъ, пришедшихъ съ Дона, съ Кубани, съ Перекопа изъ батарей, крѣпостей и окоповъ. Усталые, измученные походами и долгой боевой работой, они спали подъ утро мертвымъ сномъ, ибо участвовали и въ угольной погрузкѣ и въ кочегаркѣ и по всему кораблю. Тѣ, кто не стоялъ въ машинѣ и на вахтѣ, спали теперь крѣпко; но и во снѣ почесывались. Земля, окопы, поля и лѣса снабдили ихъ звѣремъ страшнѣе крысы и этотъ звѣрь съ ихъ тѣлъ и одеждъ расползся по всему кораблю во всѣ казематы, каюты и кубрики. И на другую ночь почесывались флотскіе офицеры, гардемарины, кадеты и нѣжныя дамы, барышни и дѣти и далекихъ Адмиральскихъ каютъ. Эта блѣдная, тихая, жирная вошь пряталась днемъ въ сукнѣ, въ бѣлье, въ батистѣ, въ кружевахъ, въ грубыхъноскахъ и ажурныхъ чулочкахъ; а ночью скребла и сосала съ одинаковой лютой жадностью закаленную кожу Донского казака и нѣжный атласъ Севастопольской дѣвочки. Этотъ звѣрь, страшнѣе крысы, былъ бичемъ бѣженства отъ осенняго Севастополя до знойной Африки, гдѣ горячія бани, обтиранія маслами и паровые дезинфекторы французскихъ врачей еле справились съ нею и освободили страдальцевъ.

Рано утромъ слѣдующаго дня въ одномъ изъ большихъ желѣзныхъ казематовъ, у большого мѣднаго круглаго умывальника, всѣ съ засученными рукавами, точно въ пестромъ хороводѣ мылись другъ подлѣ дружки: офицеръ, барышня, кадетъ, дама, матросъ кочегаръ; лилейныя ручки съ золотой браслеткой намыливались рядомъ съ крѣпкими, волосатыми мускуластыми руками и, несмотря на великое горе оставленія Родины полунищимъ бѣженцемъ, въ это послѣднее утро

у «общественнаго колодца» шелъ веселый и бодрый говоръ и смѣхъ. Запахъ розоваго мыла смѣшался съ запахомъ машиннаго масла.

Между фокъ и гротъ мачтами на верхней палубѣ сложили утромъ высокій плотный кубъ изъ корзинъ, сундуковъ, тюковъ и чемодановъ бѣженцевъ и покрыли его толстой парусиною и приставили къ нему кадета съ ружьемъ — часовымъ охранять «господское барахло», какъ окрестили этотъ кубъ Алексѣевскіе матросы.

Но погрузка еще не окончилась.

То и дѣло приходили изъ порта буксирные пароходы, шлюпки и баржи, груженые обувью, аммуниціей, ружьями, походными кухнями и даже автомобилями. Два темно-синихъ лакированныхъ, съ зеркальными сверкающими стеклами и никеллированными фонарями высоко поднимались и опускались у борта на разгулявшейся волнѣ.

Старшій офицеръ хватался за голову и разводилъ руками, не зная, какъ и куда размѣстить все это необычное и странное столпотвореніе изъ людей, вещей и животныхъ.

Барскія и матросскія собаки бѣгали по палубѣ. На бакѣ у носовой башни мычали три корпусныхъ коровы. Забитые въ клѣтки и ящики, кричали пѣтухи и куры.

Съ палубы на плясавшія баржи неслись крики и брань. Только къ вечеру нагрузившись, до отказа, и задымивъ одной трубой «Генералъ Алексѣевъ» снялся съ якоря и медленно-медленно двинулся могучей сѣрой бронированной массой въ темную даль, разрѣзая стальнымъ форштевнемъ тоже могучія черныя волны.

Было 10 час. вечера послѣдняго дня октября, когда Бѣлыя Арміи, флотъ и ихъ семьи покинули родную землю и вмѣстѣ съ горючими слезами жгучей боли разставанія съ Матерью-Родиной, которыми обливались тысячи сердецъ этихъ Русскихъ людей, въ тѣхъ же сердцахъ билась тайная радость, дрожало ликованіе, что вотъ наконецъ то ушли, спаслись, вырвались на волю изъ лютыхъ когтей краснаго «Человѣка-звѣря».

Крестились, плакали, улыбались, смѣялись, не отрываясь смотрѣли, стоя обнявшись на темной кормѣ, на тонувшіе бе-

рега Инкерманскихъ и Мекензiевыхъ горъ, на мерцавшiе огни родного города Севастополя.

Все дальше и глубже въ черную ночь уходилъ линейный корабль, прислушиваясь по радiо къ приказанiямъ Бѣлаго Адмирала на крейсерѣ «Генералъ Корниловъ», наблюдавшаго въ Севастополѣ за выходомъ своего флота. · Всю ночь одинъ за другимъ выходили изъ порта груженые до-верху корабли бѣлой эскадры и силуэты ихъ исчезали въ ночной темнотѣ. Невидимыми нитями безпроволочнаго телеграфа были они всѣ связаны съ рубкою Командующаго послѣднимъ Черноморскимъ флотомъ.

А онъ спокойный и твердый властно велъ ихъ по Черному морю на юго-западъ къ далекому Босфору къ завѣтнымъ вратамъ Царе-Града. Послѣднимъ покинулъ онъ родной Севастополь, когда убѣдился, что всѣ они вышли изъ обреченнаго города. Подъ крыломъ его находилась и душа Бѣлыхъ Армiй — Генералъ баронъ Врангель, Начальникъ его штаба Генералъ Шатиловъ и другiе чины его штаба.

Прошла и эта ночь и, засiявшее на востокѣ, ликующее солнце освѣтило лишь темно-синюю, какъ сапфиръ равнину моря и, опрокинутый надъ нею, бирюзовый куполъ яснаго утренняго неба. Въ небѣ летали бѣлыя чайки. По морю шли стальные корабли. Въ волнахъ кувыркались дельфины. Люди на палубахъ любовались ихъ игрою, цвѣтомъ моря; грѣлись на солнцѣ, и тихая радость спасенiя согрѣвала ихъ сердца. Довѣрчивой благодарной мыслью они устремились къ своему Адмиралу и вѣрили теперь твердо, что будутъ спасены.

Такъ плыли они день, два, пятыя сутки; все небо да море, сапфиръ и бирюза.

Ни земли, ни скалы, ни островочка.

Наступило 6-го ноября День Св. Павла Исповѣдника — праздникъ Морского Корпуса.

На кормѣ парадный Аналой. Стоятъ во фронтѣ офицеры, гардемарины и кадеты. Тутъ же дамы, барышни и дѣти.

Епископъ Венiаминъ служитъ торжественный молебенъ, поетъ свой хоръ кадетъ и вольною птицей несется молитва въ открытое небо.

Въ походной кухнѣ славнаго отряда Рыкова сваренъ жир-

ный супъ и въ немъ, несмотря на всю тогдашнюю бѣдность, плаваетъ «традиціонный» гусь.

Дамы и барышни жарятъ кадетамъ «лепешки» на мангалкѣ въ придачу къ ежедневному корнбифу. Бѣлыя жирныя лепешки взамѣнъ ломтя обычнаго чернаго хлѣба. Вотъ и отмѣтили праздникъ Корпуса бѣдные, бездомные, бѣженцы-переселенцы. Впрочемъ «домъ» еще есть! Есть еще и Россія! Пока на родномъ кораблѣ, подъ сѣнью Андреевскаго флага — это все еще родная земля, это все еще Россія! Такъ думаютъ эти люди на стальномъ кораблѣ среди спокойнаго синяго моря. Поберегъ ихъ Господь до Босфора. Не далъ кораблямъ раскачаться, не увлекъ ихъ на темное дно съ роковою ихъ перегрузкою, да съ пустыми и легкими трюмами.

Наступила ночь и прошла. Снова взошло солнце. Земля! земля! — закричали на бакѣ «Генерала Алексѣева».

Лиловая волнистая полоса въ голубой утренней дымкѣ показалась на горизонтѣ по носу корабля. «Анатолійскій берегъ Босфора», — сказалъ штурманъ на высокомъ мостикѣ.

Съ каждой минутой, съ каждымъ шагомъ винта дредноута все явственнѣе вырисовывались сизыя горы и предметы на нихъ.

Деревья, первыя зданія. И вотъ, наконецъ, засверкала узкая серебряная полоска между этими горами, сверкнула и убѣжала въ глубь.

Чрезвычайно изрѣзанный живописными бухтами, скалами, мысочками, бухточками, Босфоръ лежалъ наконецъ передъ ними.

«Генералъ Алексѣевъ» остановился, медленно и важно покачиваясь на длинныхъ выпуклыхъ волнахъ. Черное море, вливаясь въ Босфоръ, тянуло сильнымъ теченіемъ.

На бакѣ забѣгали матросы, приготовляя перлиня для буксировъ.

Выплясывая трепака на водѣ, къ носу его подошелъ буксиръ «Илья Муромецъ» и принявъ толстые тросы съ «Алексѣева», завернулъ ихъ на чугунные кнехты. Пронзительно засвистѣлъ и далъ ходъ машинѣ. Другой буксиръ отвѣтилъ подъ кормой и сталъ сдерживать могучую корму, подъ которой крутилось теченіе. Пошли къ Босфору.

Вдругъ на палубѣ «Ильи Муромца» появился высокій, бравый Генералъ, молодой, румяный, полнолицый. Бѣлая папаха лихо сидѣла на его головѣ, красные шаровары горѣли на солнцѣ; разставилъ широко крѣпкія ноги въ высокихъ сапогахъ, бѣлый ментикъ свисалъ съ плеча. Онъ громкимъ голосомъ, весело и бодро закричалъ: «На «Алексѣевѣ»! поредайте: — Генералъ Слащевъ на «Ильѣ Муромцѣ» привѣтствуетъ «Алексѣевцевъ» съ благополучнымъ приходомъ!» — Командиръ съ мостика передалъ привѣтъ Защитника Крыма своей командѣ и всѣмъ запрудившимъ палубу людямъ; но гробовое молчаніе воцарилось на палубѣ и лица выражали боль и недоумѣніе, точно тронули ихъ раскрытую рану: «Крымъ»... «Севастополь»... нѣтъ! не надо! не будемъ вспоминать!.. не тревожьте больного!.. Еще такъ свѣжа, такъ горитъ эта рана!

Ни бодрое ура! ни мощный отвѣтъ военнаго привѣта; только одинокій голосъ командира въ рупоръ ему отвѣчаетъ: — «Алексѣевцы» благодарятъ Генерала Слащева-Крымскаго за его привѣтъ и желаютъ ему всякаго благополучія!» Прошло печальное видѣніе Крыма. Голубымъ очарованіемъ надвигался Босфоръ. Въ первой же бухточкѣ на Азіатскомъ берегу стоялъ Англійскій изящный миноносецъ, который контролировалъ входы и выходы судовъ.

Въ быстромъ теченіи серебряныхъ струй проплывали мимо мысы и заливы и разсыпанные на ихъ берегахъ живописные поселки и дворцы пашей.

Шефкеты — турецкіе пароходы по всѣмъ направленіямъ шныряютъ по Босфору, поддерживая сообщенія между селеніями и Константинополемъ.

Гардемарины и кадеты стоятъ во фронтѣ на ютѣ, горнисты по-минутно играютъ «захожденіе» крѣпостямъ и военнымъ кораблямъ.

Группы русскихъ дамъ и дѣвушекъ съ восторгомъ перебѣгаютъ съ борта на бортъ, не успѣвая насладиться очарованіемъ турецкихъ береговъ.

Вотъ проплываетъ живописное мѣстечко Терапія на Европейскомъ берегу съ роскошнымъ «кафэ» у самой воды;

тамъ гремитъ музыка и сидитъ богатая и нарядная публика. Бурное теченіе прямо рветъ берега.

Вотъ проносится мимо старинная сѣрая стѣна временъ господства грековъ.

Постоянными извивами течетъ Босфоръ.

Въ глубокой бухточкѣ въ саду миндаля, высокихъ тополей, туи, кипарисовъ красавица «Долма-Бахче». Дворецъ — рѣзного бѣлаго мрамора, гдѣ каждый камень, колоннка или сводъ покрыты нѣжнымъ изваяніемъ кружевъ.

Вотъ новые холмы. На нихъ мечети со стройнымъ, какъ свѣча высокимъ минаретомъ.

По бѣлымъ гладкимъ стѣнамъ вьется плющъ, свисаютъ бѣлыя, лиловыя глициніи. Прошли высокую квадратную «Дѣвичью башню» на крутой скалѣ, взяли влѣво и вошли наконецъ въ широкое Мраморное море. Здѣсь, противъ мѣстечка «Мода», отдалъ «Генералъ Алексѣевъ» свой тяжелый якорь, и, развернувшись носомъ противъ сильнаго теченья, остановился.

Противъ него на берегу Стамбула стоялъ великій храмъ Айя - Софія — храмъ Мудрости Господней.

Вдали на Мраморномъ морѣ виднѣлись «Принцевы острова»; тамъ на островѣ «Халки» стоялъ Турецкій Морской Корпусъ.

Черные съ позолотой каики, зеленые и красные ялики, нагруженные мандаринами, апельсинами, дынями, табакомъ и восточными сластями окружили корабль. Севастопольцы любовались Царь-Градомъ.

Въ этотъ городъ, нѣкогда великой Оттоманской Имперіи, нынѣ обѣднѣвшей и измученной великой войною, изсосанной Германцами и опекаемой англичанами и французами, Турціи, и рѣшилъ Командующій Черноморскимъ Флотомъ Вице-Адмиралъ Кедровъ отвести свои корабли. 30-го октября 1920 года онъ отдалъ приказъ: «Бѣлому флоту взять курсъ на Босфоръ и идти каждому, по способности въ Константинополь»,—и флотъ вошелъ въ дотолѣ запертыя цѣпями и минами, охраняемыя пушками и крѣпостями, вожделѣнныя для Русскихъ, Цареградскія врата. Очищенный отъ русскихъ и германскихъ минъ, стоялъ свободный и открытый красавецъ Бос-

форъ, и мирно отдавала честь турецкая крѣпость входившему въ воды ея Русскому Бѣлому Флоту.

Андреевскіе флаги рѣяли за кормой эскадры, но на гротъ-мачтахъ взивались французскіе флаги. Суда входили въ Босфоръ подъ французскимъ протекторатомъ.

Они искали пріютъ въ водахъ Мраморнаго моря, подъ сѣнью великой Айя-Софіи, подъ голубымъ флеромъ испареній Босфора, который нѣжной турецкой чадрою покрываетъ весь бѣлый Константинополь въ предзакатный часъ турецкаго солнца, заходящаго за дворцомъ Блистательной порты, и озаряющаго розовымъ свѣтомъ безцѣнную красоту рѣзного, кружевного мрамора великой «Долма-Бахче». И турки молчаливо кивали головами, улыбались турчанки за нѣжной чадрой, смотря съ холмовъ, съ береговъ и мечетей на входъ вчерашняго врага — сегодня друга.

Несокрушимой мощи и печальнаго безсилья. Такъ вошелъ Черноморскій бѣлый флотъ въ Мраморное море и бросилъ тяжелые якоря. Загремѣли по клюзамъ желѣзныя цѣпи и корабли остановились.

Линейный корабль «Генералъ Алексѣевъ». Крейсеръ «Генералъ Корниловъ». Вспомогательный крейсеръ «Алмазъ». Эскадренные миноносцы «Гнѣвный» и «Цериго». Миноносцы: «Капитанъ Сакенъ», «Жаркій», «Звонкій». Подводныя лодки «А. Г. 22», «Буревѣстникъ», «Тюлень», «Утка». Вооруженный ледоколъ «Гайдамакъ», «Джигитъ», «Илья Муромецъ». Тральщики: «Китобой», «Бакланъ», «Березань», «Ипполай». Посыльные суда: «Лукуллъ», «Якутъ», «Днѣпровецъ», «Атаманъ Калединъ», «Севастополь». Бывшій линейный корабль «Георгій Побѣдоносецъ». Быстроходный катеръ «С. К. — 1». «С. К. — 6». Транспортъ-мастерская «Кронштадтъ». Транспортъ «Ріонъ». Лоцманское судно «Казбекъ». Буксирно-спасательный пароходъ «Черноморъ».

Всѣ эти суда подъ Андреевскимъ флагомъ и масса коммерческихъ пароходовъ изъ всѣхъ портовъ Чернаго моря съ покинувшими родину русскими людьми, не имѣвшими силы жить и смотрѣть на страданія матери, терзаемой бѣсами краснаго ада и не смогшими побороть эту красную силу.

Тутъ же на рейдѣ въ Мраморномъ морѣ стояла яхта Глав-

нокомандующаго Бѣлой Арміей Ген. Врангеля «Лукуллъ». Вечеромъ въ день прихода Русскаго флота съ войсками и бѣженцами Главнокомандующій пригласилъ Адмирала Кедрова на совѣщаніе, послѣ котораго всталъ, протянулъ руку Командующему флотомъ, горячо пожалъ ее и сказалъ:

«Адмиралъ, Армія знаетъ, кому она обязана своимъ спасеніемъ! И я знаю, что я обязанъ только Вамъ, что мнѣ удалось вывести съ честью Армію, согласно моему обѣшанію, данному ей при моемъ вступленіи».

«Я никогда не забуду, Адмиралъ, какъ Вы одинъ выручили меня изъ чрезвычайно затруднительнаго положенія. Помните, когда мои войска, ослушавшись моего приказанія, не пошли къ намѣченнымъ пристанямъ для эвакуаціи; а бросились къ ближайшимъ портамъ, гдѣ не нашли пароходовъ; какой хаосъ, какое смятеніе, какія несчастья могли бы обрушиться на голову отходящей Арміи, если-бъ не Вашъ энергичный приказъ, заставившій всѣхъ образумиться и подчиниться моей дислокаціи».

Бѣлый Адмиралъ улыбнулся свѣтлой улыбкой, въ голубыхъ глазахъ засвѣтлѣлъ огонекъ счастливаго удовлетворенія.

«Если какая-либо воинская часть не подчинится немедленно распредѣленію ихъ по портамъ и судамъ Главнокомандующаго, то таковая не будетъ принята мною на корабли для эвакуаціи. Адмиралъ Кедровъ».

Вспоминая этотъ приказъ и радостное сознаніе, какъ молніеносно быстро, съ какою точностью и покорностью онъ былъ всѣми исполненъ; и ни одинъ человѣкъ не былъ забытъ, или отброшенъ. Вспомнилась ночь; когда онъ спалъ, отдыхая отъ тяжкаго дня труда и заботъ, когда вбѣжалъ взволнованный начальникъ оперативной части Арміи, просилъ и требовалъ у его Начальника Штаба Контръ-Адмирала Машукова срочно плавучихъ средствъ на 50.000 воиновъ для ихъ эвакуаціи и, какъ проснувшись отъ ихъ голосовъ, онъ приказалъ: «не на 50, а на 150.000 приготовьте корабли для эвакуаціи».

Въ Константинополь благополучно пришло на судахъ его флота 136.000 человѣкъ и нашли въ немъ свое спасеніе.

Въ продолженіе многихъ дней въ Константинополѣ Адмиралъ Кедровъ провелъ въ безпрерывныхъ хлопотахъ и заботахъ о судахъ, командахъ и бѣженцахъ, объ улучшеніи ихъ жизни въ непривычной и тяжелой судовой обстановкѣ, о питаніи всѣхъ вывезенныхъ имъ изъ Россіи, о частичной разгрузкѣ судовъ и свозѣ на берегъ на жительство многихъ частей сухопутныхъ войскъ.

Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ. На корабляхъ устроились съ большимъ удобствомъ, питаніе значительно улучшилось и многія войсквыя части съѣхали на берегъ. Всему этому много способствовалъ нашъ другъ французскій адмиралъ Дюмениль и его Начальникъ Штаба. Турецкое правительство предоставило имъ лагери на полуостровѣ Галлиполи при устьѣ Дарданеллъ, гдѣ и прожили русскіе воины довольно долгое время.

Генералы, сухопутные офицеры, штабныя дамы съѣхали въ Константинополь, въ Галлиполи, въ Сербію, въ Болгарію. Корпусныя дамы и дѣти перешли въ Адмиральское помѣщеніе изъ кубрика, а затѣмъ всѣ онѣ переѣхали на удобный пассажирскій пароходъ Ропита «Константинъ», на которомъ и ушли въ Бизерту, послѣ мѣсячной стоянки въ Царь-Градѣ.

Въ одно прекрасное тихое утро, Русская Бѣлая Эскадра подъ флагомъ Вице-Адмирала Кедрова покидала воды Мраморнаго моря и надолго прощалась съ гостепріимнымъ Царе-Градомъ. Генералъ Врангель съѣхалъ на яхту «Лукуллъ». На бульварѣ «Малыхъ Полей» на высокой Пера, на террасахъ горы надъ красивымъ турецкимъ кладбищемъ Кульшукъ-Мезаристанъ, откуда открываются такіе восхитительныя панорамы на Золотой Рогъ и на часть Стамбула, въ роскошномъ Кафе-Ресторанѣ, гдѣ игралъ симфоническій оркестръ, завтракали на верандѣ, полной свѣта и цвѣтовъ, англичане, французы, американцы — «союзники» — побѣдители Германіи.

Въ лорнеты, въ бинокли, въ подзорныя трубы смотрѣли они съ высокой и гордой Пера, на великую союзницу Россію, на скромныхъ сѣрыхъ боевыхъ корабляхъ выходившую изъ Мраморнаго моря въ узкія Дарданеллы. Самодовольная, честолюбивая, гордая улыбка играла на губахъ побѣдителей;

а въ углахъ этихъ губъ змѣилось состраданіе. Голубая вуаль затянула Константинополь и онъ потонулъ въ сѣрыхъ горахъ.

Выйдя на просторъ Средиземнаго моря, русскіе корабли прошли архипелагомъ въ Наваринъ, гдѣ догрузились углемъ и прѣсной водою на дальнѣйшій походъ въ Бизерту.

Въ Наваринѣ отъ «Генерала Алексѣева» отвалилъ большой барказъ, биткомъ набитый гардемаринами и кадетами. Я сидѣлъ на рулѣ его. На кормовомъ сидѣньи Вице-Адмиралъ Герасимовъ — новый Директоръ Морского Корпуса, Митрофорный Протоіерей о. Георгій Спасскій, вновь назначенный Настоятелемъ Церкви Морского Корпуса, и всѣ офицеры воспитатели.

Среди живописныхъ скалъ и острововъ проходилъ барказъ на дальній дикій островъ, гдѣ среди громадныхъ, острыхъ скалъ, въ густой зелени, стояла скромная греческая часовня.

Въ ней, колѣнопреклоненно, помолились новыя морскія поколѣнія и пропѣли «вѣчную память» героямъ морякамъ, сжегшимъ въ этой бухтѣ весь Турецкій флотъ въ день великой Наваринской побѣды. Побродивъ въ первый разъ снова по твердой землѣ и, надышавшись запахомъ апельсиновой рощи, юные моряки и старый Адмиралъ вернулись на линейный корабль. Ихъ встрѣтили новые Командиръ Капитанъ 1-го ранга Федяевскій и старшій офицеръ Ст. Лейт. Павловъ. Закончивъ погрузку угля и воды, поднявъ всѣ шлюпки, суда бѣлой эскадры вышли изъ архипелага и взяли курсъ на Бизерту.

За послѣдними скалами съ высокимъ маякомъ насвистывалъ вѣтеръ и бушевали синія волны.

Бѣлая эскадра шла по тѣмъ же водамъ, гдѣ, болѣе 100 лѣтъ тому назадъ, высокіе подвиги Адмирала Сенявина заставили побѣдоносно гремѣть имя великой Россіи. Часть эскадры шла Коринфскимъ каналомъ; а большіе корабли огибали Грецію. Сборъ всей эскадры для дальнѣйшаго похода въ Бизерту происходилъ южнѣе острова Корфу у береговъ Кефалоніи.

Тамъ, однажды вечеромъ съѣхалъ на берегъ Адмиралъ Кедровъ погулять и отдохнуть отъ своихъ заботъ.

У ближайшей деревушки къ Адмиралу подошла группа мѣстныхъ жителей. Сѣдой старикъ обратился къ нему погречески, а молодой грекъ, сносно говорившій по-русски, переводилъ слова старика: — Не русскій ли вы Адмиралъ и суда, стоящія у нашихъ береговъ, не русская ли это эскадра? узнавъ, что да, старикъ продолжалъ: — а мнѣ мой отецъ разсказывалъ, что когда то здѣсь тоже была русская эскадра подъ командою Вашего Адмирала Сенявина, которая насъ спасала отъ Бонапарта и имя его и русскихъ моряковъ до сихъ поръ не забыты въ этихъ мѣстахъ.

Эти простыя задушевныя слова глубоко запали въ сердце Командующаго бѣлой эскадрой и прозвучали въ немъ горячей благодарностью къ свѣтлому образу славнаго Адмирала, прославившаго Родину вѣкъ тому назадъ.

Доведя свой флотъ до береговъ Африки, Вице-Адмиралъ Кедровъ привелъ его къ «тихой пристани». Въ глубокой бухтѣ Каруба за бѣлымъ городомъ Бизертой, среди высокихъ горъ и зеленыхъ пальмъ установилъ онъ свои корабли на мертвыя бочки, якоря и швартовы, у пристаней канала и береговъ Бѣлаго города; заселилъ нагорныя крѣпости и лагеря спасенными имъ русскими людьми, и глубоко задумался, что дѣлать ему дальше. Долгъ былъ исполненъ. Непочатый край недюжинной энергіи, не позволялъ ему сидѣть «сложа руки» на «мертвыхъ якоряхъ». Посовѣтовавшись со своимъ Начальникомъ Штаба, Контръ-Адмираломъ Машуковымъ, онъ сдалъ флотъ и командованіе старшему Контръ-Адмиралу Беренсъ и, простившись съ людьми и съ кораблями, на французскомъ крейсерѣ «Эдгаръ Кинэ», отбылъ въ далекую Францію въ Марсель, въ Парижъ, чтобы тамъ, находясь въ близкой связи съ правящими кругами Франціи, помогать и заботиться о своемъ флотѣ и о бѣженцахъ во всей полнотѣ и возможности. Дѣйствительно, послѣ его отъѣзда въ Парижъ, Русской эскадрой заинтересовались больше, питаніе улучшилось еще и медицинская помощь французскихъ врачей подавалась всѣмъ безъ отказа. Бѣлая эскадра мирно

отдыхала, зная, что тамъ въ далекой столицѣ міра неусыпно слѣдитъ за нею любящій глазъ ея Адмирала.

Въ Парижѣ Командующій флотомъ прожилъ затѣмъ многіе годы; умъ его, вѣчно жаждущій новыхъ и новыхъ познаній, сердце бодрое и отзывчивое на каждый новый трудъ съ жадностью бросились въ науку. На скамьѣ студента Института Путей Сообщенія — Эколь Понъ-э-Шоссе сидѣлъ Вице-Адмиралъ Россійскаго Императорскаго Флота, прилежно и страстно учился. Въ 1925 году весь курсъ былъ имъ оконченъ. Въ восторженномъ изумленіи французы профессора и ученики сотоварищи увидѣли имя Михаила Кедрова. — Окончилъ первымъ изъ всего выпуска.

Это было въ третій разъ, когда сверкало его имя, первымъ, торжествуя надъ трудомъ и наукой въ его просвѣщенной и трудолюбивой жизни. Четыре года спустя этотъ Бѣлый Адмиралъ сталъ ядромъ и центромъ Военно-Морского Союза съ великой и свѣтлой задачей: «Стоять у изголовья великой больной Матери и всячески содѣйствовать ея выздоровленію». Подъ это знамя и понынѣ слетаются со всѣхъ концовъ міра орлы-офицеры, вѣрные святому долгу и страстной любви къ Родинѣ.

МОРСКОЙ КОРПУСЪ ВЪ АФРИКѢ.

Но вотъ и Бизерта. Что такое Бизерта? Бизерта — это сказка, пятилѣтній сонъ красивый и фантастичный.

Бизерта — это море, какъ безпредѣльный темносиній сапфиръ въ оправѣ золотыхъ береговъ, песковъ пустыни.

Волна прозрачная зеленымъ изумрудомъ переливается на солнцѣ.

Кружево бѣлой пѣны лобзаетъ золотой песокъ.

Море, порою, спокойное — зеркало ясной небесной лазури и яркихъ бриллiантовыхъ звѣздъ; порою бурное, мрачное, черное съ гнѣвомъ и ревомъ разбиваетъ могучія волны о бѣлыя скалы своихъ береговъ.

Бизерта — это бѣлый городъ съ куполами магометанскихъ мечетей и готикой католическаго храма; днемъ облитый жаркимъ золотомъ солнца, ночью — спящій въ серебрѣ луннаго сіянья.

Бизерта — это зеленый оазисъ среди песчаныхъ холмовъ и горъ. Стѣны зеленаго колючаго кактуса, аллеи стройныхъ пальмъ, колонны аллоэ вздымаютъ къ небу свои роскошныя розовыя чаши.

Лиловыя и бѣлыя глициніи душистыми гроздями спадаютъ по бѣлымъ стѣнамъ дворцовъ Правителей Тунизіи.

Въ глубинѣ, въ оправѣ сѣрыхъ горъ, покрытыхъ лиственными лѣсами, овальнымъ зеркаломъ, лежитъ большое озеро, какъ драгоцѣнная бирюза въ стальномъ кольцѣ.

На этомъ озерѣ отдыхаетъ Бѣлая русская эскадра. Бизерта — это малахитовыя чащи ея садовъ и долинъ, гдѣ все зеленое — воздѣланное поле, а бѣлыя жилы — шоссейныя дороги, уходящія въ горы, въ Алжиръ и Тунисъ.

По этимъ дорогамъ ѣдутъ бронзовые арабы на сѣро-дымчатыхъ ослахъ, проходятъ длинные караваны верблюдовъ, голубые всадники на арабскихъ коняхъ проносятся мимо и въ бѣлой пыли мелькаетъ ихъ красная феска и плащъ. Высокіе негры солдаты въ расшитыхъ мундирахъ проходятъ по-взводно, мелькаютъ дорогіе автомобили богатыхъ французовъ, да съ палкою и сумою пройдетъ русскій бѣженецъ.

Бизерта — это рощи маслины, гдѣ между кривыми черными стволами, пригибаясь къ землѣ своимъ стройнымъ станомъ, проходятъ бѣлыя фигуры арабскихъ женщинъ, съ головы до ногъ обвитыя тонкой бѣлой чадрой. Смуглыми руками въ серебряныхъ запястьяхъ онѣ будутъ собирать жирныя оливы въ круглыя корзины.

Когда на темномъ небѣ зажгутся голубыя звѣзды Оріона, онѣ уйдутъ въ свои аулы. Въ лѣсахъ завоютъ шакалы и прокричитъ тамъ выпь.

Бизерта — это городъ арабовъ, облагороженный французской культурой и порабощенный ею. За нимъ бѣгутъ поля, пальмовыя рощи, скалы каменоломни, оливковые сады и наконецъ холмы и горы; спрятанные въ кактусахъ, соснахъ и еляхъ, скрытые отъ глазъ съ долины, и съ моря стоятъ лагеря, крѣпости и бастіоны и съ этихъ то высотъ въ тихое воскресное утро или въ бурный вечеръ субботы разноситъ вѣтеръ тихій благовѣстъ русскаго храма.

Тамъ въ горахъ, за валами крѣпости, за тяжелой желѣз-

ной дверью, въ полутемномъ казематѣ горятъ лампады передъ новой иконой странниковъ бездомныхъ — «Радость Страннымъ». Въ облакахъ, плывущихъ надъ моремъ съ бѣлыми кораблями, надъ зеленымъ полемъ съ бѣлыми лагерями (русскихъ бѣженцевъ) растянула Царица Небесная свой святой покровъ Богородицы и внемлетъ молитвѣ-акафисту защитницѣ странниковъ бездомныхъ. Русскія женщины, дѣвушки, мальчики и дѣвочки, русскіе воины-моряки слушаютъ пѣснь сію утѣшительную на колѣняхъ въ волнахъ ладана.

Жарко горятъ восковыя свѣчечки подъ вѣнцомъ живыхъ цвѣтовъ, окружающихъ Ликъ Богородицы.

— «Защити, помоги и помилуй войско русское, войско бѣлое подъ покровомъ Твоимъ святымъ на высокой горѣ въ этой крѣпости!»

Въ амбразуру стѣны ворвался вѣтерокъ и колеблетъ хоругвь съ Ликомъ Христа и бѣлое знамя съ крестомъ Андрея Первозваннаго; а высоко надъ церковью на валу крѣпостномъ льется ласковый звонъ родного колокола. — Это тоже Бизерта. А за валомъ поля, полныя душистыхъ цвѣтовъ и травы изумрудной, тамъ пасутся стада бѣлоснѣжныхъ овецъ и черныхъ козъ и бредетъ за ними смуглый пастухъ и играетъ на старинной свирѣли, какъ въ счастливой Аркадіи.

Подъ откосомъ горы снова русскій говоръ, русская пѣсня. Тамъ деревня «Сфаятская». Съ десятокъ бѣлыхъ избушекъ «мазанокъ» съ черепичной крышей. По дворамъ бродятъ жирные гуси, утки плещутся у корыта, пестрыя куры водятъ желтыхъ цыплятъ, золотые пѣтухи съ красной бородкою выкрикиваютъ часы по солнцу.

«Гришку» — сѣраго осла запрягаютъ у лавочки въ телѣжку — ѣхать за товаромъ.

Въ закуткѣ бѣгаютъ черные и бѣлые красноглазые кролики и русская красавица въ шелковомъ повойникѣ выноситъ имъ рубленой моркови и капусты — будетъ кроликамъ праздникъ!.. Крошечная дѣвочка тянетъ мать за юбку: «мама! дай морковку!» — а пока, сосетъ пальчикъ.

За деревней (лагеремъ русскимъ) пологій обрывъ въ широкую долину. По склону черной земли спускаются бѣ-

лые волы съ плугомъ, за ними бредетъ старый арабъ въ сѣромъ бурнусѣ и цѣдитъ сквозь зубы заунывную пѣснь.

Съ обрыва видно озеро и далекія сизыя горы, видны родные корабли.

Озаренный Африканскимъ солнцемъ, ходитъ по озеру подъ всѣми парусами бѣлый русскій учебный корабль, на немъ загорѣлые юноши и мальчики работаютъ у снастей, какъ былые лихіе матросы былого паруснаго флота. Это — «Морякъ» подъ парусами; на немъ гардемарины, кадеты и молодые офицеры.

Съ обрыва сфаятскаго такъ ясно виденъ могучій синій просторъ и слышенъ отдаленный шумъ его прибоя въ дни грозныхъ бурь, тропическаго ливня и безпросвѣтныхъ тучъ, разрѣзанныхъ зарницей. Въ дни зимніе и осенью унылой, когда стучитъ стручекъ о вѣтвь, какъ кость скелета, когда черныя тучи низко несутся надъ горою «Кебира» и заволакиваютъ сырымъ туманомъ холодный Сфаятъ, вѣтеръ стонетъ тогда между потолкомъ и крышей, обрываетъ ставни, бьетъ черепицу; испуганно забьется мышь въ подполье и слышенъ дикій крикъ въ оливковомъ саду: кричитъ оселъ, привязанный у древа.

Одѣвши на себя все шерстяное, теплое, что удалось захватить съ собою изъ дома — изъ Россіи, закутавшись въ «подарки французовъ», и въ «благодѣянія американцевъ», т. е. въ одѣяла, сфаятскіе жители за дверями и ставнями пересиживаютъ бурю, или спятъ, если арабскіе клопы даютъ имъ возможность заснуть. Рыжіе, лютые, многосемейные, кровожадные клопы, эти арабскіе. — Это тоже былъ бичъ роковой. Но за то, какъ прекрасна весна!

Бизерта — это кладбище на высокой горѣ, французское кладбище, гдѣ подъ священной тѣнью темныхъ кипарисовъ спятъ вѣчнымъ сномъ усталые русскіе труженики, такъ страстно, такъ нѣжно, такъ глубоко любившіе свою Россію и не дождавшіеся ея великаго воскресенія.

Пухомъ да будетъ Вамъ французская земля на арабской горѣ. Въ спасеніе великой Родины Вы тоже внесли свою долю труда, любви и заботы, и не забудутся они въ вѣчной книгѣ Живота и Правды.

Бизерта — это жгучее дыханіе пустыни, горячее Сирроко — огненный вихрь, сжигающій листья и травы, изсушающій рѣки и водопады, прожигающій сердце человѣка до изступленія и доводящій нервы его до преступленія, отъ бѣлой женщины — неврастеника до закаленнаго араба, которому прощаются преступленія въ эти дни содѣянныя.

Въ эти дни такъ сладко пахнутъ золотые цвѣты мимозы и листья «недотроги» сами раскрываются; на обрывѣ подъ ея вѣтвями такъ легко читается «Случайность» Локка и такъ воспріимчиво къ ней сердце молодой и прекрасной женщины. Знойный вѣтеръ, какъ дыханіе демона прожигаетъ сердце дѣвичье и въ жизнь мужчины она входитъ, какъ «случайность». Не «случайность» ли и сама жизнь наша? — Для Морского Корпуса жизнь въ Бизертѣ была рѣдкой случайностью.

Небо голубымъ куполомъ охватило кольцо бизертскихъ холмовъ, озеро, бѣлый городъ и темно-синее море.

На плоской вершинѣ Джебель Кебира высоко надъ моремъ у воротъ мертвой крѣпости тихо и мѣрно шагалъ бронзовый часовой. Краснымъ макомъ горѣла на головѣ его феска, раскачивались голубые шаровары на ходу и бѣлый плащъ, подбитый малиновымъ сукномъ, ниспадалъ съ плечъ живописными складками. Онъ былъ одинокъ на этой вершинѣ этотъ арабъ колоніальнаго войска и было ему скучно у желѣзныхъ воротъ каменнаго форта.

Вдругъ его черные, влажные глаза оживились, мелькнули яркіе бѣлки въ сторону моря. Онъ остановился удивленный и замеръ, какъ статуя, въ мертвомъ безмолвіи пустынной горы.

Тамъ, куда устремился его взоръ, разрѣзая синюю равнину моря стальными носами, шли военные корабли. За кормой ихъ рѣяли бѣлые флаги съ голубыми крестамч, а на мачтахъ развѣвались французскіе флаги. Линейные корабли, крейсера, миноносцы, подводныя лодки, транспорта шли съ моря въ Бизерту, направляясь въ каналъ. Что за суда, какой націи? — подумалъ солдатъ, знавшій только флагъ французскій, да Тунисскаго бея.

Шаги за нимъ, онъ оглянулся; взялъ ружье къ ногѣ, всталъ смирно. Пришла смѣна часовыхъ съ разводящимъ. Вы-

шелъ изъ крѣпости французъ сержантъ, позвенѣлъ ключами отъ боевыхъ погребовъ и, указывая на идущіе съ моря корабли, сказалъ разводящему по-французски: «вотъ идутъ Русскіе, у нихъ была революція и они пришли искать убѣжища у насъ, у французовъ». (Сержантъ читалъ газеты и увлекался политикой). Смѣненный часовой еще разъ посмотрѣлъ на корабли и губы его повторили по-своему слова сержанта: «Русса, Русса, Алла малекумъ, Русса!» — и онъ побрелъ въ караулку обѣдать и спать, бормоча на ходу свой идеалъ жизни: «боку манжю, боку кушю, пе травайе».

А корабли, тѣмъ временемъ, входили уже въ каналъ Бизерты и разстанавливались на якоря и бочки французскимъ капитаномъ — надъ портомъ.

Гремѣли якорные канаты, убѣгая въ воду. Ярко-желтые флаги взвились на мачтахъ. Французскій карантинъ покрылъ Русскіе суда. Никто не смѣлъ съѣхать на берегъ, никто не смѣлъ пріѣхать къ намъ. Что за болѣзнь была на эскадрѣ? Оспа, тифъ или чума? Нѣтъ! не того опасались французы: отъ тифа, чумы — есть прививка. Мы шли изъ страны ужасной болѣзни: красной духовной проказы, и вотъ этой заразы, пуще другой, боялись французы. И вотъ: «карантинъ» надъ судами... вотъ желтые флаги...

Около мѣсяца простояли мы въ Бизертѣ подъ желтымъ флагомъ, наконецъ насъ узнали, оцѣнили, поняли, сдѣлали отборъ на опустѣвшій, къ тому времени, пароходъ «Константинъ» и отправили его обратно въ Россію. Дошелъ ли не знаю и куда пришелъ не вѣдаю. Только желтый флагъ слетѣлъ съ мачты и земля... земля стала намъ доступной. Комиссіи изъ офицеровъ эскадры, изъ офицеровъ корпуса и представителей французскихъ властей начали усердно объѣзжать лагеря, крѣпости и поселки, изыскивая мѣсто, гдѣ бы крѣпче, лучше и удобнѣе свить себѣ новое гнѣздо на чужомъ деревѣ.

Звучали имена «Надоръ», «Аинъ-Драхамъ», Сфаятъ, Кебиръ, Сенъ-Жакъ и многіе другіе. Для Морского Корпуса былъ выбранъ Сфаятъ и Джебель Кебиръ, та самая — «высокая гора», съ которой въ день прихода эскадры смотрѣлъ удивленный солдатъ.

Позвякивая ключами, прошелъ французскій сержантъ и тяжелыя желѣзныя ворота крѣпости гостепріимно открылись навстрѣчу первымъ русскимъ переселенцамъ: Капитану 1-го ранга Китицыну, его мичманамъ и гардемаринамъ. Они вошли въ крѣпость, заняли фортъ и начали всѣ приготовленія къ принятію Морского Корпуса въ нѣдра французской крѣпости.

Во дворѣ стояли фургоны съ соломой для тюфяковъ, арабы-солдаты вытаскивали топчаны, сержанты выдавали чехлы и одѣяла. Работа кипѣла въ молодыхъ энергичныхъ рукахъ. Быстро сколотилась и создалась I-ая рота Гардемаринъ Корпуса (Владивостокская).

Наступила моя очередь съѣзжать съ «Генерала Алексѣева». Спѣшно укладывали кадеты свое обмундированіе и личныя вещи въ походные мѣшки и кисы. Получались довольно грузные кули. Возникъ вопросъ: съ ружьями пойдемъ, съ ротнымъ флагомъ или, какъ нестроевая команда?

Узнали: французы берутъ оружіе наше «на храненіе», точно мы сами не умѣемъ его хранить!

Со скрежетомъ, и чуть ли не со слезами, укладываютъ кадеты жирно-смазанныя винтовки въ парусину, и зашиваютъ тюками, чтобы не заржавѣли... вѣдь пригодятся, когда-нибудь.

Раннее утро. Сыровато. Прохладно. Въ послѣдній разъ, пройдясь по палубѣ линейнаго корабля «Генералъ Алексѣевъ», который замѣнялъ намъ родную землю — Россію, который вывелъ насъ изъ краснаго плѣна, окинувъ его могучіе обводы и священный флагъ, простились мы со своимъ спасителемъ и сошли на палубу французскаго буксира. Помахали фуражками, прокричали ура! и отошли по каналу. Прощай, родная земля! — теперь ужъ мы въ Африкѣ по настоящему. Но гдѣ же негры?

А вотъ и они! Подходимъ къ пристани. На берегу взводъ высокихъ солдатъ. Черные живые, настоящіе негры.

— «Что это? зачѣмъ этотъ взводъ? развѣ мы военноплѣнные?» — Нѣтъ, пожалуйста, не безпокойтесь, предупредительно говоритъ любезный французскій лейтенантъ, провожающій насъ... въ лагеря?.. нѣтъ; въ... баню! — какъ мож-

но? — сперва отмыться, продезинфецировать всѣ вещи; а ужъ потомъ въ чистые лагеря; а на негровъ не обращайте вниманія: это не конвой, нѣтъ, Вы свободны здѣсь, какъ въ любой странѣ, эти негры — проводники и Ваша охрана отъ туземцевъ.

Перевожу кадетамъ своей роты рѣчь французскаго офицера. Вздваиваемъ ряды, равняемъ фронтъ и маршъ въ дорогу. За спиной на плечѣ не ружье, а сума и сума претяжелая. Только ротный флагъ впереди, да и тотъ въ чехлѣ. Ноги вязнутъ въ пескѣ, танки тяжелые, засидѣлись на кораблѣ, отвыкли отъ походовъ; но гордость и ротная честь: идутъ красиво, стройно, вздвоенными рядами, держа равненіе: вотъ, вотъ грянетъ пѣснь, русская, залихватская. Не ударятъ въ грязь передъ французомъ, да и передъ неграми: солдаты вѣдь, хоть и черные, значитъ знаютъ толкъ въ маршировкѣ.

Солнце поднялось выше, стало припекать. Песокъ глубже, дорога тяжелѣй, становится жарко. Французскій Лейтенантъ бодро шагаетъ рядомъ со мною и занимаетъ разговорами о томъ, какую богатую культуру внесли французы въ эту дикую пустыню и какъ расцвѣла Бизерта за 30 лѣтъ. Площадь озера, гдѣ стоятъ Ваши корабли, говоритъ онъ дальше: — равна Парижу и можетъ скрыть весь нашъ флотъ; а гора Джебель Кебиръ, гдѣ Вы будете жить, по высотѣ равна Эйфелевой башнѣ. Но, какъ ни интересны разсказы лейтенанта, идти все труднѣе и жарче, нестерпимо рѣжутъ плечо два походныхъ моихъ чемодана. Офицеръ ихъ замѣтилъ, подзываетъ высокаго негра и приказываетъ взять мои чемоданы. — Ничего, донесу до мѣста, говорю я жертвенно; но сильная черная рука уже схватила мои чемоданы и, какъ перышко, перебросило ихъ на могучее плечо. — Тебѣ не тяжело? — спрашиваетъ французъ негра. — Онъ отвѣчаетъ широкой улыбкой бѣлыхъ крѣпкихъ зубовъ: ххыы! и качаетъ отрицательно черной головою. Какое облегченіе плечу, жаль, что нѣтъ съ нами фургона, онъ облегчилъ бы плечи всей роты.

Идемъ, идемъ; пески, да кактусы, да изрѣдка стройныя пальмы; а «бани» все нѣтъ, да нѣтъ.

Такъ прошли мы болѣе часа, пока, наконецъ, на при-

горкѣ жидкаго лѣсочка, не увидали бѣлаго зданія съ черепичной крышей. Гигантскіе котлы, возлѣ которыхъ копошились негры-санитары и французскій врачъ.

— Рота стой! — скомандовалъ я: — чемоданы долой! сложить за фронтомъ!

Наконецъ то! какое облегченіе. Кадеты стоятъ красные, разогрѣтые — не по паркету шагать — по пескамъ Африки.

Первый взводъ! — вещи въ дезинфекцію, люди въ баню. Вытаскиваемъ все кожанное: сгорить въ дезинфекціи; все остальное — черные санитары вилами въ котлы, сотни градусовъ наконецъ убьютъ нашу мучительницу вшу — попила ты нашей кровушки, блѣдная, жирная, будетъ съ тебя! Полѣзай въ котелъ!» — острятъ голые кадеты, съ удовольствіемъ сбрасывая съ себя одежду и бѣлье, и весело подставляя спину подъ теплый дождь.

Вхожу и я подъ душъ. Испуганно срывается негръ и шепчетъ на ухо: «Командань, пуръ офисье аппаръ, бянъ аппаръ, па савекъ ле матло!

— Да это не матросы, — успокаиваю я моего заступника, — это мои кадеты, мнѣ ли ихъ стѣсняться идти вмѣстѣ въ воду.

Въ огонь и въ воду пойду со своей ротой!

Негръ удивленно уступаетъ.

Другой подходитъ съ сосудомъ пахучаго масла и предлагаетъ кисточкой смазать всѣ волосы: все отъ той же «блѣдной и жирной». Принимаемъ медицинскую помощь.

Счастливые, освобожденные, чистоотмытые и одѣтые въ чистое бѣлье, точно новорожденные выходимъ мы изъ бани. Укладываемъ въ чемоданы продизенфецированное платье, закусываемъ на дорогу консервами и хлѣбомъ. Въ лѣсочкѣ собрались туземцы и съ любопытствомъ разсматриваютъ Руссовъ.

Ко мнѣ подходитъ сѣдой французскій докторъ, любезно справляется о нашемъ здоровьѣ, о банѣ и будущемъ житьѣ въ Бизертѣ. Благодарю за все.

Съ ротой, нагрузившись снова мѣшками, двинулись мы въ обратный путь вдвое длиннѣе и мучительнѣе перваго, ибо шелъ онъ въ гору и подъ проливнымъ дождемъ.

Первый душъ мы приняли голыми, второй въ одеждѣ и въ полной аммуниціи. Щедро поливала природа Африки и наши походные чемоданы, вещи намокли — хоть выжми.

Впереди всѣхъ шелъ высокій негръ и велъ вороного коня подъ желтымъ сѣдломъ. Это была лошадь французскаго лейтенанта. За ней шелъ я съ этимъ офицеромъ. За мной моя рота съ суббалтернъ-офицерами. Мы подошли къ берегу канала, переплыли на паромѣ на другой берегъ и вступили въ Бизерту.

Изъ-за дождя на улицахъ было мало народа, но тѣ, кто были, долго провожали насъ по улицамъ города, таково было общее любопытство въ первые дни.

Пройдя весь городъ, вступили на шоссе и стали подыматься все выше и выше, черезъ оливковыя рощи, мимо полей и пальмъ, отдыхая въ пути не болѣе пяти минутъ, чтобы успѣть засвѣтло дойти до «Сфаята».

Еще послѣднее усиліе, борьба съ несущимися навстрѣчу ручьями и потоками рыжей воды съ сучьями и щебнемъ, въ которой скользятъ усталые ноги въ танкахъ и ноютъ плечи отъ набухшихъ водою тюковъ... Ура! поднялись на дорогу вотъ ужъ и бѣлые домики Сфаята. Я остановилъ роту, далъ ей оправиться и подтянуться. Мокрые до послѣдней нитки, забрызганные грязью и глиной, мы вошли фронтомъ въ лагерь «Сфаятъ».

На дорожкѣ у бѣлаго барака стоялъ фронтъ старшихъ гардемаринъ во главѣ съ Капитаномъ 1-го ранга Китицынымъ.

— Подходя къ фронту Владивостокскаго Училища я скомандовалъ своимъ Севастопольцамъ: Смирно! равненіе направо! Господа офицеры!

Роты отдали честь другъ другу и слились въ одну жизнь.

Молодые мичмана энергично и быстро указали приготовленные помѣщенія для моихъ кадетъ, выдали постели и кадеты, обсушившись, развѣсивъ мокрое обмундированіе на деревьяхъ и закусивъ, стали набивать соломою свои тюфяки, и вскорѣ заснули на нихъ мертвымъ сномъ; теперь уже никакое насѣкомое не безпокоило ихъ до самаго утра. Новаго утра. Новой жизни.

Вскорѣ въ Сфаятъ прибыла II-я Гардемаринская рота Капит. 1-го ранга Кольнера — севастопольская. III-я Гардемаринская, которой командовалъ Лейтенантъ Мейеръ образовалась частью въ Севастополѣ путемъ пріемныхъ экзаменовъ, частью зачисленіемъ въ Константинополѣ и въ Бизертѣ. Весь личный составъ преподавателей, ихъ семействъ и семьи офицеровъ пріѣхали нѣсколько позже, такъ какъ должны были пройти медицинскій осмотръ, бани и дезинфекцію во французскомъ госпиталѣ Сиди-Абдала.

Еще позже изъ дѣтей офицеровъ Эскадры, Корпуса, семей бѣженцевъ, разсыпанныхъ по лагерямъ Бизерты, и сиротъ составились еще двѣ малолѣтнихъ роты 6-ая и 7-ая.

Когда всѣ собрались на высокомъ Кебирѣ и въ долинѣ Сфаята ихъ было 320 гардемаринъ и кадетъ, 60 офицеровъ и преподавателей, 40 человѣкъ команды, 50 членовъ семей.

Всѣ эти 470 человѣкъ составили маленькое самостоятельное русское княжество, управляемое главою его Вице-Адмираломъ Герасимовымъ, который держалъ въ рукахъ своихъ всю полноту власти. Карать и миловать, принимать и изгонять изъ княжества было всецѣло въ его власти. И онъ, какъ старый князь древне-русскаго княжества мудро и властно правилъ имъ, чиня судъ и расправу, разсыпая милости и благоволенія.

Пріѣхавъ съ линейнаго корабля «Генералъ Алексѣевъ», Директоръ Корпуса въ сопровожденіи Контръ-Адмирала Машукова, желавшаго посмотрѣть, какъ устроился въ крѣпости, открытый имъ Корпусъ, поднялся на Кебиръ и, осмотрѣвъ всѣ казематы и помѣщенія крѣпости, Адмиралъ Герасимовъ выбралъ себѣ скромную комнату, гдѣ сталъ устанавливать и застилать двѣ койки.

— Вотъ здѣсь я буду жить, — сказалъ А. М. Герасимовъ.

— А для кого же вторая койка? — спросилъ Н. Н. Машуковъ.

— А для жены моей, для Глафиры Яковлевны, — отвѣтилъ Александръ Михайловичъ.

— Какъ для жены? — воскликнулъ Николай Николае-

вичъ: — вѣдь мы же порѣшили, что женщинъ не будетъ въ крѣпости!

— Она не женщина, — спокойно отвѣтилъ Директоръ.

— Кто же она? — спросилъ Машуковъ.

— Она — Ангелъ, — отвѣтилъ А. М. Герасимовъ и добрая, свѣтлая улыбка озарила все его лицо.

Но разъ ужъ мы такъ порѣшили, я, такъ и быть, устроюсь внизу въ Сфаятѣ.

Такъ старый князь не сѣлъ на Путивлѣ, а спустился въ вотчину свою Сфаятскую, гдѣ и сѣлъ въ крайней бѣлой избѣ, на верхней терассѣ холма, подъ сѣнью Іудина дерева.

На высокомъ Кебирѣ засѣлъ, со своею дружиною, его помощникъ Капитанъ 1-го ранга Китицынъ и, съ первыхъ же дней, сталъ его владыкою; а дружину свою, какъ золотую мозаику вкрапилъ въ бѣлый мраморъ княжества на должностяхъ отдѣленныхъ начальниковъ, младшихъ офицеровъ ротъ, фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ, въ учебную, хозяйственную и административную части; а весь избытокъ устроилъ въ офицерскіе артиллерійскіе классы на «Генералѣ Алексѣевѣ», въ подводное плаваніе.

Ангелъ — Глафира Яковлевна сѣла княгинею во Сфаятѣ, и стала истиннымъ Ангеломъ Хранителемъ и мужа своего, и сына, и всего княжества русскаго Кебирскаго.

Она хранила его правителя и сама участвовала въ правленіи. Изъ женъ воспитателей и преподавателей создала она «Дамскій Комитетъ» и мастерскую, которая обшивала весь корпусъ. Она заботилась, какъ родная мать, о дѣтяхъ и кадетахъ, организовала пріемъ и справедливую раздачу молока, шоколада, американскихъ подарковъ и распредѣленіе работъ по шитью; устройство угощеній кончающимъ Гардемаринамъ; ласковой, доброй русской душою мудро подходила ко всѣмъ жизненнымъ вопросамъ княжества и сглаживала умѣло и быстро всѣ шероховатости человѣческихъ отношеній.

Какое бы маленькое Царство, какое бы княжество, городокъ или даже лагерь не сложился бы изъ людей, всегда будетъ въ немъ общая тяга къ солнцу, къ правителю, къ главѣ и къ мѣсту въ теплѣ и свѣтѣ главнаго свѣтила, главнаго лица.

Такъ и въ этомъ крошечномъ княжествѣ боролись между собою отдѣльныя личности, партіи и соединенія единомыслящихъ людей. Ангелъ Хранитель Глафира Яковлевна Герасимова въ постоянныхъ бесѣдахъ, ласковыхъ уговорахъ, мудрыхъ рѣшеніяхъ отводила грозы, громы и молніи отъ маленькаго княжества, которое съ такимъ трудомъ сложилось, такимъ трудомъ держалось и такъ легко и такъ быстро могло развалиться.

Въ «Сфаятской» избѣ нагружали склады одежды, бѣлья и обуви расторопные цейхгаузники. Молодыя елочки окружали деревню, какъ цѣпь часовыхъ и скрывали ее отъ глазъ посторонняго, хотя иноземные гости знали дорогу и иногда заѣзжали въ это русское княжество.

У обрыва холма подъ тѣнью винной ягоды стояла самая малая избушка — въ ней была Казенная лавочка для всего населенія. Ниже библіотека и литографія.

Дровосѣки кололи дрова на заднемъ дворѣ. Водовозы возили питьевую воду на мулѣ. Подъ горой у ключа, на каменномъ лоткѣ, подъ зеленой крышей шелковичнаго дерева прачки мыли и сушили бѣлье. Еще изба, въ ней слышенъ стукъ машинъ, трескъ нитки, лязгъ ножницъ, прорѣзающихъ сукно, полотна, парусину, бязь, здѣсь портнихи шьютъ бѣлье и одежду для воиновъ Кебира. Боже, сколько «прислуги» привезли съ собою эти сѣверные переселенцы! — скажетъ читатель: кашевары, хлѣбодары, дровосѣки, водовозы, прачки, грузчики, дворники и приборщики! Ошибся, другъ мой!

Кромѣ Джигита-татарина, вѣстового, да Махина не было у русскаго барина нынче прислугъ! Все сами дѣлали: офицеры, гардемарины, кадеты. Кадеты! дружокъ.

— Это сказка? — нѣтъ, то быль.

КАРТИНКА СФАЯТА

Высокое небо голубое, чистое.

Изрѣдка проплыветъ бѣлое нѣжное облако.

Изъ далекой жгучей пустыни горячій вѣтеръ долетаетъ до Сфаята и гонитъ милыхъ дамъ въ гамаки подъ тѣнь де-

ревьевъ, за стѣны бѣлыхъ бараковъ. Душно, жарко, хочется прохлады. Съ камня на холмикъ, съ холмика на поляну переходитъ бѣлая козочка и бѣгаетъ за ней веселая розовая дѣвочка Ляля Воробьева, на длинной веревкѣ прогуливая свою любимую козу.

Изъ дверей барака на второй терассѣ вышла дѣвушка въ русой косѣ, подошла къ дереву и насыпала крошекъ на деревянный лотокъ, стайка воробьевъ съ веселымъ крикомъ слетѣла къ ней и склевала крошки; подаривъ ихъ печальной улыбкой, Ирина Кноррингъ вошла въ комнату, сѣла къ столу и написала еще одно стихотвореніе въ свою тетрадь.

«Мы пришли умирать. Изъ холодныхъ снѣговъ, обагренныхъ въ крови, унесли мы глухія терзанья свои... Мы устали и жить и мечтать... Счастье наше давно прожито. Окружающій міръ намъ и глухъ и далекъ. Мы лишь тѣни былого, Мы жгучій упрекъ... Но кому и за что? Мы страдали одни... Мы устали отъ злобы, обидъ и борьбы, мы остались одни среди гордой толпы въ наши злые, предсмертные дни. Мы устали томиться и ждать. Намъ остались проклятья, да вѣщіе сны... Изъ холодныхъ снѣговъ въ край цвѣтущей весны мы пришли умирать».

Дѣвушка подняла свое блѣдное, овальное лицо, въ голубыхъ глазахъ ея сверкали слезы; подумала съ минуточку, и рѣшительно надписала заглавіе: «Бѣженцы».

На площадкѣ тенниса, окруженной молодыми соснами, звонкимъ колокольчикомъ звенитъ задорный смѣхъ.

Весело прыгаетъ на крѣпкихъ загорѣлыхъ ножкахъ, подбрасывая ракеткой бѣлый мячъ, хорошенькая дѣвочка Наташа Кольнеръ; золотыя кудряшки пляшутъ по загорѣлымъ, дрожащимъ отъ смѣха, щекамъ.

Ея партнеры-кадеты не отстаютъ отъ нея ни въ рѣзвости, ни въ веселости.

Молодая жизнь бьетъ въ нихъ ключемъ.

Сѣрыя, желтыя, рыжія, черныя куры молодыя и старыя и золотые пѣтухи разгуливаютъ себѣ по всему Сфаяту и частенько забредаютъ въ кабинки, не обходя и Адмиральской. Какъ только они поровняются съ директорской дверью, оттуда несется грозный окрикъ: — «къ черту» къ дьяволу! — и

бамбуковая палка летитъ въ золотыхъ шантеклеровъ. Съ крикомъ и пискомъ разлетается пернатая стая во всѣ стороны, во всѣ лопатки!

Адмиралъ переводитъ серьезные труды нѣмецкихъ и англійскихъ моряковъ о минувшей войнѣ, а тутъ эти назойливые пѣтухи и куры! Прохода нѣтъ отъ нихъ, что ни кабинка — то курятникъ! Яйца подъ топчанами, цыплята на койкахъ, пѣтухи на деревьяхъ орутъ во все горло.

У сосѣда не та картина. Сидитъ на корточкахъ митрофорный протоіерей и ласковымъ дружескимъ голосомъ приговариваетъ:

«Сюда, сюда, дурачки, маленькіе, глупенькіе, сюда, сюда... дурачки».

Желтые круглые цыплята и кривоногій утенышъ ковыляютъ къ настоятелю Кебирской Церкви и клюютъ съ блюдечка приготовленныя явства. «Дурачки» лѣзутъ ногами прямо въ пищу. Красивый батюшка умиляется надъ ними. — Блаженъ аще и скоты милуетъ.

По полянкѣ у елочекъ ходитъ Таня Гранъ, падчерица инспектора. Въ лѣвой рукѣ у нея рукопись моя — «Руѳь» — изучаетъ роль свою прекрасная «Моавитянка»; васильковые глаза полны вдохновенія, правая рука поднята торжественно къ небу и алыя губы шепчутъ съ восторгомъ: «Твой Богъ — мой Богъ! Твоя страна — моя страна! Твой народъ будетъ моимъ народомъ! И куда ты пойдешь, пойду и я!»

— Это ко мнѣ относится? — спрашиваетъ вдругъ мужской голосъ, и изъ-за елокъ выходитъ высокій, стройный брюнетъ съ синими глазами — Лейтенантъ Мейреръ — славный Командиръ Гардемаринской роты и счастливый женихъ. Покорилъ онъ себѣ городъ Казань, взялъ Сфаятъ — лагерь приступомъ, полонилъ красную дѣвицу царевну Татьяну.

Вздрогнула она, его голосъ услышавши, опустила руки, исчезла «Руѳь», стала она Таничкой — невѣстою и радостно, свѣтло улыбнулась своему избраннику.

Сняла съ груди его орденъ Св. Владиміра съ золотыми мечами и приложила, какъ брошь, къ взволнованной груди своей дѣвичьей. Окончилъ свой «пасьянсъ» Михаилъ Александровичъ въ кабинкѣ барона Соловьева, сложилъ колоду

картъ. Блѣднолицая, черноглазая баронесса бѣлыми холеными ручками, въ золотыхъ браслетахъ, гладила адъютантовы бѣлые брюки на гладильной доскѣ.

Поцѣловалъ ея руку Владыка Кебира и вышелъ изъ кабинки на полянку.

— Китицынъ идетъ! — пугливо прошептала Таничка и нацѣпила орденъ на грудь жениха.

— Да, съ орденами не шутятъ, — сказалъ избранникъ: — это Вамъ, барышня, не игрушки!

Пониже на шоссейной дорогѣ Гефсиманскаго сада среди оливокъ и кактусовъ слышенъ звучный трескъ барабана и дѣтскіе крики. Тамъ, подражая отцу, командуетъ 10-й ротой сынъ мой Сережа, шагаютъ не хуже кадетъ Шуринька Маркова, Леля Тихомировъ, сестра и братъ Насоновы, Мостикъ и Володька Ирмановы.

Бой барабана все слышнѣе, пѣсня все громче.

10-ая рота проходитъ по терассѣ.

Все ближе и ближе къ роковой двери.

Гудитъ барабанная кожа. Звонко льется пѣсня.

Изъ дверей грозный голосъ:

— Эй вы, барабанщики! подальше отсюда!

Бой замолкаетъ, команда разбѣгается.

Въ кабинкѣ голосъ:

— То пѣтухи, то барабанщики, не даютъ работать.

— Чекъ-чекъ-чекъ! — слышится на шоссе и въ Сфаятъ взбирается осликъ. По бокамъ его вздутаго живота висятъ длинныя корзины, полныя апельсиновъ, винограда, финиковъ и винныхъ ягодъ, за нимъ идетъ бронзовый арабченокъ въ красной фескѣ и живописныхъ складкахъ мѣстной одежды. И выкрикиваетъ товары.

Его обступаютъ дамы. Онѣ только что вышли изъ барака, гдѣ была у нихъ спѣвка, гдѣ регентъ съ огненно-рыжей бородой управлялъ ихъ голосами, изучая «Херувимскую». Апельсины!.. какъ пріятно, послѣ часового пѣнья освѣжить ротъ и горло кисло-сладкимъ сокомъ янтарнаго плода! И вотъ подъ щебетъ нашихъ птичекъ Божьихъ, птичекъ пѣвчихъ, корзины сильно опустошились, а довольный арабченокъ погналъ толстопузаго на Кебиръ. Другой арабъ значительно по-

старше, плотный, толстый, солидный въ бѣлыхъ широкихъ одеждахъ и въ зеленой чалмѣ ходитъ таинственно по кабинкамъ и скупаетъ «золото и брилліанты». На третьей терассѣ у крайнихъ дверей слышенъ стукъ молоточка — это папа Кольнеръ вколачиваетъ гвозди въ желтыя подошвы парусиновыхъ туфель. Туфли сшиты на славу, крѣпко, солидно, надолго, какъ и самъ мастеръ. Его конкуррентъ докторъ Марковъ тоже сапожничаетъ, шьетъ красиво и аккуратно; а, чтобъ отдохнуть, проявляетъ пластинки: онъ и фотографъ отмѣнный.

На обрывѣ Сфаята, въ бѣломъ короткомъ платьѣ, стоитъ Инна Федоровна Калиновичъ, тонкими обнаженными руками распускаетъ она по вѣтру свои длинныя русыя косы. Горячій вѣтеръ пустыни сушитъ ея, только что вымытую, головку.

Кто то увидѣлъ этотъ утесъ и бѣлую молодую женщину, стройную, какъ дѣвушка, съ распущенными волосами и назвалъ ее «Офеліей».

Въ оливковой рощѣ слышенъ топотъ копытъ; черезъ минуту-двѣ по дорожкамъ Сфаятскихъ терассъ проносится сѣрый конь въ крупныхъ яблокахъ, на голубомъ чепракѣ, желтое сѣдло, въ немъ французская дама въ черной амазонкѣ. Генеральша Дюжонши осаживаетъ горячаго коня у нашего барака, за нею слѣдуетъ капитанъ Лоридонъ на рыжей лошади. Онъ соскакиваетъ съ нея и помогаетъ сойти генеральшѣ. Изъ кабинки выходитъ Адмиралъ съ Адмиральшей, вызываютъ сосѣдку — мою жену.

Губернаторша Бизерты, посидѣвъ у Адмирала, затѣмъ у насъ, обходитъ послѣдовательно всѣ бараки, знакомится съ нуждами семей, капитанъ Лоридонъ записываетъ просьбы. Спустя часъ привѣтливая французская дама ловко вскакиваетъ въ сѣдло и, давъ хлыста, сѣрому въ яблокахъ, рысью уносится по оливковой рощѣ на шоссе въ Бизерту въ свой бѣлый, Губернаторскій дворецъ. Лоридонъ провожаетъ свою превосходительную даму.

Звонитъ колокольчикъ у Камбуза.

Съ желѣзными солдатскими жбанами идутъ и бѣгутъ къ бараку-кухнѣ офицеры, матросы, дамы и дѣти; каждый спѣшитъ въ очередь получить ужинъ для семьи. Черпакъ на

длинной ручкѣ — мѣрка супа на одного человѣка, борщъ, бобы или вареное мясо и паекъ хлѣба изъ кукурузной муки, да кипятокъ для заварки чая.

Всѣ разошлись по баракамъ, зажглись керосиновыя лампы, семья собралась вокругъ стола. Тихо въ Сфаятѣ. Ужинаютъ.

Не дологъ ужинъ бѣженца. Поѣлъ. Сытъ. И слава Богу! Наступаетъ вечеръ тихій, теплый. Полная луна освѣщаетъ бѣлые домики Сфаята голубымъ серебромъ и кладетъ фіолетовыя тѣни на дорожки; оливы, кактусы и алоэ кладутъ свои узоры на бѣлое шоссе.

По шоссе въ «Геѳиманскомъ» саду прогуливаются преподаватели Корпуса, чтобы провѣтрить головы отъ дневныхъ уроковъ и подышать воздухомъ прохладнаго вечера и говорятъ, говорятъ жадно ненасытно о философіи, о звѣздахъ, о политикѣ, о Россіи, о тоскѣ по родинѣ, о мечтахъ, о будущемъ.

Ходятъ группами и въ каждой центръ — дама Сфаята, — умиротворяющее начало, поэзія жизни, источникъ вдохновенія. Въ такіе вечера такъ хорошо, такъ красиво пѣвали пѣсни свои Гардемарины III-й роты, жившіе одно время внизу въ баракѣ.

Хорошо они умѣли пѣсни русскія пѣвать,
Ночью, «лунными нарядами»
Подъ оливами гулять,
Милыхъ дѣвушекъ Сфаята
Сердцемъ воина плѣнять.

Крѣпость, въ которой устроился Морской Корпусъ, находилась на вершинѣ высокой горы. Вершина эта кончалась плоскимъ холмомъ, поросшимъ жесткой травою и колючимъ кустарникомъ. Въ этой толщѣ французскіе военные инженеры и саперные войска искусно врѣзали крѣпкій фортъ, окруженный глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ. Валъ, широкой каменной стѣной, кольцомъ обнималъ всю крѣпость и замыкался высокими каменными воротами, съ толстой желѣзною рѣшеткой.

На воротахъ въ камнѣ была выбита надпись: «Джебель Кебиръ».

Начиная съ этихъ воротъ, вся крѣпость и внутреннія зданія были выстроены изъ крѣпкаго камня, какъ бы вросшаго въ окружающіе его дикіе, острые, грубо изломанные каменные холмы. Въ широкія окна крѣпостныхъ стѣнъ, кромѣ стеклянныхъ рамъ были вдѣланы толстыя чугунныя рѣшетки.

Въ эту мертвую, мрачную, сѣрую крѣпость широкой волной влилась молодая, веселая, бодрая русская жизнь въ лицѣ 320 жизнерадостныхъ Гардемаринъ и Кадетъ.

Изъ нижняго лагеря «Сфаята», извиваясь бѣлой змѣей, шла по краю горы на Кебиръ шоссейная дорога, съ внутренней стороны ее обрамляли дикіе камни, колючіе кусты шиповника и густыя заросли серебристой полыни, съ внѣшней стороны тянулись ели и сосны и кружилъ обрывъ горы, убѣгавшій полого въ широкую долину съ полями и рощами кудрявыхъ маслинъ.

Шоссе кончалось на плоской широкой площадкѣ у самой крѣпости, ворота которой, глубоко спрятанныя въ вырѣзахъ горы, неожиданно открывались вамъ на встрѣчу.

Съ этой строевой площадки открывалась зрителю восхитительная панорама на всю Бизерту съ ея горами, озеромъ, пальмовыми аллеями и прелестной бухтой Средиземнаго моря.

Эта площадка служила Морскому Корпусу, какъ бы «Шканцами» — священнымъ мѣстомъ корабля; на ней служились молебны, выносился знаменный флагъ (39 флотскаго Черноморскаго экипажа). Проходилъ «церемоніальнымъ» маршемъ весь баталіонъ Корпуса, читались приказы, и рѣчи начальствующихъ лицъ, устраивались парады въ храмовой праздникъ Корпуса 6-го ноября, въ пріѣзды французскаго Адмирала барона Эксельмансъ, Ген. Дюжонши и Маршала Петена, Вице-Адмирала Кедрова, Контръ-Адмирала Беренса, Военно-Морского Агента во Франціи Капитана 1-го ранга Владимира Ивановича Дмитріева, коимъ Морской Корпусъ былъ всецѣло обязанъ всѣмъ своимъ существованіемъ въ этой французской колоніи. Повернувшись налѣво кругомъ, спиною къ городу и морю вы входите въ желѣзныя ворота Кебира.

На этомъ мѣстѣ встрѣчаетъ рапортомъ дежурный по Кор-

пусу офицеръ всѣхъ старшихъ офицеровъ, кому по уставу положена такая встрѣча. Проходите ширину рва, передъ вами выростаютъ сѣрыя стѣны форта и глубокій проходъ во внутренній дворъ подъ могучими сводами. Дежурный Гардемаринъ съ палашомъ и дудкою отдаетъ честь.

Входите подъ гулкіе своды. Справа и слѣва сѣрыя деревянныя двери.

Первая слѣва — Динамо-машина съ русскаго судна, освѣщаетъ весь фортъ электрическимъ освѣщеніемъ. Вторая — въ карцера; третья — караульное помѣщеніе арабскаго караула крѣпости. Направо длинный корридоръ съ казематами, превращенными въ Классы Морского Корпуса и два изъ нихъ гордость и слава Инспектора Классовъ Кап. 1-го ранга Александрова. Первый — физико-электро-техническій, 2-й естественный кабинетъ. Какъ вѣнецъ просвѣтительнаго творчества, показываются эти кабинеты всѣмъ русскимъ и иностраннымъ гостямъ, и преподносятся на послѣднее, послѣ осмотра ротъ, кухонь, помѣщеній, какъ рѣдкій дессертъ. Ахъ, этотъ Естественный Кабинетъ Александра Захаровича Имшенецкаго! Чего только въ немъ нѣтъ! Вмѣсто стѣнъ — во весь ростъ человѣческіе скелеты, люди въ кожѣ и безъ кожи, листья, травы, цвѣты и плоды. Картины флоры и фауны Африки. Зеленыя лягушки служатъ барометромъ, Терраріумъ, гдѣ живутъ ядовитыя змѣи, тарантулы, сколапендры, смертоносные скорпіоны. Коллекціи дивныхъ бабочекъ, крошечныхъ и громадныхъ, пестрыхъ, яркихъ жуковъ, минералы; заспиртованные рептиліи на столѣ, гдѣ стоитъ микроскопъ, ползаетъ по рукѣ Гардемарина ручной ужъ; бѣлая крыса мирно грѣется на груди кадета — помощника строгаго профессора, у котораго на плечѣ сидитъ хамелеонъ и ловкой стрѣльбой липкаго языка ловитъ мухъ. Все, что мы видимъ въ немъ создано, собрано, найдено, поймано руками гардемаринъ и кадетъ на прогулкахъ и экскурсіяхъ подъ просвѣщеннымъ руководствомъ преподавателя естественной исторіи и географіи. Обойдя всѣ казематы-классы со скамьями, желѣзными столами и досками изъ линолеума, на которыхъ вы увидите мѣловые биномъ Ньютона, дифференціальное исчисленіе, чертежи корпуса корабля съ бимсами, шпангоутами и

пиллерсами, и длинныя формулы по Девіаціи, вы выходите опять подъ своды воротъ и проникаете въ лѣвую половину форта.

Тамъ корридоръ и въ немъ казематы — ротныя спальни. Похоже на кубрикъ дредноута: двухъэтажныя желѣзныя рамы — на нихъ толстыя дубовыя доски-стелажи. На доскахъ тюфяки, набитые соломой, двѣ простыни изъ бязи и сѣрое солдатское одѣяло; на немъ у каменной стѣны подушка, надъ ней на шелковой ленточкѣ маленькій образокъ — послѣднее благословеніе, оставшейся въ Россіи, матери.

На крюкахъ у рамъ виситъ бѣлье и одежда, подъ нижней койкой тяжелые танки, подбитые гвоздями. Въ черныхъ пирамидахъ русскія ружья, возвращенныя корпусу французами. «Мы должны васъ считать бѣженцами; но мы видимъ въ васъ образцовую воинскую часть», говорилъ Маршалъ Петэнъ.

Подъ единственнымъ окномъ въ концѣ каземата, ротный образъ въ вѣнкѣ живыхъ цвѣтовъ, передъ нимъ лампада, а подъ нимъ нашъ ротный флагъ и росписаніе ротнаго дежурства. Походная сумка съ учебными книгами и личными вещами въ ногахъ подъ тюфякомъ.

И все имущество гардемарина и кадета отъ №-ра ружья до носка и платка носового находится въ описи у Отдѣленнаго Начальника и въ книгѣ Ротнаго Командира.

И часто провѣряется наличіе на форту. Вы проходите спальни вглубь корридора. Тамъ на картонномъ барабанѣ тянутъ нитку черезъ жбанъ горячаго воска — дѣлаютъ собственныя свѣчи для церкви. (Изобрѣтеніе ктитора Капитана 1-го ранга Александрова). Сладко пахнетъ медомъ и ладаномъ — дверь въ Церковь открыта.

Вы входите въ полутемный казематъ. Тамъ — въ странѣ Магометанскихъ мечетей и католическаго костела поставилъ отецъ Георгій свою Русскую православную Церковь въ пещерномъ казематѣ высокаго Кебира. Съ низкаго, сводчатаго потолка спускаются зеленыя гирлянды пушистаго вереска и туи, въ нихъ вплетены живые цвѣты. Гирлянды темной рамой окружаютъ бѣлый иконостасъ съ Царскими вратами.

На иконостасѣ образа Христа Спасителя и Св. Павла Исповѣдника.

Справа и слѣва двѣ бѣлыхъ хоругви и знаменный флагъ. Бѣлые покрывала на аналояхъ сшиты изъ бязи и золотыхъ позументовъ, паникадило изъ жести. Черезъ узкую бойницу падаетъ лучъ солнца на Тайную Вечерю надъ Царскими вратами.

Въ этой церкви бѣдной и скромной, уютно-ласковой свершалъ всѣ службы и требы церковныя для Морского Корпуса и семей, Замѣститель Епископа Сѣверной Африки, Митрофорный Протоіерей отецъ Георгій Спасскій — Настоятель Церкви Св. Павла Исповѣдника, Духовникъ Морского Корпуса и его законоучитель, лекторъ, ораторъ и писатель.

«Бизерта въ Африкѣ;
Песокъ, пустыня, надъ ними пальмы и цѣпи горъ.
Въ горахъ тѣхъ крѣпость и въ ней
Ты церковь тамъ морякамъ опять создалъ.
Ее украсилъ Ты образами, лампады свѣтлыя возжегъ;
Иконостасъ обвилъ цвѣтами.
И словомъ оживилъ чертогъ.
И казематъ угрюмый ожилъ,
И въ немъ запѣлъ прекрасный хоръ;
Ты съ нами тамъ такъ долго прожилъ и намъ открылъ души просторъ.

Ароматомъ бѣлыхъ лилій была рѣчь Твоя полна, шелестъ крыльевъ херувимовъ проносился иногда.

Въ душу льется безъ усилій вѣры пламенной волна.

Помнишь ночи, гдѣ подъ небомъ чудныхъ звѣздъ-очей продвигались батальоны зажженныхъ свѣчей. Ты ихъ велъ и крестнымъ ходомъ путь въ Сфаятъ свершалъ, мимо крѣпости и вала, всѣхъ благословлялъ.

Окруженный паствой вѣрной,
Шелъ Ты на шоссэ, по дорогѣ камни, скалы,
Кактусъ, аллоэ»...

. . . .

Но вотъ вы вышли изъ Церкви, опять мимо ротъ идете и выходите на длинный узкій дворъ, окруженный бастіонами и валами со всѣхъ сторонъ. Во дворѣ три жилыхъ барака

вытянулись въ одну линію фронтомъ. Въ самомъ дальнемъ — сперва жили Владивостокскіе мичмана, затѣмъ Гардемаринская, а послѣ ихъ окончанія кадетскія роты; уютный уголокъ былъ отдѣленъ подъ «каютъ-компанію». Во второмъ была мастерская — столярно-слесарная и походная кухня; а въ третьемъ, двѐрью выходящей прямо на выходъ изъ форта, въ небольшой скромной комнатѣ съ голыми стѣнами, въ углу висѣлъ золотой образокъ, подъ нимъ простая кровать, подъ ней чемоданъ; другой у стѣны — замѣнялъ платяной шкапъ. Столъ, два, три стула, лампа надъ столомъ.

Въ этой скромной кельѣ жилъ самъ владыка Кебира — Помощникъ Директора Корпуса, Начальникъ строевой части, Комендантъ Крѣпости Капитанъ 1-го ранга Михаилъ Александровичъ Китицынъ.

Высокаго роста, широкоплечій, плотный и полный красивый мужчина съ овальнымъ лицомъ, на которомъ, кромѣ черныхъ бровей, вся растительность была начисто выбрита. Темные каріе глаза глядѣли зорко, внимательно и вдумчиво на жизнь, на людей, на службу, на работу; а всего болѣе на подчиненныхъ.

— «Кто ты и что ты?» — спрашивали эти глубокіе глаза: «и какую пользу можно изъ тебя выжать для жизни и для службы?»

Темные, глубокіе глаза; такіе глубокіе, что никогда нельзя было прочесть до дна ихъ выраженія, даже въ минуты сердечной бесѣды и откровеннаго расположенія ихъ хозяина. Въ кельѣ своей спалъ онъ крѣпко и хорошо, какъ спится здоровому человѣку; вставалъ рано по трубѣ горниста. Вѣрный его слуга-вѣстовой окачивалъ барина водой, растиралъ мохнатымъ полотенцемъ, чистилъ обувь и платье и затѣмъ, съ сіяющимъ лицомъ, вносилъ желтоглазую глазенку на горячей сковородѣ съ шипящими бѣлками и утренній кофе. Баринъ кушалъ свой завтракъ, и одѣвшись по формѣ, выходилъ изъ воротъ своего владѣнія бодрый, свѣжій съ привѣтливой улыбкой на мягкихъ губахъ.

Всюду, гдѣ проходилъ онъ, люди замирали на мѣстѣ, вытягивались въ струнку, отдавали честь, громко и четко отвѣчали на его привѣтствіе и вопросы.

Владыка Кебира вышелъ изъ воротъ крѣпости. Передъ нимъ строевая площадка, на ней бѣлый батальонъ. Утренній туманъ обвиваетъ ихъ нѣжной вуалью, за спиною всходитъ румяное солнце и бѣлые воины-моряки, кажутся, прозрачными, какъ бы сотканными изъ тумана. Точно «Блѣдныя тѣни яркаго прошлаго».

— Смирно! слушай на краулъ!.. Господа офицеры! — командую я и встрѣчаю начальника.

Кап. 1-го ранга Китицынъ здоровается съ баталіономъ. Гулко и звонко разносится бодрый отвѣтъ по горѣ Кебира и бьетъ по каменнымъ стѣнамъ, и стѣны отдаютъ голоса.

— Ведите батальонъ! — приказываетъ Китицынъ.

— Есть! отвѣчаю я.

Разворачиваю батальонъ лицомъ къ Сфаяту.

— Батальонъ, равненіе на право, шагомъ... маршъ!

Трескъ барабановъ и веселый бодрящій крикъ мѣдныхъ горновъ, оглашаетъ горы и летитъ впередъ къ еще сонному «Сфаяту».

Разъ, два, три, четыре! Машетъ руками капельмейстеръ Гардемаринъ Данюшевскій. Оборвали барабаны, смолкли горны.

Густые, полные, сочные звуки оркестра и бархатный гулъ турецкаго барабана мощнымъ потокомъ разлились по шоссэ и окрестности. Бодро и крѣпко отбиваютъ шаги 600 молодыхъ ногъ по щебню дороги въ тактъ музыкѣ. Дѣти и дѣвушки выбѣгаютъ изъ бѣлыхъ домовъ Сфаята, въ окна смотрятъ дамы, прибирая волосы на сонной головѣ.

— Баталіонъ идетъ! баталіонъ идетъ — кричатъ дѣтишки, и весело приплясываютъ сбоку по дорогѣ.

Съ шумомъ и грохотомъ трубъ и барабановъ, бѣлой лавиной, провожу баталіонъ сквозь Сфаятъ.

— Смирно! равненіе на право! Господа офицеры! — командую я, проходя мимо домика Директора Корпуса. Ласково улыбаясь, прищуренными отъ солнца, глазами глядитъ Адмиралъ Герасимовъ на свой Корпусъ и, приложивъ широкую загорѣлую руку къ парусиновой американской шляпѣ съ русской кокардой:

— Здравствуйте Гардемарины и Кадеты!

— Здравія желаемъ, Ваше Превосходительство! — гремитъ отвѣтъ среди деревянныхъ бараковъ Сфаята и бѣлый баталіонъ исчезаетъ въ рощѣ маслинъ.

— I-й ротѣ пѣсни пѣть! — командую я.

Музыка обрывается и лихая, задорная пѣснь старшихъ гардемаринъ разливается между кривыми, сказочно-уродливыми стволами маслинъ: «Пошли дѣвки на работу!»

Прошли рощу — кончилась пѣснь.

— II-й ротѣ пѣсни пѣть! — запѣли «Бородино». Кончилась и эта пѣснь; снова грянула музыка уже далеко за Сфаятомъ, на второмъ холмѣ. Обошли по нижнему шоссе холмы и поворачиваемъ обратно, надо успѣть къ 1-му уроку въ классы «на Кебиръ». III-я рота поетъ «12-й годъ», IV-я «Фуражка милая», V-я «Бригада Крейсеровъ», VI-я «Гимнъ Корниловцевъ», VII-я «Морякъ». У каждой роты своя любимая пѣснь, есть и общія всего батальона. Голоса молодые, сильные и красивые.

Проходимъ снова «Сфаятъ» по извилистому шоссе и поднимаемся на Кебиръ. По пути обгоняемъ группу преподавателей, идущихъ на уроки.

«Мы всѣ только негры» — звонко и задорно льется пѣснь старшихъ гардемаринъ и исчезаетъ за сводами крѣпости.

— Разойтись! — слышится команда во дворѣ, и бѣлый баталіонъ разбѣгается по казематамъ убирать трубы и барабаны, уставить ружья въ пирамиды и, быстро оправившись въ уборныхъ, бѣжать съ книгами въ свои классы. Господа преподаватели: Александровъ идетъ читать Дифференціальное исчисленіе, Высоцкій — Астрономію, Дембовскій — Математику, Матвѣевъ — Русскій языкъ, Кноррингъ — Исторію, Я — Морское дѣло.

За два дня до 6-го ноября, съ восходомъ солнца, на самой утренней зарѣ, всѣ жители Сфаята были разбужены страшнымъ крикомъ гусей. Въ пиджамахъ, полуодѣтые выскакивали обитатели кабинокъ на дворъ и удивленныя сонныя лица съ тревогою смотрѣли въ сторону отчаянныхъ ... ковъ. Не врагъ ли воинственный ночью обложил ... ндированіе, ми мирный лагерь «Сфаятъ» и вмѣстѣ съ солн

въ атаку на спящихъ русскихъ. И вотъ гуси по примѣру знаменитыхъ предковъ, спасшихъ Римъ, крикомъ и воплемъ спасаютъ лагерь. Такъ спрашивали другъ друга испуганно-удивленныя лица. Но люди крайней кабинки уже улыбались, понявъ въ чемъ дѣло: Ванька Махинъ — этотъ русый богатырь Сфаята — кухонный мужикъ, вооруженный острымъ топоромъ носился по птичьему двору и ловилъ трепетавшихъ гусей, убѣгавшихъ во всѣ стороны въ паническомъ страхѣ. Ловкія, сильныя руки ловили ихъ на лету, склоняли бѣлыя, длинныя шеи на дубовый срубъ, сверкалъ топоръ и алая кровь фонтаномъ обагряла бѣлоснѣжныя крылья; обезглавленная птица долго еще кувыркалась по двору; а Ванька ловилъ уже другого гуся. Перепуганные пѣтухи и куры горланили во все горло, хотя побоище касалось только гусей.

Въ своихъ клѣтушкахъ пестрые кролики задумчиво вращали свои красные глазки и быстро шевелили ноздрями и усами, точно шептали: «что такое творится въ нашемъ мирномъ Сфаятѣ?».

На краю у обрыва въ небольшомъ хлѣву толстая жирная свинья безпокойнымъ хрюкомъ призывала поросятъ подъ свою защиту.

Понявъ въ чемъ дѣло, радостно успокоенные, ушли въ свои кабинки жители лагеря. Солнце уже ярко блистало надъ горами. Кадетъ-горнистъ игралъ «Побудку» и эхо повторяло его мѣдный призывный аккордъ.

Напившись кофе съ маисовымъ хлѣбомъ, освѣженныя мытьемъ, въ платочкахъ, скрывавшихъ бумажныя и желѣзныя папильетки — будущіе локоны 6-го ноября, жены Сфаята разсѣлись въ кружокъ и, положивъ себѣ на колѣни по жирному гусю, ловко и быстро щипали его перья. Мелкія пушинки носились вокругъ ихъ головъ, какъ снѣжинки, лица раскраснѣлись отъ быстрой работы, глаза блестѣли улыбкой отъ пріятной, веселой бесѣды. Готовились къ празднику всѣ эти милыя добровольныя кухарки, прачки, швеи, обдумывали варенья, печенья, пироги, которые надо было замѣсить, испечь, сварить, жарить на 600 человѣкъ своихъ и гостей.

Обдумывали, еще болѣе сложное, во что одѣть принарядить свое тѣло, какой лентой обвить лобъ и локоны свои, ка-

кой пудрой побѣлить лицо и помадкой освѣжить свои губы, чтобы «въ прежней красѣ» былыхъ счастливыхъ годовъ украсить «прелестною дамою» Морской балъ 6-го ноября и, проплясавъ ночь подъ военную музыку, закружить голову въ пьянящемъ туманѣ вальса, или бѣшенной мазурки, на утро седьмого снова погрузиться въ сѣрые будни, мечтать объ ушедшемъ «мигѣ восторга», за швейной машинкой, за пѣной мыла, за утюгомъ горячимъ, за мясорубкой и похлебкой бобовой.

Вотъ о чемъ болтали милыя дамы Сфаята, пока проворныя руки общипали гусей.

Прошелъ часъ другой, бѣлымъ снѣгомъ вокругъ ихъ ногъ лежали пухъ и перья.

На камбузѣ разводили огонь, приготовляли яблоки для начинки «Традиціоннаго гуся».

Въ дежурной комнатѣ кадеты писали меню:

Супъ Санъ-Жерменъ
Волованы
Гусь съ яблоками
Мороженое
Фрукты
Кофе.

На Кебирѣ Капит. 1-го ранга Китицынъ производилъ репетиціи парада бѣлому батальону. А днемъ до глубокой ночи гардемарины и кадеты расписывали стѣны рва видами морскихъ сраженій и силуэтъ памятника Петра Великаго украсилъ стѣну французской крѣпости.

Казематы — классы и часть ротныхъ помѣщеній превращались въ уютныя, интимныя гостинныя. Плоскогорье съ гимнастической площадкой подметалось и чистилось, раставлялись паралельные брусья, турникъ, аппараты для прыжковъ, тюфяки, маты, флажки и жерди для праздника гимнастики. (Гимнастическіе приборы были закуплены во Франціи Адмираломъ Машуковымъ, какъ и многіе учебныя книги и письменныя принадлежности; такъ и вдали отъ насъ Николай Николаевичъ продолжалъ заботится о любимомъ имъ Корпусѣ). Къ празднику Корпуса подоспѣло и новое обмундированіе,

изготовленное нашими дамами, которыя для воспитанниковъ Корпуса несли свое драгоцѣнное мvро, подобно Евангельскимъ женамъ мvроносицамъ, принесшимъ его Христу, онѣ, во имя Христа, принесли свое знаніе, трудъ и материнскую заботу оторваннымъ отъ родныхъ и родины дѣтямъ.

Въ своихъ «письмахъ изъ Африки» въ газету «Новое Время» Настоятель Церкви Морского Корпуса отецъ Георгій Спасскій такъ описываетъ Праздникъ.

6-го ноября — день Святителя Павла Исповѣдника — традиціонный Морской Праздникъ. Сколько съ нимъ связано воспоминаній, воспоминаній самыхъ дорогихъ. Дѣтство... Юность. Чистыя, полныя огня грезы... мечты и надежды.

Корпусъ пригласилъ на праздникъ съ эскадры и изъ лагерей всѣхъ бывшихъ питомцевъ одной школы. Явились всѣ. Сердце — не камень. А здѣсь, на чужбинѣ особенно дорогъ этотъ день. Радостно собраться вмѣстѣ и грустно вспомнить прошлое.

Какой блескъ раньше — горящее огнями огромное зданіе. Залы, залитыя электричествомъ.

Первый въ сезонѣ балъ всей столицы.

А теперь фортъ вмѣсто столовой — ровъ и сверху мороситъ дождикъ. Но, несмотря на это, настроеніе приподнятое. Какъ сказалъ Апостолъ: «Внѣшній человѣкъ тлѣетъ, зато внутренній обновляется». Гостей очень много во главѣ съ И. Д. Командующаго К.-Адм. Беренсомъ и Начальн. Штаба К.-А. Тихменевымъ.

Маленькая полутемная въ казематѣ Церковь. Въ самый торжественный моментъ надъ царскими вратами загорѣлся электрическій крестъ, а по срединѣ церкви паникадило, сдѣланное изъ баночекъ и старой жести. Облаченіе изъ бязи, точно изъ бѣлаго шелка. Все сдѣлано самими: свои художники, свои плотники, свои слесаря, свои портнихи. Дѣлали любящія руки. Нужно отдать честь вдохновителю всего ктитору храма — Инспектору Классовъ. О, этотъ маленькій пещерный храмъ! Какъ онъ дорогъ намъ! Сюда несемъ мы свои скорби, сюда идемъ со своими надеждами.

«Молитву пролью ко Господу и Тому возвѣщу печали моя». Стройно и торжественно идетъ литургія. Служатъ пять

священниковъ и одинъ діаконъ. Прекрасный бархатный голосъ его и красивая манера такъ способствуютъ благолѣпію службы. Задушевно поетъ хоръ изъ кадетъ, гардемаринъ, дамъ, офицеровъ и служащихъ.

Много труда и много любви вложилъ этотъ хоръ въ свое святое дѣло.

Исповѣдники Морской идеи молятся Павлу Исповѣднику. Кончается служба.

На площадкѣ передъ фортомъ замеръ фронтъ. Впереди знамя. На правомъ флангѣ оркестръ. Выходитъ Директоръ Корпуса, Вице-Адмиралъ еще Царскаго производства. Старый морякъ, суровый по виду, нѣсколько сутуловатый, онъ изъ-за своего пенснэ своими добрыми глазами окидываетъ юный фронтъ.

Несмотря на внѣшнюю суровость, иногда даже рѣзкость, видно, что онъ любитъ свою молодежь. Онъ хотѣлъ бы ихъ побаловать, скрасить суровую обстановку, да безсиленъ.

— Здравствуйте, гардемарины и кадеты!..

— Здравія желаемъ, Ваше Превосходительство! — какъ одинъ отрѣзали молодые голоса.

Выходитъ Командующій Флотомъ и принимаетъ парадъ. Церемоніальный маршъ. Подъ бодрящіе звуки оркестра плывутъ мимо стройные ряды: ведетъ ихъ Начальникъ Строевой Части — (Капитанъ 1-го ранга Китицынъ) — фанатикъ морской идеи, весь пропитанъ лучшими традиціями флота.

Идетъ первая рота — высокая, стройная, вышколенная, гордая своимъ Владивостокскимъ походомъ; вторая — серьезная, сосредоточенная, жаждущая знаній; третья — пылкая, горячая, отзывчивая; пятая и шестая — выравнивающаяся, замѣтно духовно и физически поднимающаяся и въ концѣ седьмая — дѣти, безъ ружей.

Дѣлаютъ широкіе шаги, поднимаютъ плечи и голову, гордые собою. Прощебетали, какъ птички, на благодарность Адмирала: «Рады стараться, Ваше Превосходительство». — На флангѣ роты, прихрамывая (одна нога искусственная) идетъ ихъ любимый отдѣленный начальникъ-воспитатель — Божіей милостью (Лейтенантъ Калиновичъ).

Публика съ особенной нѣжностью провожаетъ глазами ряды малышей.

Гремитъ оркестръ, а къ горлу подкатывается какой то клубокъ, отворачиваютъ лица другъ отъ друга, чтобы не замѣтили предательскихъ слезъ. Обѣдъ во рву; обѣдаетъ около 600 человѣкъ. Традиціонный гусь. Тосты. Громовое «ура» за любимаго Адмирала Кедрова.

Онъ, да Морской Агентъ въ Парижѣ, В. И. Дмитріевъ — защита и опора Корпуса въ Парижскихъ сферахъ. Всѣ знаютъ, какъ это трудно дѣлать имъ, имѣя ограниченныя средства, не имѣя подъ ногами почвы — своего Государства. Благодарно вспоминаетъ Корпусъ и тотъ Комитетъ, что среди грохота, шума и дрязгъ міровой столицы взялъ на себя святую задачу поддержать питомникъ Морской дѣтворы и молодежи.

На другой день Гимнастическій праздникъ. Очень хорошо поставлена эта сторона. (Поручикъ Вл. Ив. Высочинъ).

Праздники такіе дѣйствительно даютъ внушительную картину физическаго развитія: ловкости, силы, гармоніи и красоты.

Точно воскресъ передъ нами духъ древнихъ Эллады или Рима.

Тѣло — какъ красивый пьедесталъ души. Большое оживленіе въ жизнь корпуса вносили посѣщенія его Адмираломъ Кедровымъ, или главными французскими начальствующими лицами. Послѣднимъ, видимо, импонировала стройная во всѣхъ своихъ частяхъ корпусная организація.

Вечеромъ послѣ Гимнастическаго праздника въ устроенномъ мною театрѣ во рву крѣпости я далъ жителямъ Кебира и Сфаята и всѣмъ приглашеннымъ гостямъ съ эскадры и лагерей представленіе своей пьесы «Руѳь», артистами которой были красавицы Сфаята Т. Гранъ, Т. Оглоблинская, А. Н. Куфтина, М. А. Жукъ, и В. Васильева и гардемарины и кадеты отъ каждой роты Корпуса. Музыка была составлена и подобрана Н. Н. Кноррингъ, онъ же игралъ на скрипкѣ. На

піанино игралъ Ст. Лейт. Н. П. Солодковъ. Оркестромъ дирижировалъ гардемаринъ 1-й роты Данюшевскій. Отецъ Георгій Спасскій такъ писалъ объ этомъ спектаклѣ: Въ томъ же рву была поставлена пьеса — (творчество одного нашего ротнаго командира, опытнѣйшаго руководителя дѣтей и талантливаго, несомнѣнно, писателя для нихъ, извѣстна его книжка подъ заглавіемъ «Звѣздочкамъ земли») подъ заглавіемъ «Руѳь». Проведена была параллель между скитающейся на поляхъ богатаго Вооза благородной Руѳью и трудящеюся на чужихъ поляхъ изгнанною Русью. Ставили въ декораціяхъ натуральныхъ — среди живыхъ растеній и цвѣтовъ, и каменныхъ стѣнъ форта. Библейскіе костюмы были сдѣланы изъ бязи и одѣялъ.

Парики достали въ Бизертѣ.

При волшебномъ свѣтѣ прожектора сглаживались всѣ шероховатости и впечатлѣніе временами получалось самое сильное.

Помню, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ на поляхъ Виѳлеемскихъ молятся жнецы (мелодекламація) передъ отходомъ ко сну, обращается ко мнѣ сосѣдъ и шепчетъ: «Правда, точно въ Художественномъ театрѣ?».

Татьяна Гранъ дала высоко-поэтичный образъ моей «Руѳи» и всѣ артисты играли прекрасно, какъ и нѣжная музыка рояля и скрипки. Хоръ морского корпуса сыгралъ, какъ финалъ «Тоску по Родинѣ», подъ эти звуки и громкое «ура» автора снова высоко качали. Я получилъ благодарность Директора и крѣпкій поцѣлуй Владыки Кебира.

Въ другой русской газетѣ такъ описали мой спектакль:

«Русскій театръ въ Африкѣ».

Въ далекой и чужой странѣ, въ мрачномъ рву заброшеннаго стариннаго форта творится красивое дѣло.

Подъ яркимъ серебрянымъ блескомъ снятаго съ корабля прожектора идетъ русская пьеса подъ русскую музыку, съ русскими артистами и для русской публики.

Темное звѣздное вечернее небо повисло надъ суровыми, каменными стѣнами, между которыми пріютилась кучка любителей искусства, изголодавшаяся послѣ семимѣсячнаго поста.

Библейская исторія Руѳи, принявшей добровольно тернія изгнанія ради высшей самоотверженной любви — оживаетъ для терпящихъ ту же самую судьбу.

Нѣжно и осторожно играютъ артисты, — любители, тихо и трогательно звучитъ тонкая и глубокая музыка. Благоговѣйно слушаютъ зрители древнее сказаніе, переживая ее своимъ настрадавшимся духомъ.

....

Въ короткомъ вступительномъ словѣ, авторъ пьесы, на черномъ фонѣ траурнаго занавѣса, среди многозвѣзднаго мрака надвигающейся ночи, тихимъ и проникновеннымъ голосомъ говоритъ о своихъ переживаніяхъ, приведшихъ его къ пьесѣ.

Давнымъ давно исторія Руѳи становилась передъ его духовнымъ взоромъ; но повседневныя работы отодвигали этотъ образъ отъ него.

И вотъ теперь, среди испытанія судьбы, потерявъ близкихъ... Родину... потерявъ «все, кромѣ чести», онъ снова и ярко вернулся къ этому образу.

Поразительная аналогія между судьбой Руѳи и загнанной въ чужія края Русью — властно потребовала воплощенія. И образы этого воплощенія, ввидѣ чутко написанной пьесы, съ тонкимъ музыкальнымъ сопровожденіемъ въ наиболѣе выразительныхъ мѣстахъ авторъ скромно предлагаетъ вниманію собравшихся.

«Надо оживить души», — говоритъ онъ, и онъ не ошибается. Шагъ за шагомъ проходятъ передъ зрителями тяжелыя испытанія добровольной изгнанницы, пока не начинаетъ чувствоваться рука Возмездія.

Убогіе остатки Колосьевъ собираетъ Руѳь на поляхъ Вооза и кормитъ престарѣлую Ноеминь.

Эта красота страданія и этотъ подвигъ любви глубоко западаютъ въ душу Вооза, изъ рабы становится госпожею въ его домѣ.

А когда пророкъ встрѣчается съ нею и съ сыномъ ея Овидомъ — онъ предрекаетъ ея роду благословеніе Господне: Царь Давидъ произойдетъ отъ сына ея и Спаситель Міра родится отъ Дѣвы изъ рода Давидова.

Чутко и съ надеждой внимаютъ зрители святому пророчеству...

И въ душахъ этихъ людей, заброшенныхъ въ далекую, чужую страну, зарождается зерно вѣры въ высшую справедливость.

Тихо задвигается занавѣсъ.

Грустные звуки марша — «Тоски по родинѣ» тонутъ въ бодромъ говорѣ молодыхъ голосовъ. Это чествуютъ автора пьесы, сумѣвшаго въ символическихъ образахъ оживить падающую вѣру въ нашу больную Родину...

Чествуютъ задушевно и даже съ энтузіазмомъ. Они теперь знаютъ, что «пока что» имъ придется жить мечтою; но эта мечта обязательно воплотится въ дѣйствительность.

Вѣдь обрѣла же Руѳь въ концѣ концовъ воздаяніе за свои самоотверженныя страданія.

Первые ряды зрителей просто лежатъ на землѣ, покрытой старой палаткой, задніе сидятъ на высокихъ столахъ, многіе смотрятъ со стѣнъ, переходящихъ въ земляные валы. И наконецъ, вмѣсто богатой театральной техники и патентованнаго искусства — просто любовь къ Родинѣ. Эта любовь и у автора, и у исполнителей, и у оркестра и у зрителей.

Нужды нѣтъ, что тысячи препятствій стоятъ на путяхъ впечатлѣнія, что многіе очень привыкли къ Московскимъ и Петроградскимъ театрамъ съ ихъ большими артистами и богатымъ инвентаремъ.

Любовь къ Родинѣ заставляетъ производить въ себѣ могучую работу: угнетать досадныя послѣдствія бѣдности и умѣть глубоко почувствовать самое важное и вѣчное — Идею.

Вспоминаются Шекспировскія пьесы, шедшія когда то съ громаднымъ подъемомъ, но гдѣ вмѣсто декораціи былъ шестъ съ соотвѣтствующей надписью. Она углубляетъ зрителя, призываетъ «терпѣть до конца» и закаляетъ колеблющійся духъ. Эта исповѣдь кроткаго духомъ человѣка, сумѣвшаго путемъ красоты оживить наши надежды нетлѣнною вѣрою въ воплощеніе нашей высшей мечты — мечты о Родинѣ.

БАЛЪ.

Прямо съ моего спектакля двинулись зрители шумной толпой по крѣпостному рву, свернули налѣво въ ворота Кебира, вошли во дворъ. Тамъ, освѣщенный лампами, убранный флагами и живыми цвѣтами съ гардемаринами-распорядителями въ голубыхъ и бѣлыхъ аксельбантахъ гостепріимно и радушно принялъ ихъ танцевальный залъ. На возвышеніи въ гирляндахъ и флагахъ грянулъ имъ навстрѣчу оркестръ корпуса. Бодрый, молодой голосъ прокричалъ: «вальсъ». И нарядныя пары прекрасныхъ дамъ гардемаринъ, кадетъ и офицеровъ плавно понеслись по цементному полу крѣпостного барака. Солидныя дамы, Адмиралы, Штабъ - офицеры, Профессора Корпуса въ живописныхъ группахъ расположились вдоль стѣнъ, изрѣдка выходя «вспомнить молодость» или «тряхнуть стариной» съ какою-нибудь розовой барышней Сфаята, отдаленнаго лагеря Бизерты или съ «Георгія Побѣдоносца» — базы флотской семьи.

Вальсы смѣнялись мазуркой, плясали Краковякъ, Кадрилъ, Миньонъ, полонезъ, шаконь и даже польку. Весело, искренно, непринужденно, какъ всегда у моряковъ.

Для отдыха между танцами дамы и кавалеры, пройдя дворъ, углублялись подъ своды крѣпости и скрывались въ интимномъ полумракѣ разноцвѣтныхъ гостинныхъ, гдѣ ихъ угощали сластями и лимонадомъ.

Тамъ на мягкихъ диванахъ, освѣщенная янтарнымъ, розовымъ, голубымъ или зеленымъ свѣтомъ лампъ возсѣдала та или иная царица бала, окруженная синимъ кольцомъ гардемаринъ или кадетъ. Въ одной гостинной пѣли русскія пѣсни, въ другой играли въ шарады, въ третьей велись бесѣды и раздавался веселый смѣхъ. И снова музыка. Пустѣютъ уголки уюта, пѣсни и остроумной шутки, и снова полонъ залъ, и топотъ ногъ въ лихой мазуркѣ.

Но вотъ утомлены танцоры, дамы, музыканты.

Затихъ «Кебиръ». Огни потухли. Разъѣхались всѣ гости по домамъ. И мирный сонъ спустился надъ горою.

По очереди одна изъ ротъ уходила въ плаваніе на учебномъ суднѣ «Морякъ», которымъ командовалъ (бывшій мой

воспитанникъ Петербургскаго корпуса) Старш. Лейтен. Максимовичъ. Подошла очередь и моей (севастопольской) ротѣ идти въ это плаваніе. По морскому уставу я, — капитанъ 1-го ранга, не могъ плавать подъ началомъ Ст. Лейтенанта, а потому Директоръ Корпуса назначилъ къ кадетамъ Лейтенанта Калиновича.

Утромъ на крѣпостномъ дворѣ нагрузили кадеты двѣ фуры, запряженныя мулами и чернокожіе возницы повезли кадетское имущество на пристань Бизерты, чтобы тамъ перегрузить на парусное судно «Морякъ». Я сказалъ ротѣ наставительное слово, пожелалъ имъ счастливаго плаванія и благословилъ въ походъ. Рота покинула крѣпость и фронтомъ съ пѣснями ушла въ Бизерту. Изъ рощи оливокъ еще доносились ихъ звонкіе, молодые голоса и стихли на нижнемъ шоссе. Осиротѣлый на время, я спустился въ «Сфаятъ», гдѣ по совѣту Директора, засѣлъ за новую патріотическую пьесу для театра Морского Корпуса — «Памятникъ — Россія». Я написалъ ее въ 3-хъ картинахъ:

1) Могущество великаго Царства.

2) Распадъ Царства во время революціи.

3) и Свѣтлое воскресеніе Россіи.

Закончивъ ее, я прочелъ свое произведеніе въ «Художественно-Литературномъ Кружкѣ» Морского Корпуса — предсѣдательницей котораго была супруга Директора. Пьесу одобрили и много о ней потомъ говорили.

А пока она писалась, кадеты мои плавали и я навѣщалъ ихъ на учебномъ кораблѣ.

Командиръ его хорошо помнилъ своего воспитателя, принималъ меня съ почетомъ и ласкою, показывалъ судно, занятія кадетъ, устраивалъ шлюпочныя ученія подъ веслами и парусами.

Пріѣзжалъ ко мнѣ въ Сфаятъ Лейт. Калиновичъ, докладывалъ о кадетахъ и высказалъ мнѣ, что очень доволенъ кадетами, что они удивительно хорошіе мальчишки и, несмотря на мелкіе проступки и ошибки (благодаря ихъ молодости), они очень хорошаго направленія и полны благородныхъ задатковъ. Одно удовольствіе съ ними работать.

Выслушавъ такой лестный отзывъ, такого прекраснаго

воспитателя, я испыталъ глубокую радость за свою любимую Севастопольскую роту и съ душевнымъ удовлетвореніемъ увидѣлъ, что мои труды нѣсколькихъ лѣтъ не пропали даромъ.

Вотъ, думалось мнѣ, они уже кадеты 5-й роты, тамъ 4-я, и вотъ они — Гардемарины; доведу ли ихъ до мичмана? увижу ли ихъ офицерами? А пока я такъ думалъ о нихъ, въ кельѣ Владыки Кебирскаго, Китицынъ ловкими и умѣлыми руками перетасовывалъ двѣ колоды «Владивостокскую» и «Севастопольскую» картъ. Въ стройномъ «пасіансѣ» укладывались офицеры — валеты, ротные командиры — короли, отбрасывались дамы и передвигались важные тузы.

Въ результатѣ этой раскладки, большинство «Севастопольскихъ» офицеровъ перешли на разныя хозяйственные, классныя, канцелярскія должности, а воспитателями къ севастопольцамъ пришли «Владивостокскіе» мичмана, фельдфебеля и унтеръ-офицеры.

Я самъ не избѣгъ той же участи.

Послѣ многихъ часовъ убѣжденій и уговоровъ, темные, бархатные глаза уговорили меня: «для общаго блага Корпуса», какъ говорили мягкія губы, отдать мою роту, расколовъ ее на двѣ части, — старшую — по возрасту, успѣхамъ и развитію 4-ую — Ст. Лейтенанту Брискорнъ; а 2-ую — 5-ую роту новому гостю съ эскадры — Помощнику Старшаго офицера крейсера «Генералъ Корниловъ» Старшему Лейтенанту Кругликъ-Ощевскому — офицеру, перешедшему изъ арміи во флотъ.

— Вы — «человѣкъ съ сердцемъ», — говорилъ мнѣ уговаривающій голосъ Китицына. — Вы знаете сердце дѣтей, возьмите 6-ую и 7-ую роты и воспитывайте ихъ, какъ Вы прекрасно это умѣете. Онъ — «человѣкъ съ перцемъ» — возьметъ 5-ую роту — это возрастъ — который нужно держать въ ежахъ. — Я и другихъ «королей» переставлю и тогда у насъ получится стройная организація. Каждый будетъ на своемъ мѣстѣ. И Корпусъ отшлифуется, какъ брилліантъ!

Вечеромъ того же дня вышелъ приказъ по Корпусу, благодарившій меня за всѣ труды, заботы и знанія, положенные

въ роту мою въ Севастополѣ, во время эвакуаціи и въ Бизертѣ и я назначался Командиромъ Сводной 6-й и 7-й ротъ. Всю работу приходилось начинать сначала. Плаваніе на «Морякѣ» окончилось и «Севастопольцы» мои вернулись на «Кебиръ». Пріѣхалъ и «гость съ эскадры».

Въ одно печальное утро, о которомъ и до сихъ поръ вспоминаю съ невыразимой грустью, на днѣ крѣпостного рва, стоялъ я передъ серединою фронта своей дорогой, «Севастопольской» роты и читалъ имъ приказъ по Корпусу о нашей разлукѣ.

Длинный фронтъ вытянулся вдоль крѣпостной стѣны и двойной линіей тянулись передо мной милыя головы кадетъ съ глазами, устремленными на меня, давно знакомыя, близкія, родныя лица, такъ хорошо изученные мною души, такъ горячо любимые дѣти-друзья.

Прочтя приказъ, я сказалъ имъ прощальное слово, — мнѣ тяжело и грустно отходить отъ Васъ; но я училъ Васъ безропотно подчиняться каждому приказу и самъ подаю Вамъ въ этомъ примѣръ.

Сбоку на флангѣ на фонѣ крѣпостного вала стояла высокая фигура Круглика-Ощевскаго, бѣлая рука разглаживала черные бакенбарды на бѣломъ лицѣ и черные глаза съ улыбкой слѣдили за прощаніемъ Командира съ его ротой.

Вдругъ онъ отдѣлился отъ скалы и громко закричалъ:

— Господа, по обычаю моряковъ, качать вашего любимаго командира, ура!

Рота бросилась ко мнѣ, подхватила и высоко взлеталъ я между двумя каменными стѣнами на мягкія руки дорогихъ моихъ воспитанниковъ и учениковъ.

— Ура! ура! — кричали кадеты; но сердце мое сжималось отъ горя разлуки.

Я переживалъ чувство матери, отрывающей родное дитя отъ груди своей и передающей его, противъ воли своей, чужой и строгой гувернанткѣ.

Отдѣленную часть превратили въ 4-ую роту и я передалъ ее Ст. Лейтенанту Брискорнъ; оставшуюся часть — 5-й роты передалъ Ст. Лейт. Круглику-Ощевскому, а самъ пошелъ

въ крѣпость принимать 6-ую и 7-ую сводную роту, которою мнѣ теперь предстояло командовать.

Никогда не забывая своей «Севастопольской» роты, какъ нельзя забыть даже умершее дитя, я вскорѣ привязался къ своимъ новымъ «малышамъ» воспитывая ихъ, я обучалъ ихъ морскому дѣлу, французскому языку и затѣмъ еще рисованію, ходилъ съ ними въ экскурсіи, читалъ имъ Исторію Морского Корпуса и такъ часто и много общаясь съ ними, искренно полюбилъ и эти роты, съ которыми пробылъ до 1923 года до своего отъѣзда въ Парижъ.

Въ тотъ годъ и въ той ротѣ я закончилъ всѣ 20 лѣтъ моей учебно - воспитательской дѣятельности, имѣя своимъ старшимъ воспитанникомъ Контръ - Адмирала Николая Машукова и самымъ младшимъ — кадета Владиміра Спильниченко.

Дѣло его личныхъ воспитанниковъ, Владивостокскаго Морского Училища было теперь окончено въ Бизертѣ и Михаилъ Александровичъ Китицынъ считалъ, что долгъ его по отношенію «къ своимъ» законченъ; «перевоспитывать» или «довоспитывать» «Севастопольцевъ», вѣроятно, ему больше уже не хотѣлось, или были у него для того личныя причины; только недолго онъ пробылъ съ нами послѣ своего возвращенія изъ Парижа, куда ѣздилъ онъ устраивать «своихъ». Подаривъ мнѣ «свои погоны» на добрую память о совмѣстной службѣ, онъ въ одинъ печальный день съ грустью простился со своимъ «Кебиромъ», и, переодѣвшись въ штатское платье, снова на пароходѣ и уже окончательно покинулъ Морской Корпусъ. Уѣхалъ онъ въ Америку, куда уже раньше уѣхалъ адъютантъ Корпуса баронъ Соловьевъ.

За начальникомъ строевой части вскорѣ оставилъ Корпусъ и ушелъ на эскадру его помощникъ Ст. Лейтенантъ Брискорнъ.

Начались перестановки въ личномъ составѣ. Вскорѣ послѣ отъѣзда Кап. 1-го ранга Александрова, Директоръ Корпуса предложилъ мнѣ занять постъ Инспектора Морского Корпуса.

На предложеніе Адмирала Герасимова я отвѣтилъ: «если, Ваше Превосходительство, мнѣ прикажете вступить Инспекторомъ Классовъ, я исполню Ваше приказаніе безпрекословно, если же Вы спрашиваете мое желаніе, то я откровенно Вамъ скажу: Я всю свою службу состоялъ на строевыхъ должностяхъ и любилъ живое дѣло воспитанія и обученія живыхъ людей; а потому предпочелъ бы остаться строевымъ офицеромъ и командиромъ своихъ ротъ; къ бумажному, канцелярскому, классному управленію и дѣлу не особенно лежитъ мое сердце.

Адмиралъ отвѣтилъ: — «Хорошо; я неволить Васъ не хочу. Командуйте ротами; я предложу Ивану Васильевичу Кольнеръ.

Капитанъ 1-го ранга Кольнеръ вскорѣ вступилъ Инспекторомъ Классовъ Корпуса и съ честью выполнилъ свое трудное дѣло.

Свою 2-ую Гардемаринскую (Севастопольскую) роту Кап. 1-го ранга Кольнеръ тоже довелъ до благополучнаго конца.

Въ періодъ горячихъ реформъ Владыки Кебира — М. А. Китицына, Ивану Васильевичу было предложено отдать свою роту другому офицеру, а самому командовать одной изъ кадетскихъ ротъ. Не желая разставаться со своей родной ротой, онъ пошелъ на жертву и рискнулъ отвѣтить:

«Лучше я въ «Надоръ» бѣженцемъ пойду, чѣмъ роту свою отдамъ. Я ее создалъ въ Севастополѣ и хочу довести до конца!» — отвѣтъ подѣйствовалъ рѣшительно; жертву его не приняли и желаніе его исполнилось.

5 іюля 1922 года Гардемарины его окончили успѣшно Корпусъ и были произведены въ Корабельные Гардемарины.

Дальше въ годы его инспекторства и послѣ его отъѣзда въ Парижъ, при Капитанѣ Насоновѣ, кончали Корпусъ слѣдующія роты:

6-го ноября 1922 года окончила 3-я Гардемаринская рота и стала Корабельными Гардемаринами. Въ іюлѣ 1923 года окончила среднее образованіе и стала Гардемаринами 4-я рота кадетъ. Въ октябрѣ 1924 окончила 5-я рота кадетъ, въ маѣ 1925 — 6-ая рота и въ іюнѣ того же года 7-ая рота. Че-

тыре послѣднихъ роты всѣ бывшія мои: 4 и 5 — Севастопольскія; 6 и 7 — Бизертскія. 4-ая перешла къ Ст. Лейт. Брискорнъ и Кап. 2-го ранга Якушеву. 5-ая къ Ст. Лейтенанту Кругликъ-Ощевскому. 6-ая и 7-ая къ Лейтенанту Калиновичу, а впослѣдствіи къ самому Генералу Завалишину, о послѣднемъ я узналъ уже въ Парижѣ отъ бывшихъ моихъ воспитанниковъ.

Гдѣ бы, когда бы ни встрѣтилъ я, хоть одного изъ нихъ, всегда охватываетъ меня искренняя, теплая радость, какъ при встрѣчѣ съ роднымъ и близкимъ человѣкомъ-другомъ; и лицо каждаго изъ нихъ ярко оживляетъ въ моей памяти счастливые годы самой свѣтлой моей дѣятельности — воспитанія живой человѣческой души — мальчика-кадета, юноши-гардемарина въ готоваго достойно пойти подъ сѣнью святого креста Андрея Первозваннаго. Честнаго и храбраго офицера Россійскаго флота.

Да пошлетъ и имъ Господь эту честь и радость.

Вмѣсто Лейтенанта Мейрера вступилъ въ командованіе 3-й ротой Гардемаринъ Капитанъ 2-го ранга Остолоповъ, вмѣсто С. Лейтен. Брискорнъ, сталъ командовать 4-й ротой кадетъ Капитанъ 2-го ранга Якушевъ. Такъ снова судьба переставила фигуры на шахматной doскѣ Корпуса. Онъ продолжалъ жить разъ налаженной жизнью, сохраняя свое лицо и великіе завѣты своего великаго Основателя и былъ по духу такимъ же въ Петербургѣ, какъ въ Севастополѣ и теперь въ Бизертѣ, такъ какъ всѣ основные руководители жизни и воспитанія въ Морскомъ Корпусѣ были старые, опытные, кадровые офицеры Императорскаго флота, которымъ Морскіе Законы, уставы и традиціи вошли уже въ плоть и кровь, а опытъ и знанія давали возможность легко, хорошо и понятно передавать ихъ молодымъ поколѣніямъ.

ДВОРЕЦЪ ШЕХЕРАЗАДЫ

Послѣ отъѣзда Мих. Алек. Китицына изъ Морского Корпуса, Директоръ Корпуса предложилъ его мѣсто Генералъ-маіору Ал. Евг. Завалишину.

Мудрый Царедворецъ, вступивъ на этотъ большой и отвѣтственный постъ, рѣшилъ сразу проявить свои силы и таланты и началъ съ праздника самого Адмирала Герасимова, которому въ этомъ году выходилъ срокъ службы въ офицерскихъ чинахъ ровно 40 лѣтъ. Онъ выслуживалъ право ношенія Георгіевской ленточки съ золотымъ числомъ 40 римскими цифрами, наложенными на нее. Для этого праздника Генералъ Завалишинъ поднялъ на ноги весь «Сфаятъ» и весь «Кебиръ», объѣздилъ городъ и эскадру, задалъ всѣмъ работу, наприглашалъ гостей, поручилъ Завѣдующему Хозяйствомъ Лейтенанту Богданову организовать пиръ, вина, сластей, плодовъ и всякой снѣди! Для пира былъ отведенъ столовый баракъ. Хлопоты Генерала увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Въ торжественный день внутренность арабскаго барака превратилась въ «Дворецъ Шехеразады».

Гирлянды Африканскаго вереска темной рѣзной зелени со вплетенными въ нихъ лиловыми и розовыми астрами обрамляли входъ и вились подъ потолкомъ вдоль бѣлыхъ стѣнъ. Красные, синіе, желтые, розовые ковры устилали полъ и низъ стѣны и покрывали высокій помостъ съ кресломъ тріумфатора. Передъ кресломъ стоялъ столъ, другіе столы обступали помостъ, составляя карэ.

Надъ помостомъ съ потолка спускалась сѣнь ввидѣ тонкаго шатра, сшитаго изъ Морскихъ сигнальныхъ флаговъ. Скрытыя въ розовыхъ, зеленыхъ, желтыхъ и голубыхъ абажурахъ, лампы, одѣвали шатеръ въ перламутровый свѣтъ. Живые цвѣты, вино, фрукты, пироги и печенья украшали столы.

Вечеромъ вошли въ шатеръ всѣ жители Сфаята и офицеры Кебира и эскадры. Въ торжественной тишинѣ Генералъ Завалишинъ пошелъ приглашать Адмирала и Адмиральшу. Они вошли въ шатеръ. Ласковая радостная улыбка сіяла на ихъ лицахъ.

Громкое, дружное, искреннее ура встрѣтило ихъ приходъ, они поднялись на возвышеніе подъ сѣнь родныхъ флаговъ и сѣли рядомъ, какъ на тронѣ. Вокругъ нихъ, по старшинству, разсѣлись Адмиралы и штабъ-офицеры, а по бокамъ остальные чины, дамы и гости. Начались тосты и рѣчи, ста-

каны чокались, ораторы смѣняли другъ друга, переливались крики, смѣхъ и говоръ. Веселое, радостное, праздничное настроеніе охватывало всѣхъ. Прямо противъ Адмирала съ потолка спускалась Георгіевская лента и на ней золотыя римскія цифры 40 лѣтъ.

Онъ сидѣлъ, простой и милый, слушалъ всѣхъ съ добродушной улыбкой на своемъ мужественномъ лицѣ.

И, глядя на него, мнѣ вспомнилось:

«Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ»...

«Они вспоминаютъ минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ боролись они»...

Среди военныхъ преподавателей былъ въ Корпусѣ Генералъ-Лейтенантъ К. Н. Оглоблинскій — знаменитый девіаторъ, профессоръ компаснаго дѣла, онъ всталъ и, поднявъ бокалъ за здоровье Адмирала, въ прекрасной рѣчи разсказалъ блестящую службу Директора Корпуса и закончилъ рѣчь словами:

«Девизомъ жизни и службы А. М. Герасимова было всегда: «Прямо и вѣрно», такъ онъ и прошелъ всю свою жизнь».

Отъ штатскихъ преподавателей всталъ профессоръ Исторіи Ник. Ник. Кноррингъ и прочелъ стихотвореніе, не то свое, не то его дочери:

— Когда грохочетъ громъ и рвутся съ трескомъ снасти, и, можетъ быть, вдали грядетъ девятый валъ, отрадно знать, что въ этотъ мигъ напасти не спитъ въ каютѣ Адмиралъ. И мы, пловцы разметанные шкваломъ, усталые плывемъ въ моряхъ страны чужой, но вѣримъ мы — не выпуститъ штурвала изъ рукъ своихъ умѣлый рулевой.

Пройдутъ года и пронесутся бури, увидимъ мы опять родной земли поля, лѣса, снѣга, своихъ морей лазури, отважный взлетъ родного корабля... И въ призракахъ минувшаго былого мы вспомнимъ Африку, Сфаятъ, Джебель Кебиръ, забудется, что было въ нихъ плохого, запомнится лишь добрый миръ. Припомнятся намъ дни и вечера и ночи и онъ, привѣтливый, средь разныхъ лицъ и встрѣчъ, въ кабинкѣ огонекъ его, горящій до полночи и юморомъ посыпанная рѣчь. Онъ съ нами здѣсь несетъ изгнанья бремя, ведя ко-

рабль среди подводныхъ скалъ, самъ твердый, какъ скала — и мягкій въ то же время нашъ бодрый старый Адмиралъ.

Это стихотвореніе вызвало сенсацію: апплодировали, кричали, вызывали автора. Самъ виновникъ торжества былъ растроганъ, всталъ и сказалъ:

«Если авторъ самъ профессоръ, то жму крѣпко его руку, если милый поэтъ — его дочь, то я завтра поцѣлую поэта».

Взрывъ дружнаго смѣха покрылъ ласковую шутку Адмирала.

Звенѣли стаканы, лилось вино, сладкіе пироги исчезали за чаемъ. Собраніе веселилось и сливалось въ одну дружную семью. Такъ сближаетъ людей разнородныхъ праздникъ, радость, счастье и вино.

Но всему есть конецъ. Кончился и праздникъ. Адмиралъ благодарилъ гостей и устроителей и ушелъ въ свою кабинку. Генералъ ликовалъ. Гости разъѣхались по домамъ, кто не смогъ — заночевалъ въ Корпусѣ; погасли огни, завяли цвѣты въ табачномъ дыму и ночь окружила Сфаятъ темнотой, тишиной и истомою.

На строевой площадкѣ Кебира шли репетиціи парада. Батальонъ проходилъ передъ новымъ Начальникомъ Строевой Части Генераломъ Завалишинымъ, который замѣнилъ уѣхавшаго М. А. Китицына, и занялъ свое прежнее достойное и заслуженное мѣсто, превратясь изъ «Санъ-Жанскаго бѣженца» въ Помощника Директора.

Послѣ праздника Адмиралу, мудрымъ дѣйствіемъ его было предложеніе сыну Адмирала — офицеру-авіатору и художнику Вл. Ал. Герасимову расписать красками стѣны барака-столовой картинами изъ жизни флота отъ Петра Великаго до нашихъ временъ. Были куплены краски и кисти, выбраны изъ гардемаринъ и кадетъ художники и талантливый преподаватель мастеръ и его подмастерья создали изъ арабскаго барака «дворецъ изъ русской сказки».

Надъ выходной дверью былъ укрѣпленъ бригъ «Наваринъ» подъ всѣми парусами подъ Андреевскимъ флагомъ — (работа гардемаринъ — модель брига) по одну сторону двери на стѣнѣ старинные корабли 120-ти пушечные фрегаты

подъ парусами, по другую бригада крейсеровъ нашего времени. У противоположной двери, по одну сторону — Сухарева Башня въ Москвѣ — I-ая Навигацкая Школа, по другой — Морской Корпусъ въ С.-Петербургѣ на берегу рѣки Невы. На боковой стѣнѣ противоположный берегъ съ Балтійскимъ Судостроительнымъ заводомъ, линейный корабль XX-го вѣка и эскадренные миноносцы на полномъ ходу и наконецъ, памятникъ Императору Петру Великому (работы Антокольскаго) въ окруженіи его галлернаго флота подъ парусами.

Всѣ эти картины въ живыхъ и яркихъ краскахъ талантливой кисти Владимира Александровича, были въ рамахъ живыхъ гирляндъ изъ вереска, листьевъ и вай. Пальмовыя вѣтви скрещивались надъ овалами картинъ, образуя и раму и «славу» художниковъ, создавшихъ эти удивительныя картины.

Длинные столы были покрыты бязевыми скатертями, на нихъ разставлена желѣзная посуда «арабскихъ» войскъ, въ консервныхъ банкахъ цвѣты Сфаята, бутылки краснаго и бѣлаго «французскаго» вина и явства «русской кухни».

«Кто этихъ чудесъ художникъ?»

«Кто авторъ этого зала?» — восклицали гости.

«Герасимовъ художникъ, Сынъ нашего Адмирала», — отвѣчалъ имъ счастливый Генералъ Завалишинъ.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО О ЖИЗНИ М. К.

О жизни Морского Корпуса въ Африкѣ можно было бы написать отдѣльную большую интересную книгу со многими психологическими этюдами, романическими сценами, веселыми и печальными эпизодами, съ глубокими философскими мыслями и весьма остроумными шутками и остротами старыхъ и молодыхъ участниковъ этой оригинальной жизни; но, къ сожалѣнію, количество печатныхъ знаковъ моего произведенія ограничено и я принужденъ закончить его на этихъ послѣднихъ страницахъ.

Благодарною памятью коснулся я многихъ офицеровъ Императорскаго производства — воспитателей Корпуса.

Велика благодарность и добрая память Морского Корпуса и тѣмъ совсѣмъ молодымъ офицерамъ: Мичманамъ Парфенову, Васильеву, Аксакову, Макухину, Макшееву, Майдановичу, Дунаеву и слѣдующимъ за ними Корабельнымъ Гардемаринамъ изъ «Владивостокскаго» Морского Училища, которымъ выпала на долю съ первыхъ дней своей службы начать столь тяжелую, столь сложную учебно-воспитательскую службу, которая въ былое время въ Петербургскомъ Корпусѣ допускалась только съ солиднаго Лейтенантскаго чина. Эти молодые мичмана и корабельные гардемарины вложили всю свою молодую энергію и горячее сердце юноши въ дѣло воспитанія молодыхъ моряковъ и, отдавая честно и широко свои свѣжія силы и знанія, много и хорошо способствовали образцовой жизни, службѣ и работѣ Морского Корпуса въ Бизертѣ. И, конечно, ни Корпусъ, ни благодарные ихъ воспитанники ихъ большого и цѣннаго труда не забудутъ!

Чтобъ закончить, кратко пробѣгу незаписанныя «событія».

Во Франціи у кадетъ, хлопотами Лейтенанта Цингеръ образовались «Крестныя матери», — отъ нихъ кадеты получали письма, сладости, мелкія вещицы обихода и карманныя деньги.

Былъ приглашенъ учитель месье Лафонъ — обучать Кебиръ и Сфаятъ французскому языку.

Прискакали однажды на горячихъ арабскихъ коняхъ арабы всадники и привезли на сѣдлахъ своихъ «подарки» Корпусу. Это была сладкая каша съ фруктами по арабски «Кусъ-Кусъ». Всадники въѣхали къ крѣпость, сошли съ коней и понесли мѣдные, ярко вычищенные тазы съ «Кусъ-Кусомъ» гардемаринамъ и кадетамъ, — большимъ любителямъ всего сладкаго.

Въ день равноденствія старшіе гардемарины ночью, украдкой, навѣшивали плакаты съ болѣе или менѣе остроумными надписями по адресу воспитателей и преподавателей на

двери ихъ кабинокъ, вызывая этимъ на утро веселый смѣхъ, лукавую улыбку, иногда ругань и слезы обиды.

Передъ экзаменомъ по Астрономіи у выпускныхъ гардемаринъ, тяжко заболѣвалъ «Нотикаль - Альманахъ». На деревьяхъ, на баракахъ появлялись бюллетени о ходѣ его болѣзни. А въ ночь, по окончаніи экзамена, «Альманахъ» скончавшійся хоронили, согласно ритуалу, заповѣданному предками черезъ «Золотую книгу» Корпуса.

Первый выпускъ въ Бизертѣ на похоронахъ «Альманаха» выставилъ очень хорошо переодѣтыхъ и загримированныхъ — гардемаринъ. Вице - Адмирала Герасимова — Директора правящаго и Контръ-Адмирала Ворожейкина — бывшаго Директора. Кап. 1-го ранга Китицына, Генералъ-Лейт. Оглоблинскаго, меня, Старш. Лейтенантовъ Брискорнъ, Кругликъ-Ощевскаго, Кап. 2-го ранга Остолопова, Кап. Насонова и Адъютанта Лейт. Лемлейнъ. Четырехъ полуголыхъ носильщиковъ гроба. Вдову «Альманаха», четырехъ полуголыхъ русалокъ и самаго Царя Морского — «Нептуна». «Похороны» прошли по всѣмъ правиламъ съ пѣснями, пляскою, анаѳемой и возліяніемъ. Затѣмъ «Золотая книга» перешла слѣдующей ротѣ, становившейся старшей.

Вновь испеченныхъ корабельныхъ гардемаринъ чествовали дамы «Сфаята».

Дамскій Комитетъ устроилъ имъ «прощальный чай». Жены офицеровъ и преподавателей угощали ихъ сладкими пирогами, милой рѣчью и свѣтлой улыбкой и, простившись съ Корпусомъ, корабельные гардемарины ушли въ большую и новую жизнь.

Въ лагерѣ «Сфаятѣ» почти каждый гардемаринъ и кадетъ имѣлъ свою хорошо-знакомую семью, въ которой онъ былъ принятъ, какъ родной и близкій дому, гдѣ проводилъ свои свободные часы и праздники. Такіе гости носили названіе «сыновей». У кого было два, три, а у другихъ 8 и 10 «сыновей». Такое отношеніе «Сфаята» къ «Кебиру» нѣсколько

смягчало остроту полнаго сиротства воспитанниковъ Корпуса; а мягкое вліяніе женщинъ — матери и сестры смягчало и облагораживало грубаго, по природѣ, мужчину — воина.

Были спектакли на Кебирѣ, тогда обратно: дамы и барышни Сфаята становились гостями гардемаринъ и кадетъ. Кромѣ моей «Руѳи», ставилъ Ст. Лейт. Кругликъ-Ощевскій со своей ротой пьесу. Ставила супруга Инспектора г-жа Александрова пьесы А. Чехова; всѣ спектакли проходили очень успѣшно и приносили большое и долгое удовольствіе и участникамъ и зрителямъ.

Каждый годъ на Рождествѣ сооружали «Елку». Въ годъ правленія «Кебиромъ» Генерала Завалишина «Елку» сооружалъ я со своими ротами.

Съ любезнаго разрѣшенія французовъ, вырубили мы большую елку — до самаго потолка. Всѣ украшенія, бонбоньерки, бусы, ленты, фонарики, звѣрюшки создавались у меня руками кадетъ изъ купленныхъ въ Бизертѣ матеріаловъ. Въ первый день Рождества громадная елка, сверкая огнями и звѣздами, горѣла въ столовой Корпуса на великую радость дѣтей и взрослыхъ, своихъ и гостей съ эскадры.

Подъ громъ рукоплесканій и радостныя крики изъ подъ елки на тройкѣ дѣтей выѣхалъ въ саняхъ самъ «елочный дѣдъ» и привезъ дѣтямъ полныя сани подарковъ. Русская «баба-Яга», «русалки» и «лѣшій», помогали дѣтямъ раздавать сласти и подарки. Шумъ, смѣхъ, возня, крики и полный ротъ пряниковъ совсѣмъ, какъ въ Россіи. Елку увлекали въ уголъ. Грянула музыка. Начались веселые танцы.

На другой годъ «елку» ставилъ Ст. Лейт. Кругликъ-Ощевскій со своей ротой. Елка эта была на Кебирѣ. Много

на нее ушло и труда и фантазіи. Была даже «Избушка на курьихъ ножкахъ». Веселились, рѣзвились, много смѣялись, много танцевали. Гуляй Рассейюшка! Гуляй Матушка.

Вотъ ужъ, воистину, «гулять» «хорошо и съ душою» умѣютъ одни только русскіе!

На Пасху приносили мнѣ высокій «Артосъ» и я, еще въ Севастополѣ, всегда расписывалъ его верхнюю главу «Воскресеніемъ Христовымъ» акварелью или масляной краской. Такъ украшалъ я ихъ и въ Бизертѣ. Овѣянныя тихой печалью, трогательные дни послѣдней недѣли Великаго поста, когда говѣлъ я со своими кадетами. Радостный день святаго причащенія. И наконецъ незабываемый свѣтлый, торжественный, великій и ликующій праздникъ Св. Пасхи и Крестный ходъ въ горахъ съ пѣніемъ «Христосъ Воскресе!» Богатые разговѣны и роднящее христосованіе съ дорогими ротными сыновьями.

Изъ печальныхъ событій, посѣтившихъ Морской Корпусъ, были смерти: умеръ Хаджи-Медъ — джигитъ — Кавказскій воинъ — вѣрный вѣстовой Директора Корпуса. Не странно ли «Джигитъ» у Адмирала? Но тамъ насъ ничего не удивляло. Хаджи-Меда хоронили съ воинскими почестями, какъ солдата русской арміи съ музыкой на Магометанскомъ кладбищѣ. Узнали объ этомъ арабы-единовѣрцы и радовались, проникаясь уваженіемъ къ русскому народу, который такъ уважаетъ каждаго своего солдата, хотя бы и не русской вѣры.

Умерла здоровая, полная, румяная, красивая и веселая женщина Квитченко, прислуживавшая Адмиральшѣ во время ея болѣзни и стиравшая ея бѣлье. Горько оплакивалъ ее мужъ и маленькая тоже въ мать «кровь съ молокомъ» ея дочка.

Умерла послѣ долгой, изступленно-мучительной болѣзни Глафира Яковлевна Герасимова — супруга Директора Корпуса. У дверей ея кабинки шла панихида. У окна на колѣняхъ рыдалъ Адмиралъ. Ароматъ цвѣтовъ и запахъ ладана наполняли маленькую комнатку. За стѣной на столѣ стоялъ гробъ розоватаго дерева. Генералъ Завалишинъ обивалъ его собственноручно глазетомъ и кружевами; приготовляя Адмиральшѣ ея послѣднюю постель, мудрый царедворецъ оказалъ правящей семьѣ третью и послѣднюю услугу. Гробъ готовъ, внесенъ въ горницу. Адмиралъ подошелъ къ дорогой покойницѣ.

— Господа, помогите мнѣ уложить ее, — сказалъ онъ голосомъ отчаянной скорби.

Я подошелъ къ ея постели, и мы вдвоемъ уложили тѣло въ приготовленный гробъ. Адмиралъ собралъ цвѣтовъ и обложилъ ими покойницу и, съ невыразимой нѣжностью, погладилъ ея скрещенныя, совсѣмъ прозрачныя восковыя руки.

Гробъ подняли офицеры и понесли на рукахъ на высокій «Кебиръ» въ ту церковь, въ которой она такъ любила молиться.

Впереди гроба на всемъ пути маленькіе кадеты несли живые цвѣты и усыпали ими шоссейную дорогу, по которой двигался гробъ съ той безконечно-доброй женщиной, которая отдавала имъ истинно-материнскую любовь и заботу.

Гардемарины стояли шпалерами по всей горѣ до самой церкви.

Въ церкви гробъ стоялъ, утопая въ цвѣтахъ и въ вѣнкахъ.

Военные Морскіе и Сухопутные офицеры французы и ихъ дамы, представители русской эскадры, всѣ жители Кебира и Сфаята запрудили церковь, корридоры и дворы крѣпости, гдѣ шла послѣдняя заупокойная литургія.

Корпусный хоръ въ послѣдній разъ пѣлъ дорогой покойницѣ свои дивные и трогательные напѣвы и вотъ уже «вѣчная память» и «послѣднее цѣлованіе»... И гробъ закрытъ навсегда... Медленно и торжественно двинулось длинное погребальное шествіе на далекое Бизертское кладбище.

Тамъ у каменной ограды французскаго кладбища жда-

ла ее открытая могила. Въ нее опустили гробъ. Отецъ Георгій Спасскій благословилъ отходящую въ нѣдра Матери-земли и бросилъ первый комъ, Адмиралъ — второй, и посыпалась земля изъ рукъ всѣхъ проводившихъ къ мѣсту послѣдняго упокоенія. И закрылась могила и выросла насыпь. Цвѣтами и вѣнками покрылась сырая земля и черный крестъ съ дорогимъ ея именемъ, среди розъ и бѣлыхъ лилій легли голубыя и бѣлыя ленты.

На шелку золотыми буквами стояло: «Незабвенной Глафирѣ Яковлевнѣ Герасимовой — Морской Корпусъ».

О жизнь, жизнь! Ты прекрасна, какъ нѣжный ласковый разсказъ и я любила тебя страстно въ послѣдній день, въ предсмертный часъ.

Богатой жизни слѣдъ мятежный исчезъ, какъ сонъ. Теперь ничѣмъ не отуманенъ путь безбрежный... — Какъ умирать? Сейчасъ?.. Зачѣмъ?..

Медленно, но вѣрно таялъ Морской Корпусъ въ своемъ личномъ составѣ.

Кончающіе воспитанники уѣзжали во Францію на заработки, за ними уѣзжали и воспитавшіе ихъ офицеры и преподаватели. Рѣдѣлъ штатъ служащихъ.

Драгоцѣнная чаша съ дорогимъ напиткомъ медленно испаряла живительную влагу и уже виднѣлось, просвѣчивая, ея золотое дно. Наконецъ послѣдняя капля была испита. И жизни Морского Корпуса въ Африкѣ приходилъ конецъ, «сказка, гдѣ былъ Русскій духъ и Русью пахло» кончалась, наступало пробужденіе послѣ пятилѣтняго сна, въ которомъ грезилась еще Россія. Умирало маленькое русское княжество «Джебель-Кебиръ-Сфаятское» и 5-го мая 1925 года, по требованію французскихъ властей, была объявлена ликвидація Морского Корпуса. И съ этого дня съ лица высокой Кебирской горы сползалъ онъ медленной поступью, пока не со-

шелъ весь; и на мѣстѣ живой и плодотворной жизни остался снова пустой ненаселенный «лагерь Сфаятъ» съ бѣлыми бараками и красной черепичной крышей.

Крѣпко заперлись желѣзныя ворота Джебель-Кебирской крѣпости и бронзовый воинъ арабъ въ голубыхъ шароварахъ и бѣлой накидкѣ тихо и мѣрно шагалъ передъ каменнымъ умершимъ фортомъ. На солнцѣ ярко горѣла его красная феска. Синее море билось подъ горою и омывало бѣлый городъ Бизерту ко всему равнодушною волною.

Оконченъ трудъ завѣщанный отъ флота мнѣ — флотскому. Не даромъ 20 лѣтъ воспитывалъ кадетъ я, Морскому дѣлу всѣхъ ихъ обучалъ.

Въ сердца ихъ сѣялъ я любовь къ родному флоту.

Ихъ души къ морю направлялъ. Да вѣдаютъ младыя поколѣнья всю красоту великаго служенья родному морю, кораблямъ, великой Родинѣ Россіи вѣнчаннымъ ея Вождямъ.

Россійскаго Императорскаго Флота
Капитанъ 1-го ранга **Владимиръ Бергъ.**

1931 года
Кламаръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Стр.

Часть I. Открытіе и жизнь Морского Корпуса въ Севастополѣ. 5

Часть II. Бѣлый Адмиралъ и Крымская эвакуація 91

Часть III. Морской Корпусъ въ Африкѣ 131

IMPRIMERIE «PASCAL». 13, RUE PASCAL. PARIS.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Книжный магазинъ
Е. СІЯЛЬСКОЙ
2, Rue Pierre-le-Grand, PARIS (8ᵉ)